

ПОЛИТИЯ

Анализ

·

Хроника

·

Прогноз

ПОΛΙΤΕΙΑ

№ 4 (95)

Москва
2019

ПОЛИТИЯ

Журнал
политической философии
и социологии политики
Основан А.М.Салминым в 1996 г.

Учредители:
АНО «Общественно-
политический журнал.
Журнал политической
философии и социологии
политики «Полития.
Анализ. Хроника. Прогноз»;
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Главный редактор
Святослав Каспэ
Заместители главного редактора:
Лидия Галкина,
Сергей Михайлов,
Юрий Руднев

Ответственный редактор номера
Лидия Галкина

Над номером работали:
Антон Афанасьев,
Светлана Микоян,
Андрей Петроковский,
Дина Розенберг

Адрес редакции:
109028, Москва, ул. Солянка,
д. 3, стр. 1, офис 14
Телефон: (499) 713-02-64
Электронная почта: politeia@politeia.ru

Опубликованные в журнале материалы
распространяются свободно
при условии ссылки на первоисточник

© АНО «Общественно-политический журнал. Журнал
политической философии и социологии политики
«Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», 2019

POLITEIA

Journal
of Political Philosophy
and Sociology of Politics
Founded by Alexei Salmin in 1996

Institutional founders:
Autonomous
non-profit organization
The Journal of Political Philosophy
and Sociology of Politics "Politeia.
Analysis. Chronicle. Forecast";
Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences

Editor-in-Chief
Svyatoslav Kaspe
Deputy Editors-in-Chief:
Lidia Galkina,
Sergey Mikhailov,
Yury Rudnev

Executive Editor
Lidia Galkina

This issue was prepared by:
Anton Afanasiev,
Svetlana Mikoyan,
Andrei Petrokovsky,
Dina Rosenberg

Contact Information
Tel.: +7 499 7130264
Email: politeia@politeia.ru
Address: 3 Solyanka St., building 1,
office 14, Moscow, 109028, Russia

The writings published in the Journal
can be reproduced elsewhere
so long as the original source is cited

© Autonomous non-profit organization The Journal
of Political Philosophy and Sociology of Politics
"Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast"

ПОЛИТИЯ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Совета
Сергей Хенкин (Москва, Россия)

Заместители председателя Совета:

Александр Галкин (Москва, Россия)
Александр Муzyкaнтский
(Москва, Россия)

Члены Совета:

Татьяна Алексеева (Москва, Россия)
Фуад Алескеров (Москва, Россия)
Лидия Галкина (Москва, Россия)
Ирина Глебова (Москва, Россия)
Скотт Гельбах (Мэдисон, США)
Джон Данн (Кембридж, Великобритания)
Андрей Дегтярев (Москва, Россия)
Андрей Зубов (Москва, Россия)
Михаил Ильин (Москва, Россия)
Сергей Караганов (Москва, Россия)
Святослав Каспэ (Москва, Россия)
Владимир Колосов (Москва, Россия)
Тимоти Дж. Колтон (Гарвард, США)
Юрий Коргунюк (Москва, Россия)
Александр Кузнецов (Париж, Франция)
Борис Макаренко (Москва, Россия)
Андрей Мельвиль (Москва, Россия)
Сергей Михайлов (Москва, Россия)
Деннис К. Мюллер (Вена, Австрия)
Вячеслав Никонов (Москва, Россия)
Ханну Нурми (Турку, Финляндия)
Борис Орлов (Москва, Россия)
Юрий Пивоваров (Москва, Россия)
Уильям М. Райзингер (Айова Сити, США)
Дина Розенберг (Москва, Россия)
Николай Розов (Новосибирск, Россия)
Юрий Руднев (Будапешт, Венгрия)
Георгий Сатаров (Москва, Россия)
Александр Сунгуров
(Санкт-Петербург, Россия)
Леон Габриэль Тайванс (Рига, Латвия)
Андрей Тесля (Калининград, Россия)
Дэниэл Трейсман (Лос Анджелес, США)
Марк Урнов (Москва, Россия)
Михаил Филиппов (Бинхэмтон, США)
Леонид Фишман (Екатеринбург, Россия)

POLITEIA

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board
Sergei Khenkin (Moscow, Russia)

Vice-Chairmen:

Alexander Galkin (Moscow, Russia)
Alexander Muzykantskiy
(Moscow, Russia)

Members of the Editorial Board:

Tatiana Alekseeva (Moscow, Russia)
Fuad Aleskerov (Moscow, Russia)
Timothy J. Colton (Harvard, USA)
Andrey Degtyarev (Moscow, Russia)
John Dunn (Cambridge, UK)
Mikhail Filippov (Binghamton, USA)
Leonid Fishman (Ekaterinburg, Russia)
Lidia Galkina (Moscow, Russia)
Scott Gehlbach (Madison, USA)
Irina Glebova (Moscow, Russia)
Mikhail Ilyin (Moscow, Russia)
Sergey Karaganov (Moscow, Russia)
Svyatoslav Kaspe (Moscow, Russia)
Vladimir Kolosov (Moscow, Russia)
Yury Korgunyuk (Moscow, Russia)
Alexander Kuznetsov (Paris, France)
Boris Makarenko (Moscow, Russia)
Andrey Melville (Moscow, Russia)
Sergey Mikhailov (Moscow, Russia)
Dennis C. Mueller (Vienna, Austria)
Vyacheslav Nikonov (Moscow, Russia)
Hannu Nurmi (Turku, Finland)
Boris Orlov (Moscow, Russia)
Yuri Pivovarov (Moscow, Russia)
William M. Reisinger (Iowa City, USA)
Dina Rosenberg (Moscow, Russia)
Nikolai Rozov (Novosibirsk, Russia)
Yury Rudnev (Budapest, Hungary)
Georgy Satarov (Moscow, Russia)
Alexander Sungurov
(St. Petersburg, Russia)
Leons G. Taivans (Riga, Latvia)
Andrei Teslya (Kaliningrad, Russia)
Daniel Treisman (Los Angeles, USA)
Mark Urnov (Moscow, Russia)
Andrey Zubov (Moscow, Russia)

Содержание

	Материалы номера _____	5
Политические теории	А.Р.Третьяк, Н.Н.Тинус Политическая логика «multitudo» в работах Гоббса и Спинозы _____	6
	Д.В.Балашов Идея справедливости Амартии Сена _____	25
	А.А.Рожков «Интересы» и «идеалы»: переопределяя политический реализм _____	39
	С.А.Кучеренко Суверенитет и интеграция в политическом реализме _____	53
Общественное сознание	Е.Б.Шестопал, В.В.Вагина, П.С.Пасс Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами _____	67
	А.О.Земцов «Сильная рука»: авторитарность в политической культуре современных россиян _____	87
Религия и политика	Е.И.Зеленев, Л.М.Исаев Развитие концепции джихада: минимализм и максимализм в исламе _____	111
Политические партии	Н.В.Работяжев Западноевропейская социал-демократия в XXI веке: от модернизации к кризису _____	132
	Ю.А.Остапец Между Сциллой национализации и Харибдой регионализации: особенности развития партийной системы Украины _____	154
Лаборатория	Д.Я.Розенберг, А.А.Серова Как «достойное правление» и глобализация снижают младенческую смертность: каузальная связь _____	175
	Р.В.Пырма Электоральная активность молодежи в США, Великобритании, Франции, Германии и России (Сравнительное исследование) _____	188
Приложение	Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Полития» в 2019 году _____	205
	XIV Конкурс работ молодых политологов на премию А.М.Салмина _____	208
	Правила представления рукописей для публикации в журнале «Полития» _____	209
	Table of Contents _____	212

Исследуя понятие «multitudo», развернутое в трудах Т.Гоббса и Б.Спинозы, **А.Р.Третьяк** и **Н.Н.Тинус** пытаются концептуализировать множество не в логике становления политического субъекта, а через интерпретацию его как особой части политической реальности, сам способ существования которой оказывается проблемой для политических мыслителей.

По оценке **Д.В.Балашова**, новаторство А.Сена заключается в том, что он выступил с критикой трансцендентального институционализма, лежащего в основе подхода к справедливости многих известных теоретиков. Применяв оригинальную методологию, Сен создал теорию поистине глобального охвата, претендующую на решение целого спектра проблем, стоящих перед человечеством.

Опираясь на психоаналитический анализ «я-идеала» и его влияния на массовое сознание, **А.А.Рожков** показывает, что обращение к понятию идеала не только снимает основное противоречие в определении национальных интересов в политическом реализме, но и открывает путь к эффективному продвижению таковых в долгосрочной перспективе.

Политический реализм — чрезвычайно разнообразное направление в теории международных отношений. Не претендуя на разбор всех его разновидностей, **С.А.Кучеренко** концентрирует внимание на подходах к проблеме суверенитета и интеграции основоположника политического реализма Г.Моргентау.

Проведенное **Е.Б.Шестопал**, **В.В.Вагиной** и **П.С.Пассом** исследование говорит о волатильности психологического состояния российского общества, что чревато усилением неустойчивости в политической жизни, следствием которой может стать как углубление политической апатии и цинизма, так и рост протестных настроений.

В статье **А.О.Земцова** представлены результаты количественного исследования авторитарности в политической культуре современных россиян через такую ее характеристику, как ориентация на «сильную руку».

Проанализировав эволюцию трактовки понятия «джихад» под углом зрения двух мировоззренческих платформ, представленных в системе взглядов интеллектуалов исламского мира, **Е.И.Зеленев** и **Л.М.Исаев** демонстрируют, что, хотя все исламисты стремятся к установлению планетарной власти шариата, между ними есть серьезные расхождения по вопросу о методах и средствах достижения этой цели.

Зафиксировав кризис левоцентризма в современной Европе, **Н.В.Работяжев** высказывает предположение, что европейская социал-демократия может достичь реального обновления лишь на пути творческого синтеза социалистических, либеральных и консервативных установок.

На основе анализа результатов парламентских выборов в Украине в 1994—2019 гг. **Ю.А.Остапец** приходит к выводу, что в развитии украинской партийной системы отчетливо выражены две тенденции — к национализации и регионализации.

Рассмотрев теоретические аргументы в пользу заключения о том, что межстрановые вариации в уровне младенческой смертности обусловлены не характером политического режима, а качеством управления, **Д.Я.Розенберг** и **А.А.Серова** тестируют его на обширном эмпирическом материале, развивая и уточняя предшествующие исследования.

Приводимые в статье **Р.В.Пырмы** данные опровергают представление об утрате молодым поколением интереса к избирательному процессу, демонстрируя несостоятельность попыток линейного прогнозирования электоральной активности на основании тенденций, характерных для предшествующих избирательных циклов.

А.Р.Третьяк, Н.Н.Тинус

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА «MULTITUDO» В РАБОТАХ ГОББСА И СПИНОЗЫ

Артур Романович Третьяк — аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: assefir@mail.ru.

Никита Николаевич Тинус — аспирант Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета. Для связи с автором: tiinusnn@gmail.com.

Аннотация. В статье исследуется понятие «множество», развернутое в трудах двух крупнейших политических философов XVII в. — Т.Гоббса и Б.Спинозы. Обращаясь к этой теме, авторы пытаются концептуализировать множество не в логике становления политического субъекта, а через интерпретацию его как особой части политической реальности, сам способ существования которой оказывается проблемой для политических мыслителей. Согласно их заключению, изучение множества должно идти от онтологии к идеологии, а не в обратном направлении. Только так можно выстроить общую перспективу, в которой отразится реальное напряжение между системами Гоббса и Спинозы.

В первой части статьи рассматриваются взгляды Гоббса и Спинозы на сущность множества. Для английского философа множество есть хаотичная материя, движение которой нуждается в регулировании путем заключения общественного договора и установления суверенной власти. Спиноза, с одной стороны, наследует Гоббсу, с другой — оппонирует ему. Истоки расхождений между двумя подходами к множеству авторы видят в различии онтологий, связанных, в частности, с содержанием понятий движения, материи и тела. Вторая часть статьи посвящена исследованию отношений между множеством и государством. Гоббсова конструкция суверенитета трактуется как средство, призванное решить проблему множества, придав ему монолитную форму народа. В онтологии Спинозы урегулирование материи извне невозможно. Опираясь при объяснении динамики множества на концепт мощи и теорию аффектов, он формулирует идею о двоякой, одновременно разрушительной и созидательной природе множества.

На основе проведенного анализа авторы приходят к выводу, что для Гоббса и Спинозы, в отличие от современных теоретиков, множество — не эмпирический субъект, а первичная логика существования многих,

которая должна быть понята и в конечном счете преодолена (Гоббс) или освоена политиками для поддержания правильной композиции институтов (Спиноза).

Ключевые слова: множество, народ, политическая философия, теория аффектов, Гоббс, Спиноза

Введение

¹ Латинское слово «*multitudo*» и его производные имеют достаточно богатую традицию употребления в истории политической мысли. В древнегреческом словаре этому термину соответствуют такие понятия, как «*oi polloi*» (масса), «*plethos*» (множество) и «*ochlos*» (толпа). На английский эти понятия обычно переводятся как «*multitude*»; Макиавелли на итальянском говорил о «*la moltitudine*».

Политическая философия часто оглядывается назад, актуализируя старые концепты, которые могут оказаться востребованными в новых исторических и интеллектуальных обстоятельствах. Так произошло с понятием множества¹, получившим развитие сначала в трудах французских и итальянских исследователей марксистского направления, а потом и в рамках иных школ. Когда сегодня начинают говорить о множестве как о политической проблеме, первым делом на ум приходят размышления известных итальянских теоретиков Паоло Вирно и Антонио Негри. Несмотря на некоторые концептуальные расхождения (которые мы пока оставляем в стороне), оба они предприняли грандиозную попытку построить теорию множества как политического субъекта, который возникает в условиях постфордистского производства и глобального общества. В рамках предложенного ими подхода концепт множества становится орудием переосмысления современного политического пространства, а само множество позиционируется как субъект, историческая сила и форма жизни, которая повсеместно заявляет о себе через участие в политических действиях — митингах, массовых движениях, всевозможных перформансах, дебатах и т.д.

Главные теоретики множества, в том числе Негри и Вирно, сходятся в определении той точки, где берет начало концептуализация множества. Эта точка совпадает с истоками политической теории Модерна и связана прежде всего с именами Бенедикта Спинозы и Томаса Гоббса. Первый выступал апологетом множества как творческой силы, второй — своего рода экзорцистом, изгонявшим неуправляемое множество из политического тела. В ходе противостояния их идей в XVII в. доминирующие позиции заняла философия английского происхождения, определившая способ мышления о политике, ее язык и практический облик в целом. В представленной Гоббсом конструкции суверенитета нет места множеству, оно должно быть преобразовано в народ (*people*, *populus*). Однако наметившаяся в последние годы утрата привычных типов идентичности позволяет говорить о возвращении множества или, по крайней мере, предполагать такое развитие событий: «не окажется ли сегодня, когда политическая теория Нового времени претерпевает глубокий кризис, это преодоленное когда-то понятие очень жизненным, беря, таким образом, оглушительный реванш?»².

² Вирно 2013: 10.

Реванш множества предполагает развенчание господствующей традиции политического мышления. По мнению Негри, эта традиция, основанная на апелляции к трансцендентному, развивалась на протяжении

всего Модерна (от Гоббса через Жан-Жака Руссо к Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю и далее), старательно вытесняя множество из теории и практики. Философия Спинозы противостоит этой традиции как онтология имманентности, «дикая аномалия», принципиально исключающая любое опосредование и репрезентацию, закономерно подводя к требованию прямой демократии. Результатом является современное понятие множества, которое приобретает классовые черты. Как социально-политический субъект множество мыслится автономным актором, противодействующим консервативным силам в борьбе за свою свободу.

Однако при обращении к дискуссиям XVII в. становится очевидно, что политическая проблема множества требует другого подхода. Как подчеркивает Славой Жижек, «у Спинозы понятие множества фундаментально двусмысленно: будучи, с одной стороны, производством сопротивления, оно вместе с тем обозначает то, что мы называем „толпой“ — дикий, „иррациональный“ взрыв насилия, который через *imitatio affecti* питается собой и „самовозбуждает“ себя. Это глубокое понимание Спинозы теряется в сегодняшней идеологии множества»³. Что касается Гоббса, то он рассматривал политическую проблему множества в иной перспективе и, по справедливому замечанию Микко Яконена, «не признавал политическую субъектность множества»⁴.

Авторы, описывающие проблему множества в оптике построения особой политической субъектности, сталкиваются, на наш взгляд, с целым рядом трудностей. Во-первых, они изначально задают выбор между множеством и народом: если есть множество, нужно отказаться от народа, и наоборот. Это означает, что при любом размышлении на эту тему следует исходить из одной из указанных альтернатив. Во-вторых, принимая подобную оптику, мы заранее делаем этот выбор, представляя проблему множества в виде антагонизма, который должен разрешиться в пользу множества как единственного адекватного отображения современных форм жизни. Но чтобы увидеть политическую проблему множества, необходим иной путь.

В настоящей статье предпринята попытка концептуализировать данную проблему не в логике становления политического субъекта, а через трактовку множества как особой части политической реальности, сам способ существования которой оказывается проблемой для политических мыслителей. Множество может быть фактором внезапных изменений в политической сфере, если его движение не контролируется и не направляется в определенное русло. Но при наличии хорошо организованных институтов политической власти или, по Аристотелю, правильном встраивании множества в жизнь политического тела⁵ его движение не будет нацелено на разрушение существующего порядка.

Концептуализируя множество как часть политической реальности, следует понимать его не как очередной «опасный класс», выходящий из теоретического и исторического подполья, а как объективно существующую политическую логику, которая неизменно представляет

³ Žižek 2007.

⁴ Jakonen 2013: 48.

⁵ См., напр. Аристотель 1983: 463.

собой проблему и не имеет однозначного решения. Исследование множества должно идти от онтологии к идеологии, а не в обратном направлении. Только так можно выстроить общую перспективу, в которой отразится реальное напряжение между системами Гоббса и Спинозы.

Подобное исследование требует постановки двух вопросов. Первый касается онтологии множества, выявления свойств множества как исходной материи, принципов его движения. Онтологические параметры задают возможные способы регулирования этого движения. Отсюда вытекает второй вопрос — об отношениях между множеством и государственной машиной. Этот вопрос имеет практическое значение, так как обозначает контуры политики множества, ибо возможность (само)управления и формирования устойчивого порядка встроена в само это понятие. Анализируя тексты классиков политической философии, мы попытаемся приблизиться к решению данных вопросов и проследить, как концепт множества может быть реализован вне рамок классового подхода.

**К основам
теории множества:
материя
и движение**

В своих политико-философских рассуждениях Гоббс не раз бросал вызов античным представлениям о человеке и возможности политического общения. Идея человека как политического животного, по самой своей сути склонного к созданию политического порядка и прочных союзов, им решительным образом отвергалась. Аристотелевские основания политики были для него неприемлемы: «Аристотель... утверждает, что одни люди созданы природой, чтобы повелевать, другие — чтобы служить им, как будто различие между господином и рабом является результатом не человеческого установления, а их способностей, то есть естественного знания или незнания. Это положение противоречит не только разуму... но и опыту»⁶.

⁶ Гоббс 1989: 311.

Основанием политики для Гоббса выступает естественное равенство людей. Естественность вовсе не подразумевает порядка и общения, как раз наоборот. И это, конечно, та самая идея, что прославила Гоббса, — идея естественного состояния как войны всех против всех. В естественном состоянии все люди равны, между ними нет существенных различий, а те, что есть, можно преодолеть, как, например, различие в физической силе: чтобы побороть сильного, достаточно простого объединения более слабых. Поскольку люди равны, не может быть заранее заданной иерархии и вообще каких-либо форм гетерогенности, способных послужить условием для создания властных отношений. В конструкции естественного состояния Гоббсу важно сохранить момент гомогенности. В естественном состоянии люди суть некая движущаяся (но не действующая) материя, не имеющая определенной формы.

В этой постоянно пребывающей в движении материи человек не может чувствовать себя в безопасности. Страх относится к числу ключевых эмоций, находящихся в центре внимания политической философии. Люди боятся прежде всего друг друга. В материи множества

чувство страха — одна из преобладающих эмоциональных тональностей. Страх следует отличать от ужаса, провоцирующего панику и бегство от того, кто его вызывает. Страх значительно шире, он включает в себя подозрительность, осторожность, недоверие. Страх и тревога побуждают людей искать причины явлений, всматриваться в будущее в надежде увидеть там способ обеспечить себе благополучную жизнь, но находить лишь новые поводы для беспокойства: «Подобно тому как Прометей (под которым следует разуметь разумного человека) был прикован к скале Кавказа, с которой открывался широкий вид и где орел, расклеывая его печень, пожирал днем то, что отрастало за ночь, точно так же и человек, слишком далеко заглядывающий вперед, в своей заботе о будущем терзается все время страхом смерти, бедности или другого бедствия, имея отдых или передышку от своего беспокойства разве лишь во время сна»⁷.

⁷ Гоббс 2016: 163.

Помимо страха и тревоги, Гоббс анализирует и другие, не менее важные чувства и эмоции. Из природного равенства людей вытекает, что их должны обуревать примерно одни и те же страсти. Главными из них, как полагает английский мыслитель, являются «желания власти, богатства, знания или почестей», причем «все эти страсти могут быть сведены к первой, то есть к желанию власти, ибо богатство, знание и почести суть различные виды власти»⁸. Люди всегда стремятся к власти (power), поскольку иначе не могут обеспечить себе благополучие, а та порождает иные стремления — например, к славе или созерцанию собственного могущества, что неизменно доставляет большое удовольствие.

⁸ Там же: 163.

Итак, люди стремятся к власти. Это главная страсть, направляющая их действия, но она же может представлять угрозу для безопасности других людей и провоцировать взаимный страх. Способны ли мы сами создать условия, при которых в естественном состоянии наша жизнь была бы защищена? Для Гоббса ответ отрицательный: субъективные желания людей сталкиваются между собой, угроза конфликта постоянно висит в воздухе (вспомним метафору возможности дождя при плохой погоде) — в подобных обстоятельствах никакого политического единства естественным путем возникнуть не может. Материя множества находится в постоянном хаотическом движении, состоящем из столкновения различных желаний. Как справедливо замечает Яконен, проблема неорганизованного и хаотического движения множества есть «исходная точка политического решения Гоббса, то есть анализа, затрагивающего основные элементы политики»⁹.

⁹ Jakonen 2013: 24.

В третьей четверти XVII в. по другую сторону Северного моря, в Нидерландах, родилась теория, по своему революционному значению соперничавшая с философией Гоббса. Разные традиции рисуют Спинозу либо как прямого последователя английского философа, либо как его величайшего антагониста, подрывавшего основы гоббсовской политической мысли. В действительности отношения между системами Гоббса и Спинозы носят двойственный характер. Чтобы

прояснить эту двойственность, необходимо обратиться к тому интеллектуальному климату, в котором пришлось действовать голландскому мыслителю.

Когда Спиноза делал только первые наброски своих философских сочинений, имя Гоббса уже громко звучало не только в Великобритании, но и на континенте. Не была исключением и Республика Соединенных провинций. Более того, именно там политическая философия Гоббса получила, пожалуй, наибольшее распространение. Отчасти это объяснялось сравнительной слабостью цензуры и процветавшим книгопечатанием, но главная причина повышенного интереса к трудам англичанина заключалась в ином. В своем затаянном противостоянии со сторонниками Оранского дома и консервативно настроенными кальвинистскими проповедниками республиканская буржуазия Нидерландов нуждалась в политической теории, которая бы переопределила отношения между индивидами и новыми структурами управления, между религией и государством или, если использовать терминологию того времени, между Богом и мирской властью. Построения Гоббса решали эту задачу.

Теорию множества Спинозы мы находим в «Политическом трактате», опубликованном в 1677 г., уже после смерти философа. Нелишне, однако, напомнить, что к его написанию Спиноза приступил уже после завершения своего *opus magnum* — «Этики», которая как «топология модусов существования»¹⁰ задала онтологию множества. В этом ракурсе особенно важны понятия движения и тела, проясняющие динамическое устройство множества. Движение как модус субстанции выражает природу протяжения непосредственно. Это означает, что сущность материи в движении. Как известно, любая другая позиция требует введения некоей внешней инстанции, трансцендентной *primum movens* в том или ином виде. Но, с точки зрения Спинозы, материя вечно и бесконечно творится движением, образуя тела, которые суть не что иное, как формы движения. В свою очередь, эти формы бывают не только простыми, но и композитными (*corpore composita*). Многосоставные тела, они же индивидуумы, отличаются динамической согласованностью своих частей. При этом сложность этой согласованности, или, пользуясь выражением Жюль Делёза, «характерной связности»¹¹, прямо пропорциональна устойчивости индивидуума в бытии — чем она выше, тем больше изменений и воздействий способно испытать тело, не утратив своей сущности, то есть оставаясь собою.

Метафизика Спинозы задает материальные условия существования множества индивидуумов (ибо каждый человек есть тело, сложенное из совокупности индивидуумов). В русле той же логики множество формирует тело государства, понятого как характерные связности в движении людей. Они образуются на базе общего стремления (*conatus*) к упрочнению собственного бытия. Этьен Балибар называет государство Спинозы «индивидуумом индивидуумов» (*individual of individuals*)¹². В государстве множество сохраняет свои свойства, не превращаясь в монолитное единство.

¹⁰ Делёз 2017: 204.

¹¹ Делёз 2017: 100.

¹² Balibar 1998: 64.

Природное движение множества детализируется в терминах аффекта и мощи (*potentia*). Аффект есть состояние тела (и души как идеи тела), сокращающее или увеличивающее его способность к действию, подрывающее или укрепляющее внутреннюю связность его частей. Если речь идет об активном аффекте, причиной которого являемся мы сами, наши мощь-власть-право растут, если о пассивном, порождаемом неким внешним фактором, — снижаются. Подобные состояния можно распространить и на мышление. Человеческий ум, неспособный понять истоки переживаний, которым подвержено тело, уловить их место в общем плане божественной субстанции, в цепи причин и следствий, пребывает в пассивном состоянии. Если же он адекватно распознает и трактует эти истоки, он расширяет горизонт своей мощи, трансформируя страсти в активные аффекты.

И Гоббс, и Спиноза показывают нам, что множество — это материя, которая находится в постоянном хаотическом движении. Эмоциональные состояния, в том числе страх и тревога, суть различные аффекты, которые встречаются у людей, составляющих материю множества. Они побуждают их двигаться, но это движение еще не является политическим действием, которое бы продуцировало и поддерживало устойчивый политический порядок. Для этого необходимо объединение, которое зададо бы общее понимание, согласие и устремленность тех, кто образует множество. Согласно Спинозе, если люди смогут объединиться, их мощь, а значит, и способность к действию возрастут. Одновременно появится и понимание общих интересов: «Государство суммирует не только аффекты, но и рациональные интересы своих граждан»¹³. Другими словами, движение множества теперь опосредуется государством.

¹³ Магун 2011: 306.

**Государство
как управление
движением
множества**

Возвращаясь к Гоббсу, мы обнаруживаем, что из естественного состояния возможен переход в состояние гражданское, где утверждает мир и порядок. Заключая общественный договор, многие преобразуются в единство. Это единство и есть народ (*the people*), и оно обязательно требует репрезентации посредством суверена. Суверен в известном смысле и есть то, что придает множеству форму, в рамках которой возможен порядок. Но ситуация не является такой простой, как может показаться на первый взгляд. Ее суть заключается отнюдь не в том, что множество полностью уходит со сцены, трансформируясь в монолитный народ, — в противном случае проблема множества и государства вообще не ставилась бы политическими теоретиками. Соответственно, Гоббс предлагает нам пристальнее присмотреться к структуре Левиафана, а также к тому, как в ней будет осуществлять свое движение множество. *De facto* речь идет о соотношении между множеством и государством: сохранит ли оно право на существование или же будет поглощено Левиафаном как нежелательный элемент.

Левиафан полезен для людей тем, что он прекращает хаотическое движение множества. Как отмечает Карл Шмитт, Левиафан заключает

в себе сразу три образа — образ зверя, наделенного гигантской силой (библейский змей); образ искусственного человека, состоящего из многих людей; и образ машины, способной отдавать приказы, издавать законы, судить, обеспечивать безопасность и т.д. Беспорядочное движение материи множества встраивается в работу исполняющей машины, которая придает этому движению ритм, направленность и, самое главное, разумность: «Ведь государство как целое, с его телом и душой, представляет собой *homo artificialis* и потому оказывается машиной. Это продукт, изготавливаемый людьми, причем материал и ремесленник, *materia* и *artifex*, машина и ее создатель здесь — одно и то же, а именно сами люди. В силу этого душа тоже становится всего лишь составной частью искусственно создаваемой людьми машины»¹⁴. Помимо всего прочего, эта идеальная машина продуцирует возможность ясного будущего, поскольку сообщает движению множества порядок, который поддается рациональному осмыслению. Левиафан спасает будущее, создает для него внятные рамки, в которые могут встраиваться планы и устремления людей; будущее теперь может просчитываться. Множество обретает форму, становится народом, который благодаря грандиозной машине способен открыть для себя будущее как четкую возможность, освобождающую от тревоги и страха перед туманным ходом событий, с одной стороны, и угрозами безопасности и благополучию, с другой.

¹⁴ Шмитт 2006: 153.

В момент, когда появляется суверенная власть, множества уже нет, оно приняло форму народа и обрело совершенно иные качества. Однако как трактовать ситуацию, когда люди собрались вместе для обсуждения какого-либо вопроса и приняли совместное решение поступать тем или иным образом? Хотя отношения людей в этом случае нельзя квалифицировать как полную разрозненность множества, насколько правомерно вести речь об устойчивом единстве? Ответ на этот вопрос зависит от фактора постоянства. О появлении народа как политического субъекта, согласно Гоббсу, может свидетельствовать лишь постоянное собрание, сила решений которого распространяется не только на то, что происходит здесь и сейчас, но и на более отдаленные события. Если же собрания случайны и нерегулярны, то они не отменяют, а скорее умножают анархию множества: «народ сохраняет верховную власть только до тех пор, пока существуют всем известные и твердо установленные сроки и место собрания, на которое может явиться всякий, кто пожелает. Если же сроки и место собрания не известны и не установлены, то люди могут собираться в разных местах и в разное время, то есть образовывать партии, либо вообще не собираться. И это уже не *δήμος*, то есть народ (*populus*), а разрозненная толпа (*multitudo dissoluta*), которой нельзя приписать никакого законного действия, никакого права»¹⁵. Только действие народа может считаться законным, более того, только он способен к политическому действию, ибо в случае множества действует не единое политическое тело, а совокупность разных волей, которые могут случайно совпасть, а могут, наоборот, прийти в столкновение, породив противоречия и раздоры.

¹⁵ Гоббс 1989: 352.

Вирно усматривает здесь напряжение между бытием многих и бытием в виде единства: первое сопротивляется суверенности и представительству, тогда как второе унифицируется внешней силой суверенной власти. По его оценке, речь идет о двух противоборствующих силах, непримиримом антагонизме двух разных способов бытия. Государство нацелено на инкорпорацию множества в свое политическое тело, приведение его к единству, а множество стремится разорвать это единство и противится включению: «До возникновения Государства существовали „многие“, после образования Государства появляется „один народ“ (porolo-Uno), обладающий единой волей. Согласно Гоббсу, множество избегает политического единства, сопротивляется повиновению, не способно заключать устойчивые соглашения, не может достичь статуса юридического лица, потому что не в состоянии передать свои естественные права суверену. Эту „передачу“ множество не допускает уже хотя бы только из-за своего способа существования (из-за собственного характера множественности) и действия»¹⁶. Но при такой трактовке множество предстает в качестве политического субъекта, осознающего свои действия и обладающего осязаемыми целями. Между тем пафос Гоббса заключается как раз в обратном: у множества отсутствуют единые цели, есть лишь цели отдельных людей, точно так же обстоит дело и с действиями. Поэтому множество напоминает неуправляемого монстра, порождение хаоса. Единое действие народа — это действие осознанное, планируемое, в котором присутствует элемент активного согласия между участниками. Они разделяют и постоянно воспроизводят это согласие, что создает единое действие, тогда как «многие действия, совершенные одним множеством, наоборот, не являются предметом обсуждения, и потому их нельзя понимать как действие, произведенное одной волей»¹⁷.

¹⁶ Вирно 2013: 13.

¹⁷ Jakonen 2013: 68.

Именно поэтому Гоббс объявляет монархию наиболее стабильным политическим строем. Демократия, с его точки зрения, не способна эффективно решать встающие перед ней политические проблемы и несет в себе угрозу регрессии до состояния множества, когда суверенная власть уже не сможет удерживать движение бесформенной материи и направлять ее в нужное русло. При демократии реальное осуществление верховной власти носит прерывистый характер, и между теми моментами, когда люди соединяются в народном собрании, выступающем источником и носителем власти, возможно неконтролируемое движение множества. Монарху же не требуется времени, чтобы организовать в единое лицо для исполнения власти, он всегда является таковым и репрезентирует народ. Преимущество монархии заключается в том, что ее власть существует перманентно, без периодов распада и соединения: «Ведь поскольку ни народ, ни оптиматы не представляют физического единства, им необходимы собрания. Монарх, будучи физически единым, всегда обладает непосредственной возможностью осуществлять свою власть»¹⁸. Возможность постоянного осуществления власти позволяет более эффективно поддерживать мир в государстве и регулировать движение множества.

¹⁸ Гоббс 1989: 355.

В связи с этим неизбежно встает вопрос о демаркации между хаосом множества и демократией. Если власть осуществляется, лишь когда заседает народное собрание, и не контролируется законом, граница между народом и множеством начинает стираться, вызывая к жизни крайнюю демократию (*demos eschatos*), о которой писал Аристотель в четвертой книге «Политики»¹⁹. При такой демократии верховная власть принадлежит простому народу, а не закону, следствием чего становится засилье демагогов и тирания большинства. Это пример ситуации, когда народ и множество сливаются воедино, формы уже нет, а власть хотя еще и сохраняет себя, однако находится в руках демагогов, которые влияют на решения, принимаемые народным собранием.

¹⁹ Аристотель
1983: 496.

Крайняя демократия часто вообще перестает быть государственным устройством, поскольку вместо законов она опирается на произвол демагогов. Народные собрания для демагогов не более чем площадки для упражнения в красноречии: «Ведь нет ничего, что заставило бы кого-то предпочесть государственную деятельность занятию своим личным имуществом, кроме того, что на этих собраниях ему видится поприще для его красноречия, с помощью которого он может стяжать славу мудрого и одаренного человека и, вернувшись домой, в случае успеха торжествовать перед своими друзьями, родителями, женой подобно тому, как некогда Марку Кориолану все его военные деяния доставляли удовольствие лишь потому, что он видел, как мать радуется его славе»²⁰. Народное собрание при крайней демократии управляется демагогами, а сам народ сливается с множеством, или, точнее, в нем начинает преобладать логика множества. Поэтому там не возникает силы, которая могла бы придать хаотичной материи множества должную форму и посредством ясных законов направить движение в правильное русло.

²⁰ Гоббс 1989: 383.

Тем не менее конструкция Гоббса предусматривает возможность совершения в самой бесформенной материи множества определенного демократического акта — заключения общественного договора, нахождения согласия, из которого рождается суверен и государство. После этого, однако, множество не исчезает, а становится *объектом* управления — в отличие от народа, который является политическим *субъектом*, ибо он правит и обладает верховной властью, воплощенной в фигуре суверена. В связи с этим разговор о восстании народа против государства лишен смысла — подобное лучше описывать в логике множества. Множество как самодвижущаяся материя может выйти из-под контроля государственной машины и создать определенную угрозу. Поэтому необходимо четко отделять народ от множества, в особенности в монархическом государстве²¹. Демагоги могут прикрываться именем народа и пытаться побудить множество к совершению действий, направленных против государства. Материя множества, настаивает Гоббс, способна действовать только благодаря наличию тех, кто будет направлять ее движение в определенное русло: «Народ правит во всяком государстве, ибо и в монархическом государстве повелевает народ, потому что там воля народа выражается в воле одного человека.

²¹ Там же: 395.

Масса (*multitudo*) же — это граждане, то есть подданные. При демократии и аристократии граждане — это масса, но собрание (*curia*) — это уже народ. И при монархии подданные — это толпа, а, как это ни парадоксально, царь есть народ. Низы общества (*vulgus hominum*), да и многие другие, совершенно не замечающие, что дело обстоит именно так, о большом количестве людей всегда говорят как о народе, то есть о государстве. Они говорят, будто государство восстало против царя, что невозможно; или будто народ желает или не желает того или другого, когда этого желают или не желают вечно недовольные ворчуны-подданные, прикрывающиеся именем народа, подстрекающие граждан против государства, то есть толпу (*multitudo*) против народа»²². Те, кого Гоббс называет «недовольными ворчунами-подданными», не располагают реальной политической властью, однако они способны речами влиять на действия других людей, что сближает их с демагогами в крайней демократии по Аристотелю.

²² Там же: 395.

Итак, множество не может быть политическим субъектом, поскольку лишено единой воли. Есть множество воли и множество действий. Действие множества — лишь совокупность разрозненных действий, совершаемых отдельными индивидами. Тем не менее наличие фигуры демагога и опасность крайней демократии говорят о том, что эти действия могут направляться и контролироваться теми, кто речами привлекает к себе разных людей. Приобретая способность действия, множество перестает быть таковым и становится народом, репрезентированным в лице суверена. В этом аспекте Гоббс отходит от Аристотеля, давая более однозначную интерпретацию соотношения множества и политической власти. Интерпретация очень строгая: множество не обладает политической властью, поскольку не является политическим субъектом и не представляет собой единого лица.

«Политика» Аристотеля позволяет взглянуть на множество в иной перспективе. Обсуждая вопрос о том, кому же должна принадлежать верховная власть в полисе (другими словами, кто должен быть сувереном), Стагирит отмечает, что в случае выделения какой-либо части общества, будь то богатые, народная масса (*plethos*, то есть, по сути, множество) или единый правитель, эта часть, навязывая свой закон, несет в себе угрозу разрушения всего политического тела. Распределение богатства в чью-либо пользу ведет к тому, что остальное общество начинает страдать от несправедливости. Аристотель отвергает нормативный принцип, согласно которому справедливость есть то, что соответствует закону. Поэтому предлагаемое им решение оказывается более сложным. Кто лучший судья, кто лучше распорядится верховной властью — многие, кто-то один или несколько достойнейших? Согласно Аристотелю, при определенных обстоятельствах многие могут не хуже судить о политических делах, чем группа достойнейших или кто-то один: «Ведь так как большинство включает в себя много людей, то, возможно, в каждом из них, взятом в отдельности, и заключается известная доля добродетели и рассудительности; а когда эти люди объединяются, то из многих

²³ Аристотель
1983: 463.

получается как бы один человек, у которого много и рук, много и ног, много и восприятий, так же обстоит и с характером, и с пониманием. Вот почему большинство лучше судит о музыкальных и поэтических произведениях: одни судят об одной стороне, другие — о другой, а все вместе судят о целом»²³. Множество не получает полного доступа к верховной власти, не превращается в суверена. Тем не менее Аристотель допускает участие многих в политической жизни, которым они объединяются в одно, но при этом не становятся единым лицом, сохраняя плюральность. Это открывает возможность разнообразия перспектив и точек зрения, как если бы мы смотрели на одну и ту же картину с разных ракурсов, что не мешало бы нам вынести о ней правильное суждение.

Это сравнение позволяет лучше понять суть политической проблемы множества в философии Гоббса. Множество Гоббса — это множество без плюральности, то есть способности, сохраняя разнообразие перспективы, правильно судить о целом. Речь идет о хаотическом движении, не имеющем единства, не контролирующем свои эмоции и неспособном к политическому участию. Поэтому множество легко попадает под власть демагогов и харизматических лидеров. Множество не способно действовать, поскольку действие должно исходить от определенного актора, в то время как множество заключает в себе различные воли, интенции и деяния. В состоянии множества, как его видит Гоббс, каждый может судить лишь о частном, суждение же о чем-то важном для всех оказывается недоступно. Реально достижимое единство — это монолитный народ в лице суверена, а значит, только при наличии суверенной власти движение множества может приобрести упорядоченность и предсказуемость.

²⁴ Field 2012: 22.

Иного взгляда на пути перехода множества в состояние порядка придерживается Спиноза. Свои надежды он возлагает главным образом на тщательное структурирование стимулов и институтов, которые бы обеспечивали устойчивое движение аффектов. Это понимание плохо согласуется с позицией, артикулируемой современными теоретиками множества, рассматривающими его как класс, который не приемлет ничего, кроме прямой демократии. Как подчеркивает Сандра Филд, роль институтов в функционировании множества сегодня истолкована неверно, поскольку «власть множества неотделима от институционального посредничества, которое ее и формирует»²⁴. Учитывая это важное замечание, вернемся, однако, к анализу взглядов Спинозы.

При рассмотрении политики нидерландский философ, с одной стороны, опирается на Гоббса, а с другой, сохраняет по отношению к нему отчетливую полемическую дистанцию. Обсуждая в «Богословско-политическом трактате» формирование верховной власти, он придерживается договорного сценария, однако дает ему оригинальную трактовку, переопределяя понятие права в соответствии с базовыми онтологическими принципами, зафиксированными в первых трех частях «Этики». Право приравнивается к мощи (*potentia*): «право каждого простирается так далеко, как далеко простирается определенная ему мощь.

²⁵ Спиноза 2006а: 177.

²⁶ Спиноза 2016: 116.

²⁷ «Что касается политики, то различие между мною и Гоббсом, о котором вы спрашиваете, состоит в том, что я всегда оставляю в силе естественное право» (Спиноза 2006с: 491).

²⁸ Спиноза 2006а: 188.

²⁹ Магун 2011: 305.

Ведь мощь природы есть сама мощь Бога... всеобщая мощь всей природы есть не что иное, как мощь всех индивидуумов вместе взятых»²⁵. Мощь при этом предстает не внешним свойством, а самой сущностью²⁶ Бога, как и отдельных его составляющих. Отсюда следует принципиальная неустранимость естественного права, которую Спиноза позже обозначит как свое главное разногласие с Гоббсом²⁷.

Приложение мощи определяется влечением (*conatus*), в связи с чем отделение права от его естественного носителя возможно лишь двумя способами — посредством насилия или путем овладения желанием. В случае общественного договора мы имеем дело со вторым вариантом — желанием (обусловленным надеждой на то или иное благо, страхом перед неким злом или каким-то иным аффектом) передать значительную часть своей мощи другому. Соответственно, общественный договор напрямую зависит от поддержания желания и перестает действовать, как только утрачивает свою полезность в изменившейся конфигурации отношений власти. Очевидно, что это совсем непохоже на то необратимое отречение, которое мы встречаем у Гоббса. В «Богословско-политическом трактате» социальный контракт обозначает лишь некий относительно прочный, но отнюдь не незыблемый порядок — наибольшая опасность, которой подвергаются правители, всегда исходит от их собственных подданных. Таким образом, абсолютный суверенитет, которого ищет Гоббс, в реальности оказывается недостижим, ведь никто не может «перенести на другого свою мощь, а следовательно, и свое право так, чтобы перестать быть человеком»²⁸.

Всякий раз за аргументами Спинозы просматривается эта логика чистых отношений власти — права — мощи, которая вытесняет юридический аппарат Гоббса, вернее, сводит на нет его значимость: «у Спинозы не идет речь о чисто юридической, правовой логике, которая бы выступала критерием или конституцией реальности — любое правовое положение имеет смысл, только если оно отражает реальную расстановку сил»²⁹. Нидерландский мыслитель не верит в рукотворного бога; с его точки зрения, он существует только в теории, тогда как на практике мы видим все те же отношения, которые продуцируют более или менее стабильный порядок путем суммирования мощи.

В «Политическом трактате» Спиноза не только диагностирует причины безумия толп, но и показывает, как они формируют устойчивый порядок. Эти толпы, а точнее, множество (*multitudo*) — философ шлифует свой словарь, систематически употребляя именно этот термин, — представляют собой базовую данность политической действительности, исходный пункт политической теории и главную ее проблему. Конструкция суверенитета, предлагаемая Гоббсом, не устраивает Спинозу, как и концепт народа, ее производная. Другое дело множество — движущаяся материя, естественная ткань социальной действительности.

Наращивание мощи и расширение свободы происходят путем консолидации, создания общего права (*jus communis*), что ведет к появлению верховной власти (*imperium*) и в конечном счете тела государства

(civitas). Общественная сущность человека и само устройство множества подразумевают формирование государств. Природную склонность человека к общению, однако, ограничивает превосходящая мощь внешних причин, которые «влекут людей врозь». Аффективность становится содержанием политики — для сохранения тела государства постоянно должна воспроизводиться некая матрица аффектов, задающая диспозиции отношений власти. В «Политическом трактате» Спиноза отбрасывает договорную концепцию и утверждает: «право государства определяется мощью народа (multitudo), руководимого как бы единым духом (quasi una mente)»³⁰. Общие аффекты выступают основой порядка движения множеств, своего рода квазиединства.

³⁰ Спиноза 2006b: 260.

Но каким образом множество становится аффектированным в общей перспективе? Ключевой принцип, способствующий этому, Спиноза называет аффективным подражанием (affectuum imitatio)³¹ — благодаря работе воображения человек отождествляет себя с другим на основе тех или иных сходств, что приводит к «заражению» его аффектом. Данный механизм предстает необходимым следствием онтологии Спинозы, где присутствует только одна субстанция; он же «обеспечивает основу для различных видов общей коллективной привязанности»³². На практике производство аффектов оказывается важным смыслом функционирования институтов, в особенности институтов верховной власти, поэтому обсуждение их устройства занимает значительную часть «Политического трактата».

³¹ Спиноза 2016: 168.

³² Armstrong 2009: 291.

³³ Спиноза 2006b: 328.

Естественное тело государства неизбежно включает в себя определенный набор институтов, существование которых подпитывается мощью многих, и сама верховная власть (imperium) появляется как следствие движения индивидов. Его форма тем стабильнее, чем больше она походит на устройство множества — если у Гоббса оптимальным режимом правления выступает монархия, то для Спинозы устойчивость тела государства определяется степенью его приближения к демократии. Функция верховной власти — не сводить на нет движение множества, а, напротив, интенсифицировать его. Демократия является наиболее естественной и потому «всецело абсолютной формой верховной власти» из возможных³³. Ведь монарх легко попадает под влияние внешних сил; когда верховная власть состоит из многих, вероятность того, что они все вместе «заслушаются пением сирен», гораздо ниже: «если и есть какая-нибудь абсолютная власть, то поистине это есть та, которой обладает весь народ (multitudo)»³⁴. Жизнеспособность государства напрямую зависит от участия многих в процедуре управления — нет другого способа учесть широкий диапазон аффектов и интересов, характерный для множества. Ансамбль индивидов получает свое отражение в зеркале imperium³⁵. Демократия оказывается особым режимом самопознания и самодеятельности множества — постоянная коммуникация как неотъемлемый признак этой формы правления ведет к рационализации политического порядка. Рациональность множества заключена не в самих его элементах, а скорее

³⁴ Там же: 298.

³⁵ Это отношение, однако, ограничено природой права. Самосохранение верховной власти зависит от того, соблюдает ли она «экономии права», то есть возлагает на себя только то, что люди не способны удержать, и не претендует на то, что не поддается отчуждению. В плоскости аффективной жизни происходит то же — наименее стабильной и могущественной будет та верховная власть, которая ориентируется на запрет тех страстей, которые сама же производит (см. Спиноза 2006b: 326).

³⁶ См. Balibar 1998.

где-то между ними. Для обозначения этого принципа Балибар использует заимствованный у Жильбера Симондона термин «трансиндивидуальность»³⁶. Коммуницируя, люди начинают лучше понимать себя и других — отсюда убеждение Спинозы в необходимости участия многих в политической жизни. Таким образом, множество предстает не только как разрушительная, но и как созидательная сила, способная к организации относительно устойчивого порядка. Но этот порядок требует демократии, непрерывной коммуникации индивидов в пространстве политики. В этом пункте Спиноза ближе к Аристотелю, чем Гоббс: он настаивает на участии многих в политической жизни, сохраняя баланс между плюральностью и единством государства.

Заключение

Итак, как мы могли убедиться, обращение к классикам политической философии дает богатый материал для уяснения и концептуализации политической проблемы множества. Изучение того, как осмысливается *multitudo* в трудах Гоббса и Спинозы, позволяет актуализировать проблему множества не как политического субъекта, а как политической логики, движения и изменения в политической реальности, с которой имеют дело люди как части политического тела. Множество в самом общем смысле, как оно представлено в философии Гоббса и Спинозы, — это интенсивное движение бесформенной живой материи, понимаемой как логика беспорядка и распада, исключаящая единое действие. И все же не случайно полное название главного трактата Гоббса включает в себя слова: «Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Множество есть материя, из которой со временем возникает Левиафан. Превращаясь в народ, множество обретает форму и становится частью грандиозной машины, которая устанавливает порядок движения этой материи, тем самым создавая и пространство истории, где будут происходить деяния народов и их предводителей.

Гоббс и Спиноза были непосредственными свидетелями последствий хаотического движения материи множества, нарушения установленного политического порядка. И здесь возникает ответ на практический вопрос, касающийся жизни множества в государстве. Государство — та сила, которая может задавать движение хаотичной материи и направлять его в нужное русло, тем самым контролируя и аффекты людей, активизируя их ум. Человек с активным умом, более свободный и знающий причины своих действий, — это добродетельный гражданин государства. В этом смысле он является частью народа, поскольку гражданин существует в ситуации, когда общественный договор уже заключен и часть его прав передана суверену, который репрезентирует единство народа.

Отказываясь от юридического словаря Гоббса, Спиноза онтологизирует проблему множества, отождествляя право с мощью. Но исходный его посыл — политический: хаотическое движение материи

множества не способствует поддержанию политического порядка; аффекты людей должны быть правильно скоординированы, располагая к активному состоянию ума. И если Гоббс возлагает свои надежды на суверена, то Спинозе ближе демократия, предполагающая участие многих в политической жизни. Однако сама по себе материя множества в ее первоначальном виде представляет большую политическую проблему и требует усилий по включению аффектов в стабильный политический порядок путем коррекции их институциональными средствами.

Как показывает современная политическая практика, мы сегодня не так далеко ушли от повестки, которую разрабатывали классики политической философии. Государство все еще рассматривает множество как обуреваемую аффектами материю, находящуюся в постоянном движении, видя в нем опасную стихию, которую нужно либо укротить, либо подавить с помощью силы. С точки зрения государства, применительно к политической проблеме множества актуальной остается позиция Гоббса. Более гибкая и сложная позиция Спинозы пока до конца не раскрыта. Классовый подход к феномену множества парадоксальным образом уводит теорию от темы политического порядка и стабильности, одной из важнейших для наших авторов. Новые способы мыслить множество могут открыть нам и новые пути к решению этой старой политической проблемы.

Библиография

- Аристотель. (1983) «Политика» // Аристотель. *Сочинения: В 4-х т.* Т. 4. М.: Мысль: 375—645.
- Вирно П. (2013) *Грамматика множества: К анализу форм современной жизни.* М.: Ад Маргинем Пресс.
- Гоббс Т. (1989) «О гражданине» // Гоббс Т. *Сочинения: В 2-х т.* Т. 1. М.: Мысль: 270—507.
- Гоббс Т. (2016) *Левиафан.* М.: Рипол Классик.
- Делёз Ж. (2017) *Спиноза: практическая философия.* М.: Институт общегуманитарных исследований.
- Магун А. (2011) *Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени.* М: Новое литературное обозрение.
- Спиноза Б. (2006а) «Богословско-политический трактат» // Спиноза Б. *Сочинения: В 2-х т.* Т. 2. СПб.: Наука: 5—246.
- Спиноза Б. (2006б) «Политический трактат» // Спиноза Б. *Сочинения: В 2-х т.* Т. 2. СПб.: Наука: 247—330.
- Спиноза Б. (2006с) «Письма» // Спиноза Б. *Сочинения: В 2-х т.* Т. 2. СПб.: Наука: 331—568.
- Спиноза Б. (2016) *Этика.* СПб.: Азбука-классика, Non-Fiction.
- Шмитт К. (2006) *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса.* СПб: Владимир Даль.
- Armstrong A. (2009) «Natural and Unnatural Communities: Spinoza beyond Hobbes» // *British Journal for the History of Philosophy*, vol. 17, no. 2: 279—305.

Balibar E. (1997) «Spinoza: from Individuality to Transindividuality. A Lecture Delivered in Rijnsburg on May 15, 1993» // *Mededelingen vanwege het Spinozahuis*, vol. 71: 3—36.

Balibar E. (1998) *Spinoza and Politics*. London: Verso.

Field S. (2012) «Democracy and the Multitude: Spinoza against Negri» // *Theoria*, vol. 59, no. 131: 21—40.

Jakonen M. (2013) *Multitude in Motion: Re-Readings on the Political Philosophy of Thomas Hobbes*. Jyväskylä: University of Jyväskylä. URL: https://jyx.jyu.fi/bitstream/handle/123456789/41204/1/978-951-39-5164-1_vaitos27042013.pdf (accessed on 22.08.2019).

Žižek S. (2007) *Spinoza, Kant, Hegel and... Badiou!* URL: <http://www.lacan.com/zizphilosophy1.htm> (accessed on 22.08.2019).

πολιτικά

A.R.Tretyak, N.N.Tinus

POLITICAL LOGIC OF “MULTITUDO” IN THE WORKS OF HOBBS AND SPINOZA

Arthur R. Tretyak — Graduate Student at the School of Philosophy of the Faculty of Humanities, Intern Researcher at the Center for Fundamental Sociology, National Research University *Higher School of Economics*. Email: assefir@mail.ru.

Nikita N. Tinus — Graduate Student at the Institute of Social Sciences and Mass Communications of the Belgorod State National Research University. Email: tiinusnn@gmail.com.

Abstract. The article explores the concept of multitude developed in the writings of T.Hobbes and B.Spinoza — two most profound political philosophers of the 17th century. The authors attempt to conceptualize the multitude by interpreting it as a special part of political reality, the very mode of existence of which turns out to be a problem for political thinkers, rather than by applying the logic of developing a political subject. According to their conclusion, the study of multitude should proceed from ontology to ideology, rather than in the opposite direction. This is the only way to build a common perspective that reflects the real tension between the systems of Hobbes and Spinoza.

The first part of the article discusses the views of Hobbes and Spinoza on the essence of multitude. The English philosopher views multitude as a chaotic matter, the movement of which needs to be regulated by concluding

a social contract and establishing sovereign power. Spinoza, on the one hand, builds upon Hobbes, but on the other hand, opposes him. The authors see the sources of discrepancies between the two approaches to multitude in the difference in ontologies related, in particular, to the concepts of motion, matter and body.

The second part of the article is devoted to studying the relationship between the multitude and the state. The Hobbesian construction of sovereignty is interpreted as a means designed to solve the problem of the multitude by giving it a monolithic form of the people. In Spinoza's ontology, the regulation of matter from the outside is impossible. In order to explain the dynamics of the multitude, he draws upon the concept of power and the theory of affects and formulates the idea of the dual — simultaneously destructive and creative — nature of the multitude.

Based on their analysis, the authors conclude that in contrast to modern theorists, Hobbes and Spinoza do not view the multitude as an empirical subject. Rather, they view the multitude as the primary logic of the existence of the many, which must be understood and ultimately overcome (from the Hobbesian point of view) or mastered by politicians in order to maintain the correct composition of institutions (from the point of view of Spinoza).

Keywords: multitude, people, political philosophy, theory of affects, Hobbes, Spinoza

References

- Aristotle. (1983) "Politika" [Politics] // Aristotle. *Sochinenija: V 4-kh t.* [Works: In 4 vol.]. Vol. 4. Moscow: Mysl': 375—645. (In Russ.)
- Armstrong A. (2009) "Natural and Unnatural Communities: Spinoza beyond Hobbes" // *British Journal for the History of Philosophy*, vol. 17, no. 2: 279—305.
- Balibar E. (1997) "Spinoza: from Individuality to Transindividuality. A Lecture Delivered in Rijnsburg on May 15, 1993" // *Mededelingen van wege het Spinozahuis*, vol. 71: 3—36.
- Balibar E. (1998) *Spinoza and Politics*. London: Verso.
- Deleuze G. (2017) *Spinoza: praktičeskaja filosofija* [Spinoza: Philosophie pratique]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanij. (In Russ.)
- Field S. (2012) "Democracy and the Multitude: Spinoza against Negri" // *Theoria*, vol. 59, no. 131: 21—40.
- Hobbes T. (1989) "O grazhdanine" [On the Citizen] // Hobbes T. *Sochinenija: V 2-kh t.* [Works: In 2 vol.]. Vol. 1. Moscow: Mysl': 270—507. (In Russ.)
- Hobbes T. (2016) *Leviatan* [Leviathan]. Moscow: Ripol Klassik. (In Russ.)
- Jakonen M. (2013) *Multitude in Motion: Re-Readings on the Political Philosophy of Thomas Hobbes*. Jyväskylä: University of Jyväskylä. URL: https://jyx.jyu.fi/bitstream/handle/123456789/41204/1/978-951-39-5164-1_vaitos27042013.pdf (accessed on 22.08.2019).

Magun A. (2011) *Edinstvo i odinochestvo: Kurs politicheskoj filosofii Novogo vremeni* [Unity and Loneliness: A Course in the Political Philosophy of the New Age]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Shmitt C. (2006) *Leviatan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa* [Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Spinoza B. (2006a) “Bogoslovsko-politicheskiy traktat” [Tractatus theologico-politicus] // Spinoza B. *Sochinenija: V 2-kh t.* [Works: In 2 vol.]. Vol. 2. St Petersburg: Nauka: 5—246. (In Russ.)

Spinoza B. (2006b) “Politicheskiy traktat” [Tractatus politicus] // Spinoza B. *Sochinenija: V 2-kh t.* [Works: In 2 vol.]. Vol. 2. St Petersburg: Nauka: 247—330. (In Russ.)

Spinoza B. (2006c) “Pis'ma” [Letters] // Spinoza B. *Sochinenija: V 2-kh t.* [Works: In 2 vol.]. Vol. 2. St Petersburg: Nauka: 331—568. (In Russ.)

Spinoza B. (2016) *Etika* [Ethica, ordine geometrico demonstrata]. St Petersburg: Azbuka-Klassika, Non-Fiction. (In Russ.)

Virno P. (2013) *Grammatika mnozhestva: K analizu form sovremennoj zhizni* [Grammatica della moltitudine: Per un'analisi delle forme di vita contemporanee]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Žižek S. (2007) *Spinoza, Kant, Hegel and... Badiou!* URL: <http://www.lacan.com/zizphilosophy1.htm> (accessed on 22.08.2019).

политика

Д.В.Балашов

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ АМАРТИИ СЕНА

Дмитрий Викторович Балашов — аспирант департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: dbalashov@hse.ru.

Аннотация. Вопрос о справедливости всегда занимал одно из главных мест в политической философии и философии права. Заметный вклад в разработку этой проблематики внес индийский ученый Амартия Сен. Его концепция, обретшая окончательную форму в конце XX — начале XXI в., остается весьма влиятельной и сегодня.

Новаторство Сена заключается в том, что он выступил с критикой так называемого «трансцендентального институционализма», лежащего в основе подхода к справедливости многих известных теоретиков, включая Джона Ролза и его непримиримого оппонента Роберта Нозика. Изменение подхода позволило Сену выйти за пределы уже ставшей классической дискуссии о природе справедливости, которая к началу XXI в. очевидно зашла в тупик. Применив оригинальную методологию, Сен создал теорию поистине глобального охвата, претендующую на решение целого спектра проблем, стоящих перед человечеством.

Уйдя от трансцендентализма, Сен отвел ключевое место в общественном развитии публичному обсуждению и неразрывно связанному с ним демократическому процессу, чем, однако, поставил свою теорию в уязвимое положение. Метаморфозы демократии в современном мире не дают оснований для оптимизма относительно роста свободы и солидарности в человеческом обществе. Между тем ввиду отказа Сена от жестких институциональных конструкций его концепция не может опереться на некую идеальную модель, способную задать вектор и ориентир социальному развитию. Как следствие, идеи Сена при всей их интеллектуальной яркости и импонирующем гуманизме оказываются оторваны от реальности и приобретают налет того самого утопизма, с которым боролся их автор.

Ключевые слова: справедливость, трансцендентальный институционализм, общественный договор, метод «беспристрастного наблюдателя», публичное обсуждение, демократия

**Актуальность
темы справедливости
в политической
философии**

Вопрос о справедливости всегда занимал одно из ключевых мест в политической философии и философии права. Исключением можно считать лишь период с конца XIX до середины XX в., когда социальная философия стремилась создать «чистую» науку об обществе, свободную

от моральных оценок и основанную исключительно на фактах. В политической философии того периода доминировал утилитаризм — направление, ставящее во главу угла максимизацию полезности в жизни общества.

Однако утилитаризм не отвечал потребности в справедливом общественном порядке, исходящем из более «человечных» принципов. Приступая к работе над своим масштабным проектом, увенчавшимся публикацией революционного труда «Теория справедливости»¹, американский философ Джон Ролз ставил перед собой задачу выйти за пределы утилитаризма, создав логическую конструкцию, которая позволяла бы представить форму общественного устройства, учитывающую интуитивные представления людей о справедливом.

Сочинение Ролза стало этапным для политической философии своего времени. С его публикацией дискуссия о справедливости оказалась в центре академического внимания, получив развитие в работах Роберта Нозика², Томаса Нагеля³, Давида Готье⁴, Томаса Погге⁵, Рональда Дворкина⁶ и многих других. Значительный вклад в нее внес ученик, коллега и научный оппонент Ролза, обладатель нобелевской премии по экономике Амартия Сен, посвятивший более 40 лет разработке собственной теории справедливости.

Настоящая статья посвящена анализу идей, нашедших отражение в трудах Сена, вышедших с середины 90-х годов XX в., когда его теория обрела законченную форму. Наиболее важными из них, бесспорно, являются «Развитие как свобода» (1999)⁷ и «Идея справедливости» (2009)⁸.

Работая на стыке экономической теории и политической и моральной философии, Сен отталкивался от теории общественного выбора, основы которой были заложены еще в XVIII в. такими мыслителями, как Жан-Шарль де Борда и маркиз де Кондорсе⁹, а затем, уже в XX столетии, развиты Кеннетом Эрроу¹⁰. Опора на эту теорию, а также неприятие институционального подхода, характерного для приверженцев новых договорных теорий, позволили Сену сформулировать оригинальную концепцию справедливости.

**Основные
особенности
теории
справедливости
Сена**

Отличительной чертой подхода Сена к проблеме справедливости является отказ от ведения полемики в системе координат, предложенной его именитыми предшественниками. По мнению ученого, несмотря на кажущуюся непримиримость позиций Ролза, Нозика и Дворкина, их концепции справедливого общественного устройства имеют общую особенность. Все они базируются на так называемом трансцендентальном методе, в рамках которого вся институциональная база желаемого общественного устройства моделируется в отрыве от *de facto* существующих жизненных условий и обстоятельств, как бы в иной реальности, что позволяет создавать сложные, последовательные и по-своему логичные конструкции без оглядки на ограничения реального мира.

Сен находит в подобном подходе множество изъянов, главным из которых, с его точки зрения, является проблема конкурирующих

¹ Rawls 1971.

² Nozick 1974.

³ Nagel 1979.

⁴ Gauthier 1986.

⁵ Pogge 19896.

⁶ Dworkin 2002.

⁷ Сен 2004.

⁸ Сен 2016.

⁹ Там же: 141

¹⁰ Эрроу 2004.

оснований различных теорий. Суть этой проблемы он иллюстрирует на примере гипотетической ситуации спора троих детей (Анны, Боба и Карлы) о том, кому из них должна принадлежать флейта:

«Анна претендует на флейту, поскольку она единственная из трех детей, кто умеет играть на ней (остальные не отрицают этого)... Если бы это было все, что мы знали, аргумент за то, чтобы отдать флейту первому ребенку, был бы достаточно убедительным.

...Боб... защищает свое право на флейту, указывая на то, что он единственный из трех детей, кто настолько беден, что у него вообще нет собственных игрушек. Поэтому он мог бы играть с флейтой (два других ребенка соглашаются с тем, что они богаче, а потому хорошо обеспечены игрушками и развлечениями). Если бы вы выслушали только Боба и больше никого, у вас был бы обоснованный аргумент за то, чтобы отдать флейту ему.

...Карла... указывает на то, что она много месяцев усердно трудилась, чтобы сделать флейту своими собственными руками (другие подтверждают это), и как раз тогда, когда она закончила работу, „именно в этот момент, — жалуется она, — эти экспроприаторы пришли, чтобы попытаться отобрать у меня флейту“. Если бы вы услышали заявление одной лишь Карлы, вы, вероятно, были бы склонны отдать флейту ей, признавая ее вполне понятную претензию на обладание тем, что она же сама и сделала»¹¹.

¹¹ Сен 2016: 49—50.

Очевидно, что однозначного решения в подобной, казалось бы, элементарной ситуации нет. Конечно, теоретики разных направлений (например, утилитарист, экономический эгалитарист или строгий либертарианец) могут выбрать конкретный вариант, однако почти наверняка каждый будет считать правильным совсем не то, что другой. При этом в пользу любого из вариантов можно привести вполне убедительные аргументы, и объявить, что какой-то из этих аргументов определенно весомее остальных, можно только произвольно, ибо каждый из них «указывает на особый тип беспристрастного и разумного обоснования»¹². Между тем для реального мира ситуации, аналогичные описанной выше, скорее правило, чем исключение.

¹² Там же: 52.

В связи с этим трансцендентальному подходу, исходящему из представления о наличии неких «правильных» институтов, адекватных абсолютно справедливому обществу, Сен противопоставляет подход, основанный на сравнении. Опираясь на традицию, связанную с именами Адама Смита и маркиза де Кондорсе, ключ к решению проблемы справедливости он видит в общественных порядках, базирующихся на процедуре общественного выбора. Речь идет о необходимости постоянного обсуждения, сопоставления и ранжирования приоритетов в противовес ориентации на единожды созданное институциональное устройство.

В свете проблемы конкурирующих оснований ученый отказывается давать определение справедливому обществу, подчеркивая, что, «возможно, нет никакого совершенно справедливого социального

¹³ Там же.

устройства, которое можно было бы определить и одобрить в ходе беспристрастного рассмотрения»¹³. Его теория справедливости в принципе исключает однозначный ответ на вопрос о том, что такое справедливое общество. Реальная жизнь предполагает постоянные компромиссы, справедливость в каждом случае индивидуальна. Для достижения целей теории на практике жесткую институциональную конструкцию должен заменить демократический процесс публичного обсуждения.

¹⁴ Nagel 2005: 115.

Продолжая критику трансцендентального институционализма, Сен ставит под сомнение адекватность договорного подхода к моделированию идеального общественного устройства, представленного в работах Ролза, Нозика и Дворкина. Одним из существенных изъянов данного подхода он считает игнорирование мнений индивидов, находящихся за пределами договаривающейся группы и тем самым не являющихся сторонами соглашения. Именно это, по его оценке, в свое время вынудило Нагеля прийти к заключению, что справедливое общество возможно только в отдельно взятой стране, но не в планетарном масштабе¹⁴.

¹⁵ Смит 1997: 122.

Для преодоления указанного ограничения, имманентного договорному подходу, Сен обращается к методу «беспристрастного наблюдателя», некогда предложенному Смитом. «Мы не можем судить о причинах, побудивших нас к поступку или вызвавших в нас соответствующее чувство, если мы не отрешимся, так сказать, от самих себя и не постараемся посмотреть на них с некоторого расстояния, — рассуждал тот. — Необходимо, стало быть, взглянуть на них глазами постороннего человека и с такой точки зрения, с которой он, вероятно, посмотрел бы на них»¹⁵. Метод «беспристрастного наблюдателя» открывает путь к решению многих проблем, свойственных «закрытой» трактовке справедливости, позволяя, в частности, учесть голоса индивидов, находящихся вне договаривающейся группы, и тем самым сохраняя за ними право быть услышанными. Выход за пределы рассуждений договаривающихся сторон, полагает Сен, — обязательное условие легитимности теории справедливости.

Важное достоинство метода «беспристрастного наблюдателя» заключается в том, что он дает возможность уйти от «общественного договора», вряд ли реализуемого в масштабах планеты, преодолевая рамки справедливости, возможной исключительно на национальном уровне. Современное общество пронизано разнообразными наднациональными связями и групповыми интересами. Процессы, происходящие в одних странах, оказывают непосредственное влияние на другие сообщества. В этих условиях учет лицами, принимающими решения в рамках национального государства, мнения тех, кто находится вне этого государства, а значит, и вне группы, заключившей «общественный договор», приобретает ключевое значение. Только такой подход позволяет занять позицию, внушающую доверие на глобальном уровне, и обеспечить принятым решениям максимально долгую легитимность. По сути, договорную теорию должен заменить демократический учет мнений в планетарном масштабе.

Полностью отдавая себе отчет в том, что диапазон точек зрения, подлежащих учету со стороны «беспристрастных наблюдателей», может оказаться бесконечно широким, что делает практически невозможным их полное институциональное ранжирование и упорядочивание, Сен видит выход из ситуации в обращении к актуальным наработкам теории общественного выбора¹⁶, вполне допускающим частичные упорядочивания. Для того чтобы понять необходимость общей борьбы с голодом, геноцидом и эпидемиями, вовсе не обязательна идеальная теория справедливости, а большинство других вопросов, в том числе касающихся политической, культурной и иной идентичности, вполне могут быть предметом диалога и полемики между народами.

¹⁶ Kelly 1978; Schwartz 1986; Эрроу 2004.

Еще одним изъяном трансцендентального институционализма является невозможность спрогнозировать последствия развертывания и развития исходной институциональной конструкции. Как показывает практика, любая институциональная система несовершенна и требует постоянной корректировки и регулирования. Конечно, выбирая свое поведение, индивид гипотетически может в каждом конкретном случае сопоставлять его с трансцендентальным идеалом. Но, как замечает Сен, ввиду отсутствия установленной шкалы соотносимости для реальных феноменов такой подход будет крайне затруднительным и ресурсоемким¹⁷.

¹⁷ Сен 2016: 52—54.

Демократия и публичное рассуждение в теории Сена

Справедливость без дискуссий — идея, годящаяся разве что для закабаления¹⁸. Этот тезис отчетливо иллюстрирует ту важность, которая придается публичному обсуждению в теории Сена. Демократический процесс трактуется Сеном как ключевое условие достижения справедливости в обществе. Постоянное совершенствование и регулирование социальной действительности противопоставляются им раз и навсегда установленной жесткой институциональной конструкции, лежащей в основе договорной теории. Только демократия, то есть правление посредством обсуждения, открывает возможность для реализации людьми их потенциала.

¹⁸ Там же: 428.

«Ключевая роль публичной дискуссии в практике демократии сближает тематику демократии с главным вопросом этой книги, а именно — справедливостью, — подчеркивает Сен в «Идее справедливости». — Если требования справедливости можно оценить только при помощи публичного рассуждения и если публичное рассуждение конститутивно для идеи демократии, значит, существует тесная связь между справедливостью и демократией, которые обладают общими понятийными чертами»¹⁹.

¹⁹ Там же: 415.

Аргументируя значимость демократии для общества, Сен обращает внимание на:

- фундаментальную ценность политических свобод *per se*;
- инструментальную ценность демократии как важнейшей предпосылки эффективной коммуникации между обществом и властью;

— конструктивную ценность демократии как возможности выявлять и концептуализировать социальные, экономические, политические и другие потребности.

Рассмотрим эти аспекты демократии подробнее.

В рамках либеральной традиции *фундаментальная ценность* политических прав и свобод обосновывается тем, что наивысшее благо для человека — это его индивидуальная свобода. Соответственно, является благом и сама по себе возможность участвовать в политическом процессе. Демократия в классическом ее понимании исходит из того, что настоящим носителем суверенитета выступает народ, а не элиты. Даже противники демократии, как бы упорно они ее ни критиковали, не могут отрицать, что партисипативное правление чрезвычайно привлекательно для людей и отбить у них стремление к этой политической форме вряд ли получится²⁰.

²⁰ Там же: 412.

Что касается *инструментальной ценности* демократии, то наиболее ярким ее подтверждением, по мнению Сена, служит тот факт, что в странах с демократическим устройством не бывает массового голода²¹. Поскольку демократическая система а priori предполагает наличие оппозиции и независимых медиа, любые значимые проблемы, с которыми сталкиваются общество и власть, в кратчайшие сроки становятся достоянием общественности. Совсем иначе обстоит дело в авторитарных режимах. Ввиду отсутствия независимых СМИ даже та информация, которую получает там правящая верхушка, зачастую слабо отражает действительность, так как нижестоящие руководители из карьерных соображений искажают реальное положение дел или просто замалчивают существующие проблемы.

²¹ Drèze and Sen 1989.

Еще одно важное подтверждение инструментальной ценности демократии Сен видит в том, что публичная дискуссия заставляет людей задуматься о положении других, тем самым способствуя росту эмпатии в обществе.

Трактовка Сеном *конструктивной ценности* демократии во многом связана со спецификой его концепции справедливости, не предполагающей жесткого институционального каркаса, задающего иерархию интересов. В его глазах демократический процесс представляет собой тот механизм, благодаря которому общество оказывается способно выработать ценности, позволяющие каждому человеку реализовать свои возможности, что является необходимым условием индивидуальной и социальной справедливости.

Политические и гражданские права, особенно те, что связаны со свободой публичных дискуссий, критических высказываний и инакомыслия, Сен считает необходимой предпосылкой информированного и осмысленного выбора, а также формирования ценностей и приоритетов. С его точки зрения, вне зависимости от того, разрешены ли открытые дебаты и обмен мнениями или нет, мы в принципе не в состоянии осмысленно отдавать предпочтение чему-либо, предложенному вне рамок публичной дискуссии²².

²² Сен 2004: 176—177.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что демократическая процедура играет первостепенную роль в теории справедливости Сена. Помимо базовой для любого либерального философа ценности политических свобод, Сен отмечает также инструментальную и конструктивную значимость публичного обсуждения. Выступая с критикой договорных теорий справедливости и трансцендентального институционализма, он отказывается от жесткой институциональной конструкции общества, объявляя ее неэффективной и утопичной, и как истинный гуманист доверяет человечеству самому творить свою судьбу, выбирая и обсуждая те модели, которые позволят реализовать возможности индивидов. Однако несовершенство демократической процедуры *per se* ставит теорию Сена в уязвимое положение.

**Критика
теории
справедливости
Сена**

Как уже отмечалось, важнейшее место в теории Сена занимает публичное обсуждение, рассматриваемое как способ преодоления проблемы конкурирующих оснований справедливости, открывающий возможность для выработки общеприемлемой позиции. Однако само по себе публичное обсуждение предполагает определенный порядок действий, «игру по правилам», поскольку лишь соблюдение норм обеспечивает легитимность принятых решений для всех индивидов, вне зависимости от того, участвовали ли они непосредственно в процедуре их принятия. Отсюда следует необходимость регламентации, а значит, и наличия относительно жесткой институциональной конструкции, понятной для всех участников дискуссии.

Тем не менее Сен настаивает на отказе от жесткого институционализма ввиду инертности подобной модели и других присущих ей изъянов (о которых частично шла речь выше). Такой подход выглядит не вполне логичным, так как, чтобы общественное развитие шло в обозначенном Сенем направлении, требуется четкое понимание того, как должно осуществляться публичное обсуждение и кто будет определять соответствующие процедуры. К сожалению, теория Сена ничего не говорит на этот счет.

Из концепции Сена можно сделать вывод, что ее автор полагает, будто демократическая процедура, независимо от каких бы то ни было правил, автоматически стабилизирует и нормализует общественное развитие²³. Но допустимо ли полагаться в решении социальных проблем на некую абстрактную демократическую процедуру, к тому же не сдерживаемую жесткими институциональными рамками? В свете современной теории демократии и ее динамики ответ на этот вопрос далеко не однозначен.

Примерно со второй половины XX в. демократическая теория, основанная на идее представительства посредством политических партий, начала испытывать серьезные проблемы в связи со все более явным падением влияния граждан на политический процесс. Оторванность партийной номенклатуры от рядового избирателя, смещение партий

²³ *Сторонники новых договорных теорий были не столь оптимистичны, что и заставило их сосредоточить внимание на институциональной стороне проблемы.*

к центру политического спектра привели к эрозии партийных повесток и идеологий.

В 60—70-х годах XX в. подобное положение дел критиковали преимущественно левые политики и ученые, делавшие акцент на отчуждении граждан от политического участия. Как отмечал, в частности, Кроуфорд Макферсон, «функция, которую выполняет партийная система в обществе неравных с массовыми выборами, предполагает размывание проблем и снижение ответственности правительств перед избирателями, что снижает мотивацию последних к самореализации посредством произведения выбора. Нередко причиной отказа от участия в голосовании является ощущение того, что реального выбора просто нет»²⁴.

²⁴ Макферсон 2011: 134.

Сложившаяся ситуация слабо соотносится с представлением Сена о демократической процедуре как о способе изменить несправедливый порядок вещей и помочь развитию общества, содействуя реализации индивидуальных социальных и экономических интересов. Для Сена демократия — это возможность обеспечить прогресс человечества. Самоустранение людей от участия в политическом процессе однозначно противоречит его модели.

De facto наиболее актуальным на сегодняшний день выглядит совсем иное понимание демократии, основы которого были заложены еще в опубликованном в 1942 г. труде Йозефа Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия»²⁵. Согласно Шумпетеру, демократия есть не какой-то особый тип общества или набор моральных целей, а не более чем механизм избрания и легитимации правительств, базирующийся на конкуренции между самоназначенными группами политиков (элитами), оформленными в качестве политических партий, за голоса, которые приведут их к власти (до следующих выборов). Роль избирателей не в том, чтобы решать политические вопросы, а затем избирать представителей, которые будут проводить эти решения в жизнь, а в том, чтобы избрать людей, которые будут принимать решения²⁶. Стоит добавить, что после краха социалистической альтернативы западным демократиям разрыв между партиями и управляющей элитой, с одной стороны, и избирателями, с другой, начал последовательно расти. В конце XX — начале XXI в. этот процесс приобрел угрожающую динамику, которая привела к деформации многих политических систем стран Запада.

²⁵ Шумпетер 1995.

²⁶ Макферсон 2011: 119.

По заключению Питера Майера, высказанному им в 2011 г., эпоха партийных демократий прошла. Хотя сами по себе партии продолжают функционировать, они до такой степени потеряли связь с обществом и участвуют в настолько бессодержательной конкуренции, что уже не способны обеспечить сохранение демократии²⁷. За прошедшие с того времени годы кризис демократии лишь углубился. Вопреки надеждам Сена, роль публичного диалога в улучшении жизни общества стала еще более призрачной, чем в предыдущие десятилетия, и без того характеризовавшиеся политической апатией граждан. Отстранившиеся

²⁷ Майр 2019: 19.

от политического процесса избиратели все чаще начали сталкиваться с проблемами в своей повседневной жизни. Жители европейских стран оказались беззащитны перед лицом мощных миграционных волн. Интернационализация производственных цепочек и финансов обернулась существенным сокращением рабочих мест в промышленном секторе развитых стран. Глобализация привела к созданию наднациональных управленческих структур, практически не связанных с избирателем в национальных государствах. Указанные процессы дали толчок появлению нового типа демократии — популистской и нелиберальной.

Поворот к популизму, при всех его национальных различиях, означал возвращение политической поляризации и конфронтационного стиля политики. Он принес с собой также тренд ко все большей персонализации политики и повышению роли лидеров при растущем недоверии к институтам и враждебности к элитам как таковым. Но ключевая черта популизма состоит не во враждебности к элитам, а в неприятии плюрализма²⁸.

²⁸ *Крастев 2018: 93—94.*

Очевидно, что подобная демократия вряд ли может служить инструментом решения общественных проблем. Люди, разочаровавшиеся в представительных формах правления, начинают отдавать предпочтение харизматическим лидерам, зачастую придерживающимся радикальных взглядов. В данной ситуации тот оптимизм, с которым Сен смотрит на демократию, явно необоснован. Сложившееся в послевоенный период представление, что демократия и либерализм теперь всегда будут идти рука об руку, оказалось несостоятельным. Развертывающиеся сегодня политические процессы, скорее всего, свидетельствуют о кризисе этого тандема, что, в свою очередь, указывает на необходимость перенастройки теории, способной приблизить ее к реальности.

В этих условиях ряд либеральных теоретиков предлагает переосмыслить идею либеральной демократии, сместив акцент на ценности либерализма. Как отмечает по этому поводу Иван Крастев, «право на разумное управление может вступать в противоречие с правом голоса. Именно это всегда смущало либералов в демократии»²⁹. Одним из активных приверженцев нового взгляда на соотношение либерализма и демократии в обществе является Фарид Закария, настаивающий на необходимости сохранения демократической системы, но без активного вовлечения народа (демоса) в управление. «На протяжении значительного промежутка времени в новой и новейшей истории, — утверждает он, — отличительным признаком правительства Европы и Северной Америки была не демократия, а конституционный либерализм. Лучшим выражением „западной модели“ служит не массовый плебисцит, а беспристрастный суд»³⁰. На сегодняшний день можно констатировать расщепление понятия либеральной демократии именно в тех странах, которые исторически были главными носителями демократической идеи. С одной стороны, все большую поддержку

²⁹ *Там же: 83.*

³⁰ *Закария 2004: 59.*

избирателей получают политики-популисты, зачастую отвергающие либеральные ценности. С другой стороны, защитники либеральных прав и свобод призывают обезопасить либерализм от «хищнического поведения временщиков у власти»³¹ и потенциально разрушительной силы народного волеизъявления.

³¹ *Everson 2000: 106.*

В работах Сена мы не находим сколько-нибудь внятных ответов на вопросы, стоящие сегодня перед демократией. Нет ясности и относительно того, какая форма демократии кажется ему предпочтительной. Демократический процесс, на который делает ставку Сен в своей теории справедливости, носит крайне противоречивый характер, и отсутствие четкого описания демократической процедуры (то есть лежащих в ее основе правил) делает эту теорию уязвимой для критики.

Трудно разделить и энтузиазм ученого по поводу метода «беспристрастного наблюдателя». Как признает сам Сен, ввиду отсутствия общемирового правительства идея глобальной справедливости пока неосуществима. Основной единицей объединения людей в современном мире остается национальное государство. В такой ситуации совершенно неясно, почему участники общественных обсуждений на национальном уровне будут учитывать мнение людей, находящихся за пределами соответствующих государств, и как осуществить это процедурно.

Отрицание Сенom необходимости жесткой институциональной регламентации публичного обсуждения заставляет предположить, что он исходит из интуитивной веры в гуманизм, а priori присущий участникам демократического процесса, который побудит их принимать во внимание то, как их решения скажутся на представителях иных сообществ. Такая позиция кажется нам неоправданно оптимистичной, о чем свидетельствуют, в частности, актуальные тенденции в мировой политике. Сталкиваясь с постоянно растущими вызовами, общества национальных государства все чаще связывают их с внешними силами и глобальным окружением *per se*. Иллюстрируя сложившуюся ситуацию на примере ЕС, Крастев отмечает: «Большинство европейцев считают, что жизнь сегодняшних детей будет сложнее их собственной; и, как показывает миграционный кризис, иммиграция вряд ли улучшит демографическую ситуацию в Европе»³². Логичным следствием подобных настроений является стремление отгородиться от мира, поставив заслон на пути миграционных потоков.

³² *Крастев 2018: 15.*

Взлет популистских движений, предопределивший результаты знакового референдума о членстве Великобритании в ЕС и поворот США к протекционизму, указывает на то, что метод «беспристрастного наблюдателя» вряд ли найдет отклик в современном мире. Интуиции, позволившие Сену считать этот метод применимым, явно противоречат эмпирическим фактам. Для концепции, заявленной автором в качестве практически реализуемой, это, бесспорно, серьезная проблема.

Разрабатывая свою теорию справедливости, Сен не смог предугадать трансформацию демократических процессов в современном мире.

Впрочем, не он один. Кризис, охвативший демократии Запада, оказался неожиданностью для большинства либеральных мыслителей. Конец истории, обещанный Фрэнсисом Фукуямой, так и не наступил. На сегодняшний день очевидно, что либерально-демократическая идея стоит на пороге больших изменений, и вопрос о том, какие идеологические концепции восторжествуют в XXI в., как и вопрос об эволюции демократической теории, остается открытым.

Заключение

Разработанная Сеном концепция справедливости, безусловно, представляет собой важный шаг в развитии соответствующей идеи. Ученому удалось решить многие проблемы, с которыми не справились другие теоретики справедливости. В числе его новаций прежде всего следует упомянуть отказ от жестких трансцендентальных моделей, *de facto* исключающих создание универсальной этико-философской конструкции, а также фиксацию проблемы конкурирующих оснований в этике. Заслуживает внимания и частичная реабилитация Сеном консеквенциализма, что позволило не только использовать в политической теории сильные стороны утилитаризма, но и сократить расстояние между политической философией и экономикой, для которой утилитаризм как был, так и остается актуальным.

Очевидна и гуманистическая направленность концепции Сена, отводящей ключевую роль мнению и возможностям индивида. Следует отметить также оригинальность методологии, нетипичную для других современных теорий справедливости. Все это делает появление теории Сена важным событием как для политической философии, так и для ряда других общественных наук.

Вместе с тем, отводя ключевое место в своей теории публичному обсуждению, Сен уделяет неоправданно мало внимания осмыслению данного процесса. Не уделяет он должного внимания и теории демократии, которая, как было показано выше, далека от монолитности и существенно меняется с течением времени. Наконец, весьма умозрительным и мало отвечающим положению дел в мире выглядит метод «беспристрастного наблюдателя», который Сен считает одним из базовых элементов своей теории.

Рассмотрение теории справедливости Сена через призму современного состояния демократии обнаруживает в ней серьезные ограничения. Ее основания — либерализм и демократия, — воспринимаемые Сеном в качестве стабильных и неизменных, не просто претерпевают постоянные изменения, но и находятся в кризисе³³. Как следствие, идеи Сена при всей их интеллектуальной яркости и импонирующем гуманизме оказываются оторваны от реальности и приобретают налет того самого утопизма, с которым боролся их автор.

³³ *Об этом см. Родрик 2014; Вайнштейн 2017; Лисе 2017; Девеен 2018 и др.*

Библиография

- Вайнштейн Г. (2017) «Современный популизм как объект политологического анализа» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 69—89.
- Закария Ф. (2004) *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами*. М.: Ладомир.
- Крастев И. (2018) *После Европы*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Майр П. (2019) *Управляя пустотой: Размывание западной демократии* М.: Изд-во Института Гайдара.
- Макферсон К.Б. (2011) *Жизнь и времена либеральной демократии*. М.: Издательский дом ВШЭ. URL: <https://id.hse.ru/data/2011/12/06/1271570570/04.pdf> (проверено 20.08.2019).
- Родрик Д. (2014) *Парадокс глобализации: Демократия и будущее мировой экономики*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Сен А. (2004) *Развитие как свобода*. М.: Новое изд-во.
- Сен А. (2016) *Идея справедливости*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Смит А. (1997) *Теория нравственных чувств*. М.: Республика.
- Шумпетер Й.А. (1995) *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.
- Эрроу К. (2004) *Коллективный выбор и индивидуальные ценности*. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Deneen P.J. (2018) *Why Liberalism Failed*. New Haven (CT): Yale University Press.
- Drèze J. and A.Sen. (1989) *Hunger and Public Action*. Oxford: Clarendon Press.
- Dworkin R. (2002) *Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality*. London: Harvard University Press.
- Everson M. (2000) *The European Union and Its Order: The Legal Theory of European Integration*. Oxford: Blackwell.
- Gauthier D. (1986) *Morals by Agreement*. Oxford: Oxford University Press.
- Kelly F. (1978) *Arrow Impossibility Theorems*. New York: Academic Press.
- Luce E. (2017) *The Retreat of Western Liberalism*. New York: Atlantic Monthly Press.
- Nagel T. (1979) *Mortal Questions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nagel T. (2005) «The Problem of Global Justice» // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 33, no. 2: 113—147.
- Nozick R. (1974) *Anarchy, State, and Utopia*. New York: Basic Books.
- Pogge T. (1989) *Realizing Rawls*. Ithaca (NY): Cornell University Press.
- Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Schwartz T. (1986) *The Logic of Collective Choice*. New York: Columbia University Press.

D.V. Balashov

AMARTYA SEN'S IDEA OF JUSTICE

Dmitry V. Balashov — Graduate Student at the School of General and Interdisciplinary Legal Studies, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics. Email: dbalashov@hse.ru.

Abstract. The issue of justice has always been given a place of pride in political philosophy and philosophy of law. Amartya Sen, an Indian scientist, has made a significant contribution to the development of this problem. His concept, which took on its final form at the end of the 20th — beginning of the 21st centuries, remains very influential today.

Sen's innovation is that he criticized the so-called “transcendental institutionalism”, which underlies the approach to justice of many famous theorists, including John Rawls and his ardent opponent Robert Nozick. Altering the approach allowed Sen to go beyond the already-classic discussion of the nature of justice, which obviously came to a stalemate by the beginning of the 21st century. Using the original methodology, Sen created a theory of a truly global scale, claiming to solve a whole range of problems that humanity faces.

Moving away from transcendentalism, Sen assigned a key role in social development to public reasoning and the democratic process that is inextricably linked to the former. However, this turned out to be an Achilles heel of his theory. The metamorphoses of democracy in the modern world do not give grounds for optimism regarding the growth of freedom and solidarity in human society. Meanwhile, since Sen denied rigid institutional structures, his concept cannot rely on some ideal model that can set a vector and a guideline for social development. As a result, Sen's ideas, for all their intellectual brilliance and appealing humanism, are divorced from reality and have a tinge of the very Utopianism that their author fought against.

Keywords: justice, transcendental institutionalism, social contract, method of impartial observer, public reasoning, democracy

References

- Arrow K. (2004) *Kollektivnyj vybor i individual'nye tsennosti* [Social Choice and Individual Values]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE. (In Russ.)
- Deneen P.J. (2018) *Why Liberalism Failed*. New Haven (CT): Yale University Press.
- Drèze J. and A.Sen. (1989) *Hunger and Public Action*. Oxford: Clarendon Press.
- Dworkin R. (2002) *Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality*. London: Harvard University Press.
- Everson M. (2000) *The European Union and Its Order: The Legal Theory of European Integration*. Oxford: Blackwell.

- Gauthier D. (1986) *Morals by Agreement*. Oxford: Oxford University Press.
- Kelly F. (1978) *Arrow Impossibility Theorems*. New York: Academic Press.
- Krastev I. (2018) *Posle Evropy* [After Europe]. Moscow: Iz-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Luce E. (2017) *The Retreat of Western Liberalism*. New York: Atlantic Monthly Press.
- Macpherson C.B. (2011) *Zhizn' i vremena liberal'noj demokratii* [The Life and Times of Liberal Democracy]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE. URL: <https://id.hse.ru/data/2011/12/06/1271570570/04.pdf> (accessed on 20.08.2019). (In Russ.)
- Mair P. (2019) *Upravljaja pustotoj: Razmyvanie zapadnoj demokratii* [Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Nagel T. (1979) *Mortal Questions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nagel T. (2005) "The Problem of Global Justice" // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 33, no. 2: 113–147.
- Nozick R. (1974) *Anarchy, State, and Utopia*. New York: Basic Books.
- Pogge T. (1989) *Realizing Rawls*. Ithaca (NY): Cornell University Press.
- Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Rodrik D. (2014) *Paradoks globalizatsii: Demokratija i budushchee mirovoj ekonomiki* [The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Schumpeter J.A. (1995) *Kapitalizm, sotsializm i demokratija* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Schwartz T. (1986) *The Logic of Collective Choice*. New York: Columbia University Press.
- Sen A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. Moscow: Novoe Izd-vo. (In Russ.)
- Sen A. (2016) *Ideja spravedlivosti* [The Idea of Justice]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Smith A. (1997) *Teorija npravstvennykh chuvstv* [The Theory of Moral Sentiments]. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Vainshtein G. (2017) "Sovremennyj populizm kak ob"ekt politologicheskogo analiza" [Modern Populism as a Subject of Political Science] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 69–89.
- Zakaria F. (2004) *Budushchee svobody: neliberal'naja demokratija v SShA i za ikh predelami* [The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad]. Moscow: Ladomir. (In Russ.)

А.А.Рожков
«ИНТЕРЕСЫ» И «ИДЕАЛЫ»:
ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЯ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Александр Алексеевич Рожков — аспирант кафедры философии политики и права МГУ им. М.В.Ломоносова. Для связи с автором: Rozhkov1922@mail.ru.

Аннотация. Несмотря на широкое использование термина «национальные интересы» в средствах массовой информации и академической науке, ученые и эксперты до сих пор не могут прийти к единому мнению о его содержании. Политические реалисты отождествляют национальные интересы со стремлением государств к мощи и безопасности, либералы — с волеизъявлением граждан, конструктивисты — с риторическим инструментом, легитимирующим внешнеполитические решения правительств. Многообразие подходов к определению национальных интересов, а также наличие значительного числа критериев приводит к размыванию данного понятия.

По оценке автора, корни сложившейся ситуации следует искать в противоречии между субъективной интерпретацией национальных интересов властвующей элитой и объективными потребностями населения соответствующих стран. Ключ к решению этой проблемы он видит во введении понятия идеала как связующего элемента между интересами элиты и населения, подчеркивая, что именно благодаря поддержке массами сформулированного элитами идеала мы можем говорить о национальных интересах как о некоей целостности.

Опираясь на психоаналитический анализ «я-идеала» и его влияния на массовое сознание, автор показывает, что обращение к понятию идеала не только снимает основное противоречие в определении национальных интересов в политическом реализме, но и открывает путь к эффективному продвижению таковых в долгосрочной перспективе. Корректно сформулированный идеал устраняет жесткое противостояние между интересами правящих элит и масс, создает условия для стабилизации ситуации внутри страны и позволяет власти проводить инновационную политику, не опасаясь соскальзывания в хаос и конфликт.

Ключевые слова: национальные интересы, политический реализм, идеал, международные отношения, природа человека, психоанализ

Вопрос о природе и роли национальных интересов является важной частью теории международных отношений. Но, несмотря на широкое использование данного термина в средствах массовой информации и академической науке, ученые и эксперты до сих пор не могут прийти к единому мнению о его содержании. Политические реалисты отождествляют национальные интересы со стремлением государств к мощи и безопасности, либералы — с волеизъявлением граждан в демократических обществах, конструктивисты — с риторическим инструментом, легитимирующим внешнеполитические решения правительств. Многообразие подходов к определению национальных интересов, а также наличие значительного числа критериев приводит к размыванию соответствующего понятия. Как отмечает Николай Косолапов, категория национальных интересов «не имеет научного содержания и... скорее всего... не получит его в обозримом будущем»¹.

¹ Косолапов
2016: 40.

В настоящей статье мы постараемся показать, что мешает сформулировать концепцию национальных интересов, и предложим путь к решению этой проблемы в рамках теории политического реализма. На наш взгляд, при всем многообразии факторов, затрудняющих определение национальных интересов, корни сложившейся ситуации следует искать в основном противоречии, присущем данному феномену, причем ключ к его преодолению содержится в самом политическом реализме, а именно в размышлениях представителей этого направления о роли идеала в государственном управлении.

**Основное
противоречие
в определении
национальных
интересов**

Национальные интересы выражаются в реализации потребностей населения страны в долгосрочной перспективе. Независимо от режима и строя, граждане каждой страны заинтересованы в своем суверенитете и всем том, что обеспечивает его поддержание. Ответственный государственный деятель должен ориентироваться на решение этой задачи при любых внутренних и внешних обстоятельствах. Проблема, однако, заключается в том, что представления об объективных потребностях населения и государства в целом во многом зависят от субъективной интерпретации государственных деятелей и господствующих политических групп. Какие бы критерии — экономические, геополитические, гражданские, культурные и пр. — ни использовались, мы так или иначе сталкиваемся с ситуацией, когда эти потребности определяются с позиций политической элиты. Именно это противоречие не позволяет говорить о национальных интересах как об «общем благе»: в государстве всегда присутствуют лица, навязывающие обществу свою волю.

Указание на это противоречие можно обнаружить уже в трудах классика политического реализма Ганса Моргентау, наряду с объективной стороной национальных интересов, выражающейся в «сохранении и защите физической, политической и культурной идентичности»², выделявшего и их субъективную составляющую, определяющуюся

² Morgenthau 1952:
972.

- ³ *Pobedau 2007: 24.* решениями различных индивидов и политических групп³. В свою очередь, Эдвард Карр проводил различие между интересами нации и государства, трактуя первую как «органическое», «естественное» объединение людей, а второе — как сугубо «искусственное» образование⁴. По замечанию Джозефа Франкеля, всякая формулировка национальных интересов состоит из крайностей, будучи пропитана, с одной стороны, эгоизмом, радикализмом и индивидуализмом правящей элиты, а с другой — альтруизмом, консерватизмом и коллективизмом населения⁵. Обобщая, можно констатировать, что дихотомия субъективного и объективного⁶, или «важная таксономия»⁷, или, для простоты, основное противоречие содержится в любом определении национальных интересов. Как мы покажем далее, эта проблема не была решена не только в классическом, но и в структурном и неоклассическом реализме.

Политический реализм не монолитен, и, несмотря на общее убеждение приверженцев этой парадигмы в определяющем влиянии на поведение государств анархической системы международных отношений, они по-разному интерпретируют национальные интересы. Несколько упрощая, применительно к этой проблематике в рамках политического реализма можно выделить два направления — объективистское и субъективистское. В то время как объективисты отрицают значение внутригосударственных факторов и рассуждают о национальных интересах как о некоей целостности, субъективисты уделяют существенное внимание внутренней политике и связывают определение национальных интересов с волей правящих групп.

В структурном реализме основное противоречие в определении национальных интересов решается путем введения понятия «безопасность»: стремление к выживанию в анархической системе международных отношений играет ключевую роль как для наций, так и для правительств. Структурные реалисты отказываются от анализа содержания национальных интересов: по их мнению, подобное знание ничего не дает нам для постижения анархической международной системы. Так, Кеннет Волц проводит различие между внешней политикой и международными отношениями. Исследования внешней политики всегда ставят во главу угла конкретные решения государственных деятелей, что подрывает аналитические возможности теории. Мы можем многое сказать о мотивах и целях индивидов и политических групп, но это лишь затруднит понимание устройства международной системы *per se*. По утверждению Волца, для адекватного изучения международных отношений достаточно предположить, что, несмотря на многообразие интересов во внутренней политике, в международных отношениях государства стремятся прежде всего обеспечить свою безопасность⁸. Сходного мнения придерживается приверженец «наступательного реализма» Джон Миршаймер: государства для него суть «черные ящики», ориентированные в первую очередь на поддержание собственной безопасности⁹. Другими словами, в решении проблемы

⁸ *Waltz 1979: 134.*

⁹ *Mearsheimer 2001: 6.*

национальных интересов структурные реалисты стоят скорее на объективистских позициях.

В отличие от структурных реалистов, сторонники неоклассического реализма не отрицают воздействия на внешнеполитические решения внутригосударственных факторов, подчеркивая, что при формулировании национальных интересов лидеры как демократических, так и недемократических стран не могут игнорировать требования политических групп и масс. Тем не менее они полагают, что национальные интересы — это та сфера, где правительство должно обладать определенной свободой рук, ибо оно располагает недоступной общественности и законодательным органам информацией о положении дел на международной арене и зачастую лучше знает, как защитить долгосрочные интересы государства¹⁰. В то же время некоторые неоклассические реалисты обращают внимание на то, что даже такое понятие, как безопасность, может не только по-разному интерпретироваться элитами и массами, но и использоваться для реализации узкокорыстных властных и экономических интересов. Как отмечает, в частности, Роберт Гилпин, когда правительство формулирует национальные интересы, оно думает скорее о собственной, чем о национальной безопасности¹¹. Более того, если международная система позволяет правительству пересмотреть свою трактовку безопасности и извлечь из этого экономическую выгоду, оно может определить национальные интересы таким образом, что это будет работать на подрыв национальной безопасности¹². В любом случае неоклассические реалисты отводят правительству решающую роль в формулировании национальных интересов, то есть придерживаются субъективистского подхода.

Между тем дихотомия субъективного и объективного в определении национальных интересов вполне разрешима, причем в рамках самой теории политического реализма. Основное противоречие можно преодолеть посредством введения понятия идеала как связующего элемента между интересами властвующей элиты и населения. Несмотря на отрицание роли ценностей во внешней политике, политические реалисты признают значение идеала при создании эффективной политической системы. Именно благодаря поддержке сформулированного правительством идеала мы можем говорить о национальных интересах как о некоей целостности. Но прежде чем переходить к обоснованию этого утверждения, мы хотели бы остановиться на психоаналитической интерпретации «я-идеала». Это отступление не означает отхода от темы настоящего исследования. Напротив, в духе классического политического реализма мы попытаемся показать, как обращение к конфликтной сущности человеческой природы позволяет отвечать на проблемы теории международных отношений.

¹⁰ Lobell, Ripsman, and Taliaferro (eds.) 2009: 180.

¹¹ Gilpin 1996: 7.

¹² Gilpin 1981: 19.

**Психоаналитический
подход к изучению
массовой
психологии**

Политический реализм представляет собой философское направление¹³, или, по выражению Роберта Шуетта, политическое мировоззрение (Weltanschauungen)¹⁴, в международных отношениях. И хотя большинство реалистов считают силу основополагающим фактором мировой политики, их теории испытали влияние мыслителей, оставивших иные точки зрения, — Аристотеля, Иммануила Канта, Карла Маркса, Ганса Кельзена, Макса Вебера и многих других. Политические реалисты часто ссылаются на работы своих оппонентов, а наиболее авторитетные из них признаются, что именно противники реализма оказали на них определяющее воздействие. Удивительно, что при такой широте взглядов и эрудиции реалисты обошли вниманием одного из наиболее значимых мыслителей XX в. — Зигмунда Фрейда.

¹³ *Gilpin 2001: 15.*¹⁴ *Schuettt 2010: 127.*

Философия политического реализма во многом перекликается с заключениями Фрейда. Основатель психоанализа скептически оценивал возможность бесконфликтного мира, подчеркивая, что на протяжении всей истории человечества ключевым политическим фактором была именно сила, а не право¹⁵. Однако главной темой, которая, на наш взгляд, роднит психоанализ и политический реализм, является интерес к природе человека. Работа Фрейда «Психология масс и анализ человеческого Я»¹⁶ подтверждает одну из аксиом реализма, согласно которой поведение государств и отдельных групп зависит от факторов, укорененных в природе человека.

¹⁵ *Фрейд 2008: 275.*¹⁶ *Фрейд 2019.*

Человек не изолированное существо, и, как показывает психоанализ, его психика ментально связана с образами родителей, братьев, сестер и любимых. Процесс, при котором дети начинают ассоциировать себя с кем-то из родителей, Фрейд назвал «идентификацией»¹⁷. Родитель становится для ребенка предметом подражания, образуя тем самым первую эмоциональную привязанность. По мере взросления ребенок утрачивает исходную идентификацию с родителем, но бессознательно продолжает воспроизводить усвоенные модели поведения.

¹⁷ *Фрейд 2008: 98.*

Вместе с тем человеческое «я» находится под воздействием «я-идеала», выражающегося в представлениях о добре и зле, совести и справедливости¹⁸. Источником этой структуры выступает родительский образ, а также естественное стремление организма избежать опасности или негативных эмоций. Если в ситуации психологической нормы «я-идеал» работает как инструмент самокритики, то в ситуации невроза он превращается в элемент подавления, мешающий человеку реализовывать свои желания и обостряющий внутреннюю фрустрацию. Стоит отметить, что чем жестче «я-идеал», тем острее и интенсивнее человек переживает фрустрацию.

¹⁸ *Там же: 102.*

Исследование психологических механизмов идентификации и «я-идеала» открывает дорогу к пониманию законов формирования групп. Согласно Фрейдю, устойчивость человеческих объединений становится возможна благодаря либидинозной структуре — системе, при которой члены сообщества испытывают глубокую эмоциональную привязанность друг к другу. Целостность группы определяется общим

¹⁹ Там же: 109. идеалом, помещенным на место «я-идеала»¹⁹. Воплощением этого идеала может стать вождь, полководец, религиозный лидер или идеология. Почитающая идеал группа не просто делает его объектом подражания, но переносит на него свое нарциссическое либидо, что в понимании Фрейда означает влюбленность или очарование. В то же время в рамках группы возникает взаимная самоидентификация, и члены сообщества начинают воспринимать себя в качестве коллег, сослуживцев, сограждан, товарищей, единомышленников и т.д.

Стремление каждого индивида к сохранению своего «я» способствует устойчивости группы. Иначе говоря, чем более нарциссично «я», тем легче ему ассоциировать себя с «я-идеалом», образом вождя или идеологией. Эта особенность формирования групп несет в себе потенциал конфликтности: поскольку «я-идеал» любого сообщества претендует на господствующую роль, он выступает в качестве угрозы для нарциссического образа представителей других сообществ.

Несмотря на то что благодаря наличию общих установок, а также эмоциональной привязанности друг к другу члены группы редко испытывают неврозы, строение их индивидуальной психики, бесспорно, влияет на общее поведение. Человеческая психика в значительной степени (хотя и не полностью) регулируется принципом удовольствия. В соответствии с психоаналитической теорией Фрейда, направление психических процессов задается стремлением к снижению возбуждения²⁰. Низкий уровень возбуждения — не только нормальное состояние психики, но и источник удовольствия. Нарастание возбуждения, напротив, сопряжено с ростом неудовольствия. Нацеленность психического аппарата на уменьшение возбуждения или, по меньшей мере, на поддержание его на постоянном уровне была определена Фрейдом как принцип константности²¹.

Принцип удовольствия является первичным, но не единственным триггером психических процессов. Более того, на начальных стадиях развития организма при столкновении с трудностями внешнего мира принцип удовольствия может оказаться непригодным и даже опасным. Потребность в самосохранении берет верх над стремлением к удовольствию, заменяя соответствующий принцип принципом реальности²². Именно эта структура формирует представление об опасности, выражающееся в страхе перед некими воображаемыми угрозами. Перспектива испытать крайнее неудовольствие оттесняется в бессознательное, откуда непосредственно влияет на поведение человека.

Стремление к самосохранению обуславливает заикленность психики на пережитых травмах. Человек пытается удержать испытанную им травму под контролем, не позволяя проблеме выйти на поверхность и тем самым нарушить сложившуюся конституцию психики. И хотя принцип удовольствия продолжает оказывать серьезное воздействие на развитие психических процессов, стремление к самосохранению сглаживает его, перенаправляя энергию либидо на поддержание невротического, нарциссического представления человека о самом себе.

²⁰ Фрейд 2006: 231.

²¹ Там же: 233.

²² Там же: 234.

²³ Там же: 269.

Согласно Фрейд, укорененные в психическом аппарате принцип удовольствия и принцип реальности являются частью двух более широких тенденций, присущих всем видам биологических существ: влечения к жизни и влечения к смерти²³. В то время как вторая тенденция имеет свои истоком стремление к самосохранению, переживанию «навязчивых состояний» и удержанию нарциссического представления о самом себе, первая находит воплощение в сексуальности, направленной исключительно на внешние объекты и предполагающей соединение с зародышевыми клетками и продолжение жизни.

Может показаться, что за сексуальностью скрывается потенциальное бессмертие, однако это не так. Влечение к жизни, полагает Фрейд, лишь удлиняет дорогу к смерти. Представители органического мира не жаждут никаких не изведанных ими ранее состояний. Напротив, жизнь есть скорее повторение одного и того же, и влечение к жизни в форме сексуальности предполагает не более чем отдаление возврата к неорганическому состоянию.

Указанные тенденции в значительной мере обуславливают и групповое поведение. С одной стороны, действия группы нацелены на сохранение себя как целостности, с другой — они направлены во внешний мир, где группа пытается утвердить свой идеал в качестве единственно возможного. Даже если две группы имеют схожие идеалы, стремление каждой из них к самосохранению, выражающееся в удержании нарциссического «я», провоцирует напряжение и конфронтацию между ними.

Конфликтная природа человека, полагает Фрейд, неизбежно приводит к столкновению групп и государств. В такой ситуации, с его точки зрения, существует лишь два способа положить конец войнам: создание централизованного мирового правительства и распространение культуры и цивилизации. Однако в первом случае избавление от войн означало бы безусловное господство одной силы, а во втором сопутствующая распространению культуры интеллектуализация обернулась бы оскудением сексуальности. Так или иначе, выводы Фрейда трудно назвать оптимистичными: и тот, и другой путь предотвращения войн требуют немало времени и вряд ли изменят ход вещей в обозримом будущем²⁴.

²⁴ Фрейд 2008: 286.

**Идеал
как ключевой
элемент
национальных
интересов**

Как уже говорилось, преодоление основного противоречия национальных интересов, а именно дихотомии субъективного и объективного, возможно через введение понятия идеала. Идеал — это «образец, норма, идеальный образ, определяющий способ и характер поведения человека или общественного класса»²⁵. Идеал — это родовое понятие, раскрывающее не только цель, но и средство реализации потребностей общества. Хотя идеал выдвигают конкретные индивиды, всеобщее значение он приобретает тогда, когда находит поддержку в массах. Другими словами, появление сколько-нибудь значимого идеала невозможно без отождествления масс с основными его составляющими.

²⁵ Ильенков 1962: 195.

Идеал является важнейшим элементом национальных интересов, поскольку именно благодаря ему политическая элита получает поддержку широких масс. Если предложенный элитой идеал соответствует представлениям людей об их безопасности и частных интересах, любая внешняя или внутренняя угроза воспринимается ими как опасность для нации и побуждает их сплотиться вокруг правительства. Если же идеал сформулирован неверно или возникают сомнения в его подлинности, массы перестают отождествлять себя с политикой государства, и ответственность за внешние и внутренние угрозы перекладывается на власть.

Психоаналитическая интерпретация «я-идеала» позволяет понять, что заставляет разрозненных индивидов идентифицировать себя с государством, а свои желания — с действиями власти. Индивиды бессознательно симпатизируют лидерам, которые ассоциируются у них с родителями — любящей матерью или заботливым отцом. Благодаря образованию либидинозной структуры они переносят на государство свои противоречивые представления об удовольствии и безопасности. Стоит отметить, что истоки массовых представлений о заботливом правителе кроются в национальной культуре. Этим объясняется то постоянство, с которым народы обращаются к тому или иному образу в моменты массовой фрустрации. Чем острее и интенсивнее переживаемое индивидами напряжение, тем выше их потребность в создании либидинозной структуры и отождествлении своего «я» с авторитетным деятелем. При этом, если реальный лидер по тем или иным причинам не отвечает заложенному в культуре образу, именно он оказывается главным объектом критики и обвинений.

Выше уже упоминалось, что политические реалисты вовсе не отрицают значение идеала, признавая его важность для построения эффективной политической системы. Так, рассуждая о «национальной силе», Моргентау определял ее как идентификацию массы индивидуальных представителей нации с мощью их государства в мире²⁶, причем давал вполне психоаналитическое обоснование своего заключения: поскольку законы и социальная иерархия мешают индивидам реализовывать свою жажду могущества в повседневной жизни, они отождествляют себя с государством на мировой арене, где стремление к власти не ограничено никакими правилами. «Когда граждане Соединенных Штатов думают о могуществе своей страны, — подчеркивал он, — они ощущают восторг, схожий с тем, что должны были испытывать граждане Рима, отождествляя себя с Римом и его могуществом. <...> Когда мы воспринимаем себя членами очень могущественной нации, обладающей непревзойденной индустриальной мощью и материальным благосостоянием, мы льстим себе и испытываем огромную гордость»²⁷. Согласно Моргентау, чем больше людей идентифицирует себя с силой нации и ее идеями, тем она могущественнее²⁸.

На стремление человека к членству в общественных группах обращают внимание многие политические реалисты, в том числе такие,

²⁶ *Morgenthau 1948:*
118.

²⁷ *Ibid.:* 120.

²⁸ *Ibid.:* 119.

- как Джордж Кеннан, Уолтер Липпман и Рейнхольд Нибуэр. Так, Кеннан связывает националистические настроения с «присущей всем людям потребностью чувствовать себя частью чего-то большего, чем они сами и их семьи»²⁹. Липпман усматривает корни национализма в инфантильной склонности человека отождествлять свои желания с нуждами государства. Подобное отношение к стране, полагает он, обусловлено детскими воспоминаниями, в которых удовлетворение потребностей тесно связано с образом родины³⁰. Еще ближе к психоанализу трактовка групповой психологии, предложенная Нибуэром: с его точки зрения, массовые интересы отражают нарциссические желания отдельного человека, которые он не может реализовать в обыденной жизни³¹.

- По мнению Раймона Арона, убежденного, что цели государства не исчерпываются стремлением к силе и безопасности, великие государственные деятели воплощают свою жажду могущества в реализации идей: «Войны ради славы и войны ради идеи гораздо больше проникнуты человеческими свойствами, чем войны за земли или за подземные богатства. <...> Завоеватели иногда оправдывали свои авантюры, суля своему народу процветание после победы. Такие утопии служили извинением, но не источником вдохновения. Эти предводители хотели мощи и могущества для достижения своей славы, для торжества какой-то идеи самой по себе, но никогда не для того, чтобы люди познали сладость жизни»³².

- Идеал зачастую включает в себя представления масс о справедливости. Даже если элита преследует исключительно собственные интересы, важно, чтобы население ощущало хотя бы видимость учета его потребностей. Откровенное пренебрежение ими чревато неустойчивостью управления в долгосрочной перспективе. Гилпин, отвергавший тезис Моргантау об объективной ценности национальных интересов, рассматривал последние как комбинацию целей конфликтующих правящих групп, меняющуюся в зависимости от обстоятельств³³. По его оценке, именно вырождение элиты и ее отказ от следования общему благу являются важнейшими причинами войн и кризисов в международных отношениях³⁴. О том, что борьба между элитами приводит к кризисам, писал и Франкель. Называя переменчивые цели конфликтующих групп внутри политического истеблишмента оперативными, он подчеркивал, что защита массовых интересов делает управление государством более стабильным³⁵. Интересы (или, по выражению самого Франкеля, чаянья) масс связаны с образом государства, сохранившего традиции сильного правительства, стабильной службы и возможности карьерного роста. Политическое напряжение в государстве тем острее, чем глубже конфликт между оперативными интересами истеблишмента и устойчивыми интересами основной массы населения.

Может показаться, что включение в национальные интересы принятого таким образом идеала делает их менее гибкими: потребности масс предстают инертными, не отвечающими динамичному развитию современного мира. Однако, как справедливо отмечал Франкель, это

совсем не так. Наличие стабильного идеала позволяет политикам принимать инновационные решения, не боясь соскальзывания государства в хаос и конфликт³⁶. Напротив, волатильность идеала, не говоря уже о его отсутствии, мешает реализации политических целей, поскольку каждое изменение вызывает массовую фрустрацию и требует существенных вливаний в бюрократические, полицейские и подобные им структуры. Рассматривая эту проблему, Барри Бузан выдвинул концепцию максимального и минимального государства, первое из которых предполагает доминирование бюрократии при равнодушии населения к идее государства, а второе — относительно невысокую роль бюрократии при массовой поддержке идеи государства³⁷.

³⁶ *Ibid.*: 128.

³⁷ *Buzan 1983*: 54.

³⁸ *Ibidem*.

Задавшись вопросом, может ли государство обладать стабильными институтами при слабой идее, он пришел к заключению, что нет: «Идея государства в таком случае означала бы немногим более, чем определение правящей элитой собственных интересов, и согласованность государства сохранялась бы за счет неограниченного применения принудительных мер в отношении граждан. Страх заменил бы тогда позитивные идеи в качестве основного объединяющего элемента, и правительство стало бы полагаться на послушание, а не лояльность»³⁸.

Несмотря на свою кажущуюся аморфность, идея государства является центральным элементом национальной безопасности, поскольку именно она наделяет легитимностью само государство, его институты и физическую базу. В то время как исчезновение одного института можно восполнить созданием других, деформация идеи способна привести к делегитимации всего государства. Согласно Бузану, поддержка населения — ключевое условие стабильности государственной машины. В такой ситуации власть эффективнее реагирует как на внешние, так и на внутренние угрозы. С одной стороны, ей не требуется прибегать к силе внутри страны, с другой — она может использовать ее против угроз на мировой арене. Это, конечно, не означает, что внутренняя оппозиция будет полностью избавлена от преследований. Однако в государствах с высокой поддержкой населения власть все-таки правит за счет авторитета, а не принуждения³⁹.

³⁹ *Ibid.*: 59—60.

⁴⁰ *Walt 1987*: 182.

При том что структурные реалисты отрицают центральную роль идеала в международных отношениях, они тоже не могут полностью абстрагироваться от этой проблемы. Значительное внимание влиянию идеологий на отношения между странами уделял, в частности, Стивен Уолт, считавший, что близость идеологий скорее препятствует выстраиванию крепких союзов, так как правительства более слабых стран боятся вмешательства сильного союзника в их внутренние дела, утраты поддержки населения и, как следствие, потери независимости⁴⁰. Без понятия идеала едва ли может обойтись и структурный реализм Уолца и Миршаймера, поскольку государства, отождествляющие себя с потребностями системы или стремящиеся стать мировыми гегемонами, неизбежно встанут перед необходимостью сформулировать идею, которую они могли бы предложить человечеству.

* * *

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что введение понятия идеала позволяет преодолеть основное противоречие национальных интересов. Более того, корректно сформулированный и поддерживаемый населением идеал создает условия для принятия правительством эффективных решений и в долгосрочной перспективе повышает мощь государства на внешней арене. Поэтому ответственный государственный деятель должен не просто находить баланс между интересами различных частей правящего слоя, но и отвечать массовым представлениям об авторитетном правителе. Только в этом случае население страны будет воспринимать действия государства на внутренней и международной арене как реализацию своих желаний и не станет препятствовать исполнению принятых правительством решений. Самоидентификация масс с государством обеспечит правительству поддержку и, соответственно, сделает функционирование политической системы более успешным и стабильным. Люди, интенсивно переживающие свою принадлежность к государству, более склонны рассматривать проводимую им политику как работу на общее благо, то есть на защиту и продвижение национальных интересов.

Библиография

- Арон Р. (2000) *Мир и война между народами*. М.: Nota bene.
- Ильенков Э.В. (1962) «Идеал» // *Философская энциклопедия*. Т. 2. М. Советская энциклопедия: 195—199. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/enc/idealf.html> (проверено 20.08.2019).
- Косолапов Н.А. (2016) «Общесистемные интересы вместо национальных» // *Россия в глобальной политике*, № 2: 34—54. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Obschesistemnye-interesy-vmesto-natsionalnykh-18021> (проверено 20.08.2019).
- Победаш Д.И. (2007) *Эволюция американского политического реализма как метода исследования международных отношений*. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: Уральский гос. университет им. А.М.Горького.
- Фрейд З. (2019) *Психология масс и анализ человеческого «Я»*. М.: АСТ.
- Фрейд З. (2006) *Психология бессознательного*. М.: Фирма СТД.
- Фрейд З. (2008) *Вопросы общества. Происхождение религии*. М.: Фирма СТД.
- Burchill S. (2005) *The National Interest in International Relations Theory*. New York: Palgrave Macmillan.
- Buzan B. (1983) *People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books.
- Carr E. (1945) *Nationalism and After*. London: Macmillan.
- Frankel J. (1970) *National Interest*. London: Palgrave Macmillan.

- Gilpin R. (1981) *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gilpin R. (1996) «No One Loves a Political Realist» // *Security Studies*, vol. 5, no. 3: 3–26.
- Gilpin R. (2001) *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton: Princeton University Press.
- Kennan G. F. (1993) *Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy*. New York: Norton & Company.
- Lippmann W. (2008) *The Stakes of Diplomacy*. New Brunswick (NJ): Transaction.
- Lobell E., M.Ripsman, and W.Taliaferro, eds. (2009) *Neoclassical Realism and Domestic Interest Groups*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W.Norton & Company.
- Morgenthau H. (1948) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.
- Morgenthau H. (1952) «Another „Great Debate“: The National Interest of the United States» // *The American Political Science Review*, vol. 46, no. 4: 961–988.
- Niebuhr R. (2008) *The Irony of American History*. Chicago: Chicago University Press
- Rosenau J. (1964) *National Interest*. New York: Macmillan, Free Press.
- Schuett R. (2009) *Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations*. Durham: University of Durham School of Government and International Affairs.
- Walt S.M. (1987) *The Origins of Alliance*. New York: Cornell University Press.
- Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (Mass): Addison-Wesley Publishing Company. URL: https://www.academia.edu/26543997/WALTZ_1979_-_Theory_of_International_Politics (accessed on 20.08.2019).

политика

A.A.Rozhkov

“INTERESTS” AND “IDEALS”: REDEFINING POLITICAL REALISM

Alexander A. Rozhkov — Graduate Student at the Department of Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University. Email: Rozhkov1922@mail.ru.

Abstract. Despite the widespread use of the term “national interests” in the media and academia, researchers and experts still cannot come to a consensus on its meaning. Political realists equate national interests with the

states' aspiration for power and security, liberals — with the will of citizens, constructivists — with a rhetorical tool that legitimizes foreign policy decisions of governments. The variety of approaches to defining national interests, as well as the presence of a significant number of criteria, leads to the erosion of this concept.

According to the author, the described situation is rooted in the contradiction between the subjective interpretation of national interests by the ruling elite and the objective needs of the population of the respective countries. He sees the key to solving this problem in introducing an “ideal” — the concept that connects the interests of the elite and population, emphasizing that it is due to the support of the masses of the ideal elaborated by the elites that one can talk about national interests as a single whole.

On the basis of the psychoanalytic analysis of the “I-ideal” and its influence on mass consciousness, the author shows that turning to the concept of an ideal not only removes the main contradiction in the definition of national interests in political realism, but also opens the way to effectively promote them in the long term. An ideal that is correctly formulated removes the tough confrontation between the interests of the ruling elites and the masses, creates conditions for stabilizing the situation within the country and allows the authorities to pursue an innovative policy without fear of slipping into chaos and conflict.

Keywords: national interests, political realism, ideal, international relations, human nature, psychoanalysis

References

- Aron R. (2000) *Vojna i mir mezhdu narodami* [Paix et guerre entre les nations]. Moscow: Nota bene. (In Russ.)
- Burchill S. (2005) *The National Interest in International Relations Theory*. New York: Palgrave Macmillan.
- Buzan B. (1983) *People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books.
- Carr E. (1945) *Nationalism and After*. London: Macmillan.
- Frankel J. (1970) *National Interest*. London: Palgrave Macmillan.
- Freud S. (2006) *Psikhologija besoznatel'nogo* [Psychologie des Unbewussten]. Moscow: Firma STD. (In Russ.)
- Freud S. (2008) *Voprosy obshchestva. Proiskhozhdenie religii* [Fragen der Gesellschaft. Ursprünge der Religion]. Moscow: Firma STD. (In Russ.)
- Freud S. (2019) *Psikhologija mass i analiz chelovecheskogo “ja”* [Massenpsychologie und Ich-Analyse]. Moscow: AST.
- Gilpin R. (1981) *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gilpin R. (1996) “No One Loves a Political Realist” // *Security Studies*, vol. 5, no. 3: 3–26.
- Gilpin R. (2001) *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton: Princeton University Press.

Ilyenkov E.V. (1962) "Ideal" [Ideal] // *Filosofskaja entsiklopedija* [Encyclopedia of Philosophy]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaja entsiklopedija: 195–199. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/enc/idealfe.html> (accessed on 20.08.2019). (In Russ.)

Kennan G. F. (1993) *Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy*. New York: Norton & Company.

Kosolapov N.A. (2016) "Obshchesistemnye interesy vmesto natsional'nykh" [System-Wide Interests versus National Interest] // *Rossia v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], no. 2: 34–54. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Obshchesistemnye-interesy-vmesto-natsionalnykh-18021> (accessed on 20.08.2019). (In Russ.)

Lippmann W. (2008) *The Stakes of Diplomacy*. New Brunswick (NJ): Transaction.

Lobell E., M.Ripsman, and W.Taliaferro, eds. (2009) *Neoclassical Realism and Domestic Interest Groups*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W.Norton & Company.

Morgenthau H. (1948) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.

Morgenthau H. (1952) "Another „Great Debate“: The National Interest of the United States" // *The American Political Science Review*, vol. 46, no. 4: 961–988.

Niebuhr R. (2008) *The Irony of American History*. Chicago: Chicago University Press

Pobedash D. (2007) *Evolutsija amerikanskogo politicheskogo realizma kak metoda issledovanija mezhdunarodnykh otnoshenij* [Evolution of American Political Realism as a Method of Studying International Relations]. Ph.D diss. Yekaterinburg: Ural State University. (In Russ.)

Rosenau J. (1964) *National Interest*. New York: Macmillan, Free Press.

Schuetz R. (2009) *Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations*. Durham: University of Durham School of Government and International Affairs.

Walt S.M. (1987) *The Origins of Alliance*. New York: Cornell University Press.

Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (Mass): Addison-Wesley Publishing Company. URL: https://www.academia.edu/26543997/WALTZ_1979_-_Theory_of_International_Politics (accessed on 20.08.2019).

С.А.Кучеренко

СУВЕРЕНИТЕТ И ИНТЕГРАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ

Сергей Анатольевич Кучеренко — аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: oldjeffrey93@gmail.com.

Аннотация. Одним из наиболее значимых трендов последних лет в мировой политике является нарастающий скептицизм в отношении интеграционных проектов и международных институтов *per se*. Правовопопулистская волна, захлестнувшая западные демократии, сопровождается ростом риторики, утверждающей вред интеграции и важность защиты суверенитета. При этом такого рода установки зачастую связываются с политическим реализмом.

Политический реализм — чрезвычайно разнообразное направление в теории международных отношений. Не претендуя на разбор всех его разновидностей, автор концентрирует внимание на подходах к проблеме суверенитета и интеграции основоположника политического реализма Ганса Моргентау, сыгравшего ключевую роль в его становлении.

Проведенный автором анализ показывает, что политический реализм в его классическом изводе не может служить обоснованием суверенитета как высшей ценности. Более того, он может быть использован для критики системы взглядов, делающих упор на ценность суверенитета. Стремление политических образований к обособлению в предельном случае приводит к распаду мирового сообщества на множество государств, неспособных вести диалог кроме как с позиций силы, что ставит под угрозу международную безопасность. Как следствие, реализм постулирует необходимость преодоления тенденции к суверенизации через интеграцию. Однако каких-либо реальных путей к решению этой задачи в нем даже не намечено. По заключению автора, предложенный Моргентау проект возрождения дипломатии как способ если не объединить государства, то подтолкнуть их к созданию пространства для диалога эту роль выполнять не может, что свидетельствует о необходимости поиска принципиально иных решений.

Ключевые слова: суверенитет, политический реализм, интеграция, Ганс Моргентау

Одним из наиболее значимых трендов последних лет в мировой политике является нарастающий скептицизм в отношении интеграционных проектов и международных институтов *per se*. Правовопопулистская

волна, захлестнувшая западные демократии, сопровождается ростом риторики, утверждающей вред интеграции и важность защиты суверенитета¹. При этом такого рода установки зачастую связываются с политическим реализмом². Насколько подобная трактовка правомерна?

Политический реализм — очень влиятельное и при этом чрезвычайно разнообразное направление в теории международных отношений³. Не претендуя на разбор всех его разновидностей, в настоящей статье мы сосредоточимся на подходах к проблеме суверенитета и интеграции основоположника политического реализма Ганса Моргентау, сыгравшего ключевую роль в его становлении. Высказанные еще в середине прошлого столетия идеи Моргентау привлекают сегодня все большее внимание исследователей. Если еще относительно недавно Моргентау «чаще цитировали, нежели читали»⁴, то теперь предпринимаются попытки переосмыслить его наследие, дав ему актуальную трактовку⁵. Как справедливо отмечает Ричард Н. Лебоу, за таким обращением к классическим текстам кроется не только любопытство историка, но и релевантность этих текстов сегодняшнему дню и возможность использовать содержащиеся в них идеи в качестве опоры для дальнейших исследований⁶.

Статья состоит из трех разделов. В первом мы рассмотрим ценностный статус суверенитета в политическом реализме; во втором коснемся проблем, связанных с фетишизацией суверенитета, и перспектив интеграции под углом зрения мирового государства; в третьем проанализируем предложенный Моргентау проект возрождения дипломатии. Наконец, в заключении будет дана общая оценка позиции классического политического реализма по вопросам суверенитета и интеграции с учетом современных реалий.

Суверенитет как ценность

Ценность в политическом реализме. В первую очередь необходимо определить, какое место в теории реализма занимает понятие ценности. Это позволит решить две задачи: во-первых, раскрыть содержание суверенитета как ценности, во-вторых, оценить возможности обоснования этой ценности с помощью политического реализма.

Политический реализм в его классическом изводе во многом опирается на методологию Макса Вебера, предполагающую осмысление конкретных событий через соотнесение их с идеальными (чистыми) типами. Хотя идеальные типы отсутствуют на практике или в принципе невозможны, сопоставление с ними помогает лучше понять смысл и действительные мотивы реальных действий.

Среди принципов политического реализма, сформулированных Моргентау в его центральном труде «Политические отношения между нациями» (1948 г.)⁷, особого внимания применительно к обсуждаемой нами проблематике заслуживают следующие два. Во-первых, при рассмотрении мира политики реализм исходит из убеждения, что человеческая деятельность подчиняется закономерностям, которые поддаются анализу.

¹ *Весьма показательно в этом плане речь, произнесенная Дональдом Трампом 19 сентября 2017 г. на Генеральной Ассамблее ООН, где понятие «суверенитет» упоминалось более 20 раз (Patrick 2017). См. также Remarks 2018; Forsyth 2018; Malcolm 2019.*

² *См., напр. Babones 2018; Schaefer 2018.*

³ *Gilpin 1984: 287—304.*

⁴ *Williams 2005: 82.*

⁵ *См., напр. Molloy 2004, 2006; Williams 2005; Williams (ed.) 2007; Brown 2007; Jütersonke 2010; Neacsu 2010; Rösch 2015.*

⁶ *Lebow 2007.*

⁷ *Morgenthau 1997.*

⁸ *Ibid.*: 4—18.

Во-вторых, ключевым элементом политического является власть, которая выступает в качестве отдельного интереса (ценности). Иначе говоря, политика — это деятельность, направленная на получение, удержание и увеличение власти⁸. Допущение о том, что политика в чистом виде есть борьба за власть, понимаемую как способность контролировать поведение других, позволяет исследовать и оценивать действия политиков. Такое исследование с необходимостью подразумевает интерпретацию этих действий как в большей или меньшей степени ориентированных на власть.

⁹ *Morgenthau 2012*: 109.

Можно ли использовать политический реализм для обоснования власти как ценности? Несмотря на то что политический реализм оценивает действия политиков с вполне конкретной точки зрения, он не отрицает наличия других подходов. Действия, рассматриваемые им с политической точки зрения, могут быть рассмотрены с точки зрения экономики (где главная ценность — богатство), эстетики (где главная ценность — прекрасное), этики (где главная ценность — благо) и наоборот⁹. Выбор политического в качестве идеального типа обусловлен лишь тем, что реальные политики стремятся к власти и участвуют в отношениях власти, и ничего не говорит о ценности власти *per se*.

Другими словами, политический реализм лишь констатирует тот факт, что власть является ценностью для некоторых людей и их действия легче интерпретировать, встав на их позицию. Утверждать, что это обосновывает безусловную ценность власти, — значит совершать натуралистическую ошибку, то есть объявлять нечто хорошим лишь в силу его наличия в природе. Таким образом, политический реализм не может служить обоснованием политики, ориентированной исключительно на интересы государства. Упоминание его в данном контексте — скорее риторический прием. Вместе с тем политический реализм может обозначить потенциальные опасности переоценки власти и суверенитета.

¹⁰ *Morgenthau 1997*: 328.

Власть как ценность. Как уже говорилось, власть, рассматриваемая в качестве особой политической ценности, выступает центральным понятием политического реализма. Суверенитет, если понимать его как верховенство власти на определенной территории, выглядит в этом случае высшей ценностью — как минимум для государства¹⁰. Идеальный политик стремится к суверенной власти и ее сохранению. Кроме того, современное представление о государстве настолько связано с концепцией территориального суверенитета, что утрата последнего может интерпретироваться как прекращение существования государства.

¹¹ *Вебер 2016*: 109.

Рассмотрим подробнее трактовку власти, предложенную Моргантау. Для основателя политического реализма власть — это психологическое отношение между властвующими и подвластными, обеспечивающее первым контроль над действиями вторых. Подобный контроль может осуществляться посредством угроз, обещаний либо авторитета. Нетрудно заметить сходство данной трактовки с определением Вебера¹¹. При этом власть, с точки зрения Моргантау, может быть как легитимной,

¹² *Morgenthau 1997:*
32—33.

¹³ *См. Кожев 2006:*
15—16.

¹⁴ *См. Williams*
2008: 4—6.

так и нелегитимной¹². То есть нелегитимная власть тоже является властью, а не просто насилием, как в построениях Александра Кожева¹³ или Бернарда Уильямса¹⁴. Одно и то же слово «power» используется для обозначения двух разных феноменов — внутривластной власти, которая может базироваться на авторитете или удовлетворении потребностей граждан, и способности государства к принуждению других в условиях международной анархии.

Выше уже упоминалось, что власть — не единственно возможная высшая ценность. Однако в рамках нашего рассмотрения важно понять, почему власть в принципе способна оказаться ценностью. Признавая существование других ценностей, политический реализм постулирует, что политическое обладает самостоятельной реальностью и не может быть редуцировано к чему бы то ни было. Задаваясь вопросом о том, почему не срабатывают простые рецепты мира, будь то пацифистская пропаганда, утверждение свободы торговли, образование лиг, заключение конвенций и т.п., Моргентоу приходит к выводу, что в основе такого положения дел лежит проблема политической власти. Интересы государств не просто противоречат друг другу, но и не могут быть принесены в жертву другим интересам, даже если на кону благополучие или само выживание сообщества. Стремление людей к власти реально, и его нельзя нейтрализовать средствами экономики, этики либо эстетики. Истоки подобной ситуации Моргентоу видит в природе человека, предполагающей неустранимое влечение к власти над другими¹⁵.

¹⁵ *Morgenthau*
1974b, 1997.

Почему человеку присуще такое влечение? В своих ранних работах Моргентоу, по сути, обходил этот вопрос, ограничиваясь ссылками на властолюбие человека как на эмпирический факт или, в лучшем случае, апеллируя к авторитетам прошлого. Только в начале 1960-х годов в эссе «Общественная жизнь: любовь и власть» он предпринял попытку дать ответ на него, выдвинув гипотезу о том, что власть есть обратная сторона потребности в любви (признании). Любовь для Моргентоу — это контакт двух людей, при котором их воля совпадает полностью, причем на добровольной основе. Стремление к такому контакту происходит из осознания человеком собственной ограниченности. Смертный человек ищет трансценденции — прежде всего в форме подлинного контакта с Другим, а также через соотнесение себя с вечными ценностями и сущностями. Желание любви настолько сильно, что человек готов идти на принуждение, дабы добиться совпадения воли Другого со своей волей. Такое принуждение может осуществляться посредством обмана либо угрозы насилия, и именно его Моргентоу называет властью (power)¹⁶. Одним из способов гарантировать себе признание является образование политических сообществ, в том числе государств. По справедливому замечанию Роберта Шуетта, для описания этого аспекта функционирования государства Моргентоу de facto задействует введенный Зигмундом Фрейдом концепт сублимации. И если в рамках гражданского общества люди могут рассчитывать на признание со стороны

¹⁶ *Morgenthau 1962.*

¹⁷ См. Schuett 2007, 2009. См. также Craig 2007.

своих сограждан, то, идентифицируя себя с народом и государством, они получают признание на международной арене от других народов и государств¹⁷.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что реализм не содержит в себе обоснования ценности власти и суверенитета, но может быть использован для критического их исследования. Согласно реалистам, представление о власти как о ценности берет начало в природе человека. Человек нуждается в признании других, чтобы преодолеть собственную конечность. Это признание возможно либо в виде взаимной добровольной любви, либо в виде подчинения. Применительно к государству это означает, что оно испытывает влияние двух тенденций — интеграционной и дезинтеграционной. С одной стороны, его граждане, будучи заинтересованы в безопасности и взаимном признании, стремятся к объединению в едином правовом поле. С другой стороны, те же граждане соперничают успехам своего государства на международной арене, причем признание, полученное через такого рода «сублимацию» жажды власти, неизмеримо весомее полученного внутри конкретного сообщества. Первая тенденция подразумевает возможность создания все более крупных политических образований, гарантирующих гражданский мир и расширяющих круг признающих друг друга сограждан. Вторая — непримиримую борьбу государств и все большее их дробление.

Рассмотрим, какие опасности видит политический реализм в развитии второй тенденции.

Суверенитет и интеграция

Два типа международной морали. Исходной точкой рассуждений Моргентау об опасностях, с которыми сталкивается современный мир, выступает тот факт, что начиная с XVIII в. происходит изменение представлений о суверенитете. Все чаще звучат апелляции к естественному праву и/или народу как единому целому. Одновременно утрачивают влияние такие источники авторитета, как Бог и традиция. На смену божественному праву королей и традиционной аристократии приходит воля народа, который правомочен устанавливать для себя какие угодно порядки и не должен ни перед кем отчитываться. Такое положение вещей, с точки зрения Моргентау, несет в себе серьезную угрозу международной безопасности.

В рамках международного порядка, существовавшего в Европе в Средние века и Новое время вплоть до Великой французской революции, суверенитет государств ограничивался целым рядом культурных факторов. Во-первых, почти все европейские монархи исповедовали христианство. Более того, католические государства имели единый надгосударственный источник авторитета в лице римского папы. Во-вторых, европейская аристократия была связана между собой (в том числе кровными узами) подчас сильнее, чем со своими подданными, образуя сообщество людей со схожими интересами и общей культурой.

В-третьих, в этой среде были выработаны общие правила дипломатии, ведения войн и заключения мира. Наконец, у Европы был «противник» или «внешняя среда» в виде территорий, населенных язычниками, подлаживавшими покорению и обращению в христианство¹⁸.

¹⁸ Morgenthau 1997: 260—266. См. также Brown 2007.

По мнению Моргентау, постепенное обособление государств с переходом к республиканским и демократическим формам правления ставит под удар старый порядок, не создавая фундамента для нового. В условиях, когда каждое государство черпает легитимность исключительно из воли народа, не считаясь ни с Богом, ни с международным правом, ни с ценностями других государств, на поверхность выходят самые опасные черты международной анархии, порождая состояние «неизбежности войны».

В мире национальных государств происходит релятивизация морали: каждый народ воспринимает свои ценности как абсолютные и универсальные, подразумевая, что аналогичным образом трактуют свои ценности и другие народы. Тем самым исчезает само пространство для диалога между государствами: каждое из них обладает собственными ценностями и может следовать им как абсолютным, даже если они несовместимы с ценностями других государств. Для обозначения этой ситуации Моргентау вводит дихотомию «универсальная мораль — национальный универсализм»¹⁹.

¹⁹ Morgenthau 1997: 260—263.

Национальный универсализм есть форма морального релятивизма, вытекающая из концепции народного суверенитета. Будучи единственным источником своих властных институтов, народ не имеет никаких стоящих над ним авторитетов и волен выбирать себе какие угодно ценности без оглядки на что-либо или кого-либо. Как следствие, в случае конфликта ценностей народы оказываются перед угрозой тотальной войны, поскольку при отсутствии источников легитимности выше каждого отдельного народа нет и какого-либо надежного способа создать единое ценностное, не говоря уже о правовом, поле для его урегулирования²⁰.

²⁰ Ibid.: 274.

Подобная суверенизация опасна для самого суверенитета. Бóльшая изоляция, более частый отказ от дипломатии в пользу Realpolitik создают ситуацию недоверия и повышают риск войны, которая, вне сомнения, способна нанести суверенитету куда более сокрушительный удар, чем многие из жертв, сопряженные с участием страны в международных организациях и интеграционных проектах. И речь здесь не только о классических войнах, хотя даже в современных условиях их нельзя считать совсем невозможными (особенно в случае разложения Европейского союза), но и о войнах торговых, а также о закрытии границ.

Идея мирового государства. Итак, сохранение суверенитета, будучи целью каждого государства, обладает рядом издержек. Политическая изоляция государств в конечном счете ведет к преобладанию силовой политики и постоянной угрозе войны, причем войны тотальной. Это делает желательным развитие интеграционных проектов, которые

бы остановили процесс обособления и изоляции. Всякая интеграция, однако, подразумевает ограничение свободы и независимости государств. Предельным ее вариантом является создание *мирового государства*. Именно идее мирового государства посвящен раздел в «Политических отношениях между нациями», где рассматриваются перспективы интеграции²¹. Эта идея видится Моргентау весьма привлекательной, так как она открывает путь к предотвращению войн, угроза которых неизбежна при сохранении системы суверенных государств.

²¹ *Ibid.*: 525—539.

Вместе с тем, с его точки зрения, у этой идеи есть серьезный недостаток — она нереализуема, во всяком случае в обозримой перспективе. Во-первых, мировое государство подразумевает единство экономики, инфраструктуры, бюрократического аппарата и т.п., что физически невозможно на нынешнем этапе развития человечества. Во-вторых, у человечества пока нет общей системы ценностей, которая бы объединяла его, подобно тому как единая система ценностей объединяет членов одной нации. Как уже говорилось, государство для Моргентау не просто инструмент поддержания социального порядка, но и образование, позволяющее каждому человеку утолить свою жажду власти путем идентификации с успехами своей нации. Вслед за Гегелем, использовавшим понятие *нравственности* для обозначения коллективной идентичности²², Моргентау полагает, что простого отказа от «права на все» в пользу верховной власти недостаточно для обеспечения порядка и сдерживания насилия — необходима еще общность всех граждан, которой в современном мире обладают нации, легитимирующие себя с помощью национальных мифов. Только в том случае, если все граждане имеют общую идентичность, совпадающую с их гражданством, государство может эффективно разрешать противоречия между интересами индивидов и малых групп²³.

²² Гегель 1990: 198—200.

²³ *Morgenthau 1997*: 534—536.

Однако на сегодняшний день нет такой идентичности, которая была бы способна эффективно объединить всех людей мира. Рассматривая возможности слияния человечества в единое общество, Моргентау придерживается пессимистичной позиции. На пути создания подобной идентичности стоит упомянутый выше моральный релятивизм. Отсутствие у людей каких-либо оснований поступать своими ценностями ради любых других отодвигает перспективу преодоления национальных границ и универсализации морали в отдаленное будущее²⁴. Более того, логика национализма содержит в себе предпосылки для дальнейшего дробления по культурному, языковому и историческому принципу²⁵. В такой ситуации любая попытка выработать общую идентичность будет встречать противодействие патриотов. В мире, поделенном на нации, любой, кто ставит во главу угла универсальные ценности в ущерб национальным, лишь ослабляет положение своей страны в мире. То же относится и к культурному сближению с соседней страной, которое вполне может быть воспринято как предательство. Отсюда — неэффективность механизмов международно-правового регулирования: разделение на нации с уникальными системами ценностей приводит к деградации международного права.

²⁴ *Ibid.*: 260—268.

²⁵ *Morgenthau 1974a*: 173—174.

²⁶ *Morgenthau 1959.*

Скептически оценивая возможность добровольного движения национальных государств к интеграции, Моргентау вместе с тем не исключает, что с появлением ядерного оружия риск гарантированного взаимного уничтожения в случае военного конфликта способен перевесить иные соображения и стать ценностной основой для сближения между ними²⁶. Вооруженное столкновение между государствами в новую технологическую эпоху грозит оказаться настолько разрушительным, что делает бессмысленными сами государства. В ситуации ядерной войны никакая армия не защитит мирное население от уничтожения. Кроме того, если в войнах прошлого смерть на поле боя сулила славу и вечную память, то в случае ядерной войны она, скорее всего, останется незамеченной и бесславной, что обесмысливает подобный путь к реализации стремления людей к признанию²⁷.

²⁷ *Morgenthau 1961.*

Как бы то ни было, какого-либо пути к реализации проекта мирового государства либо интеграции у Моргентау даже не намечено. Дело ограничивается констатацией того, что интеграция необходима, а система национальных суверенных государств — все более опасна. Здесь проявляет себя склонность реализма ставить проблемы так, чтобы они казались принципиально неразрешимыми. В то же время Моргентау намечает определенный образ действий, который если и не объединит государства, то подтолкнет их к созданию пространства для диалога. Речь идет о возрождении дипломатии.

**Дипломатия:
кризис
и возможности
возрождения**

Идеалом международной системы для Моргентау была Европа XVIII столетия. Понятно, что в современном мире воссоздание подобного порядка практически исключено. Народный принцип легитимации власти не допускает образования международной аристократии, которая могла бы выработать общую систему ценностей. В этих условиях для продвижения интеграции необходимы некие новые средства.

²⁸ *Morgenthau 1997:
158.*

Сам Моргентау возлагает надежды на возрождение дипломатии, в которой видит чрезвычайно важный элемент мощи государства в международной политике. Именно дипломатия позволяет создать из разрозненных факторов (армия, экономика и т.п.) целостный образ государства и задействовать его для влияния на другие государства. Чтобы иметь возможность выполнять свою миссию, дипломатия должна: (1) формулировать задачи с учетом тех ресурсов, которые могут быть направлены на их решение; (2) оценивать задачи и ресурсы других государств; (3) определять, в какой мере эти задачи совместимы друг с другом; (4) использовать для достижения поставленных целей адекватные средства²⁸. В связи с этим Моргентау считает необходимым осуществить ряд мер, которые вывели бы дипломатию из того кризиса, в котором она оказалась, сделав ее способной отвечать на угрозы, порожденные деградацией международного права и утверждением концепции народного суверенитета²⁹.

²⁹ *Ibid.: 563.*

Упадок дипломатии в XX в. Моргентау связывает с тремя крупными проблемами. Первая из них — развитие коммуникационных технологий,

делающих избыточным наличие кадровых дипломатов, прежде всего постоянных представителей в других странах. Демократически избранные главы государств и их министры становятся дипломатами высочайшего ранга, лично ведут переговоры и участвуют в конференциях, не будучи при этом профессионалами и принимая решения с оглядкой на избирателей. Вторая проблема — отвращение к дипломатии, возникшее после двух мировых войн. Дипломаты стали восприниматься в качестве людей, погрязших во лжи и интригах, чьи схемы в конечном итоге приводят к вооруженным конфликтам. Отсюда требование отказа от тайной дипломатии. Однако, по мнению Моргентау, дипломатический процесс должен быть скрыт от обывателей. Хотя народ имеет полное право требовать всеобъемлющей информации о результатах переговоров, его вмешательство в сами переговоры чревато их срывом³⁰. Третья проблема — распространение парламентских процедур на международные отношения. Использование механизма голосования в организациях типа ООН делает ненужным поиск компромиссов и приводит к диктату большинства (государств), навязывающего свою волю меньшинству³¹.

³⁰ Следует заметить, что Моргентау в принципе весьма негативно оценивал растущее влияние общественного мнения на политиков, поскольку, с его точки зрения, оно побуждает последних стараться угодить избирателям здесь и сейчас, даже если грозит катастрофой в будущем.

³¹ *Ibid.*: 569—572.

³² *Ibid.*: 572—575.

В этих условиях, полагает Моргентау, возрождение дипломатии требует соблюдения ею четырех основных правил. Во-первых, дипломатия должна быть свободна от духа «крестовых походов», то есть от заикленности на доктринах и программах. Дипломат не может позволить себе такую роскошь, как отстаивание каких бы то ни было ценностей, будь то строительство коммунизма или права человека, ценой интересов своего государства, не говоря уже о войне. Во-вторых, внешнеполитические цели должны формулироваться через призму национального интереса и опираться на адекватную мощь. В-третьих, дипломаты должны уметь смотреть на ситуацию в мире с точки зрения других государств, оценивая их цели и доступные им средства. В-четвертых, государства (nations) должны быть готовы к компромиссу по всем вопросам, не являющимся для них жизненно важными³². Эти правила призывают политиков мыслить в духе политического реализма без фетишизации суверенитета. Наиболее характерен здесь отказ от политических доктрин, то есть готовность приносить национальные ценности в жертву политическому расчету.

Фактически Моргентау требует от дипломатов действовать исходя из того, что власть, а значит, и суверенитет — главная ценность государства. Однако, как мы помним, такой подход может привести к еще большему разобщению государств и снижению уровня международной безопасности. Для решения этой проблемы Моргентау призывает политиков отказаться от любых доктрин и заботиться лишь о сохранении суверенитета безотносительно к своим национальным ценностям, равно как и к ценностям других государств. То есть в качестве пути к преодолению ценностного конфликта между отдельными нациями он предлагает всеобщий нигилизм.

Заключение

³³ *Wendt 2003:*
491—542.

Интеграция — наиболее желательный вектор развития человечества. Единое политическое пространство способно удовлетворить потребность людей как в безопасности, так и в признании. В своей знаменитой статье Александр Вендт провозглашает неизбежность мирового государства³³. Но, несмотря на убедительность аргументов Вендта, его прогноз относится к далекому будущему. Даже если такое государство действительно является подлинной целью истории, сегодня мы видим серьезные отклонения от этого пути. Возможно, в масштабах истории они окажутся не более чем незначительными колебаниями, однако для нас они реальны и значимы. Сложности с интеграцией в Европейский союз малых экономик и угроза выхода Великобритании ставят под вопрос перспективы этого беспрецедентного проекта политической интеграции. Рост изоляционистских настроений может отбросить человечество на десятилетия назад.

Реализм в его классическом изводе не содержит ясных рецептов выхода из подобной ситуации. Отчасти это связано со склонностью реалистов представлять проблемы как результат действия неустрашимых сил, отчасти — с их исторической нелюбовью к простым решениям. Моргентгау показывает, что в современных условиях властолюбивая природа человека способна привести к тотальной войне без надежды на мирные переговоры. Однако его рекомендации по поводу того, что можно противопоставить такому развитию событий, и прежде всего ставка на холодный цинизм, не менее пугающи. А значит, поиск новых способов сопряжения мира ценностей и мира политики придется продолжить.

Библиография

- Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии*. Т. 1. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Гегель Г.В.Ф. (1990) *Философия права*. М.: Мысль.
- Кожев А. (2006) *Понятие власти*. М.: Праксис.
- Babones S. (2018) «Trump's Foreign Policy Successes Show Principled Realism in Action» // *The National Interest*, 26.09. URL: <https://nationalinterest.org/feature/trumps-foreign-policy-successes-show-principled-realism-action-32042> (accessed on 15.05.2019).
- Brown C. (2007) «„The Twilight of International Morality“? Hans J. Morgenthau and Carl Schmitt on the End of the Jus Publicum Europaeum» // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 42—61.
- Craig C. (2007) «Hans Morgenthau and the World State Revisited» // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 195—215.
- Forsyth J. (2018) «Brexit Is a Fight for the Very Sovereignty of Our Nation» // *The Spectator*, 15.12. URL: <https://www.spectator.co.uk/2018/12/brexit-is-a-fight-for-the-very-sovereignty-of-our-nation/> (accessed on 15.05.2019).
- Gilpin R. (1984) «The Richness of the Tradition of Political Realism» // *International Organization*, vol. 38, no. 2: 287—304.

Jütersonke O. (2010) *Morgenthau, Law, and Realism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lebow R. (2007) «Texts, Paradigms, and Social Change» // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 241–268.

Malcolm N. (2019) «Brexit Is about Sovereignty and Parliament Must Respect That» // *Financial Times*, 25.01. URL: <https://www.ft.com/content/e0b30912-1fff-11e9-a46f-08f9738d6b2b> (accessed on 15.05.2019).

Molloy S. (2004) «Truth, Power, Theory: Hans Morgenthau's Formulation of Realism» // *Diplomacy & Statecraft*, vol. 15, no. 1: 1–34.

Molloy S. (2006) *The Hidden History of Realism: A Genealogy of Power Politics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Morgenthau H. (1959) «What the Big Two Can, and Can't Negotiate» // *New York Times Magazine*, 20.09.

Morgenthau H. (1961) «Death in the Nuclear Age» // *Commentary*, Sept. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/death-in-the-nuclear-age/> (accessed on 15.08.2019).

Morgenthau H. (1962) «Public Affairs: Love and Power» // *Commentary*, March: 247–251.

Morgenthau H. (1974a) «Justice and Power» // *Social Research*, vol. 41, no. 1: 163–175.

Morgenthau H. (1974b) *Scientific Man vs. Power Politics*. Chicago: University of Chicago Press.

Morgenthau H. (1997) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Singapore: McGraw-Hill.

Morgenthau H. (2012) *The Concept of the Political*. London: Palgrave Macmillan.

Neacsu M. (2010) *Hans J. Morgenthau's Theory of International Relations: Disenchantment and Re-Enactment*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Patrick S. (2017) «Trump's Sovereignty Doctrine» // *U.S. News & World Report*, 23.09. URL: <https://www.usnews.com/opinion/world-report/articles/2017-09-23/what-donald-trump-got-right-and-wrong-about-sovereignty-at-the-un> (accessed on 15.05.2019).

Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly. (2018) URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/> (accessed on 15.05.2019).

Rösch F. (2015) *Power, Knowledge, and Dissent in Morgenthau's Worldview*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Schaefer B. (2018) «President Trump at the UN: An Unapologetic Defense of „Principled Realism“» // *The Heritage Foundation*, Sept. URL: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/president-trump-the-un-unapologetic-defense-principled-realism> (accessed on 15.05.2019).

Schuett R. (2007) «Freudian Roots of Political Realism: The Importance of Sigmund Freud to Hans J. Morgenthau's Theory of International Power Politics» // *History of the Human Sciences*, vol. 20, no. 4: 53–78.

Schuett R. (2009) *Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations: The Resurrection of the Realist Man*. New York: Palgrave Macmillan.

Waltz K. (2007) *Theory of International Politics*. Boston: McGraw-Hill.

Wendt A. (2003) «Why a World State Is Inevitable» // *European Journal of International Relations*, vol. 9, no. 4: 491—542.

Williams B. (2008) «Realism and Moralism in Political Theory» // Williams B. *In the Beginning Was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton: Princeton University Press: 1—17.

Williams M. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. New York: Cambridge University Press.

Williams M., ed. (2007) *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press.

ПОЛИТА

S.A.Kucherenko

SOVEREIGNTY AND INTEGRATION IN POLITICAL REALISM

Sergey A. Kucherenko — Graduate Student at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University *Higher School of Economics*. Email: oldjeffrey93@gmail.com.

Abstract. One of the most significant trends of the recent years in world politics is the growing skepticism regarding integration projects and international institutions per se. The right-wing populist wave that has swept through the Western democracies is accompanied by an increase in rhetoric claiming the harmfulness of integration and the importance of protecting sovereignty. At the same time, such attitudes are often associated with political realism.

Political realism is an extremely diverse direction in the theory of international relations. The author does not claim to analyze all its varieties and instead focuses on the approaches to the problem of sovereignty and integration developed by Hans Morgenthau, the founder of political realism who played a key role in its formation.

The analysis carried out by the author shows that political realism in its classical version cannot serve as a justification of sovereignty being the highest value. In fact, it can be used to criticize a belief system that emphasizes the importance of sovereignty. At its extreme political entities' aspiration for isolation leads to the disintegration of the world community into many states that are unable to communicate with each other except from a position of power, which endangers international security. As a result, realism postulates the need to overcome the trend towards sovereignty through integration. However, it does not even envisage any real solutions to this problem. According to the author, the

project proposed by Morgenthau to revive diplomacy as a way to unite the states or at least push them to create a platform for a dialogue, cannot play this role, which indicates the need to find fundamentally different solutions.

Keywords: sovereignty, political realism, integration, Hans Morgenthau

References

- Babones S. (2018) “Trump’s Foreign Policy Successes Show Principled Realism in Action” // *The National Interest*, 26.09. URL: <https://nationalinterest.org/feature/trumps-foreign-policy-successes-show-principled-realism-action-32042> (accessed on 15.05.2019).
- Brown C. (2007) “„The Twilight of International Morality“? Hans J. Morgenthau and Carl Schmitt on the End of the Jus Publicum Europaeum” // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 42–61.
- Craig C. (2007) “Hans Morgenthau and the World State Revisited” // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 195–215.
- Forsyth J. (2018) “Brexit Is a Fight for the Very Sovereignty of Our Nation” // *The Spectator*, 15.12. URL: <https://www.spectator.co.uk/2018/12/brexit-is-a-fight-for-the-very-sovereignty-of-our-nation/> (accessed on 15.05.2019).
- Gilpin R. (1984) “The Richness of the Tradition of Political Realism” // *International Organization*, vol. 38, no. 2: 287–304.
- Hegel G.W.F. (1990) *Filosofija prava* [Grundlinien der Philosophie des Rechts]. Moscow: Mysl’. (In Russ.)
- Jütersonke O. (2010) *Morgenthau, Law, and Realism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kojève A. (2006) *Ponjatje vlasti* [La Notion d’autorité]. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Lebow R. (2007) “Texts, Paradigms, and Social Change” // Williams M., ed. *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press: 241–268.
- Malcolm N. (2019) “Brexit Is about Sovereignty and Parliament Must Respect That” // *Financial Times*, 25.01. URL: <https://www.ft.com/content/e0b30912-1fff-11e9-a46f-08f9738d6b2b> (accessed on 15.05.2019).
- Molloy S. (2004) “Truth, Power, Theory: Hans Morgenthau’s Formulation of Realism” // *Diplomacy & Statecraft*, vol. 15, no. 1: 1–34.
- Molloy S. (2006) *The Hidden History of Realism: A Genealogy of Power Politics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Morgenthau H. (1959) “What the Big Two Can, and Can’t Negotiate” // *New York Times Magazine*, 20.09.
- Morgenthau H. (1961) “Death in the Nuclear Age” // *Commentary*, Sept. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/death-in-the-nuclear-age/> (accessed on 15.08.2019).
- Morgenthau H. (1962) “Public Affairs: Love and Power” // *Commentary*, March: 247–251.

- Morgenthau H. (1974a) "Justice and Power" // *Social Research*, vol. 41, no. 1: 163–175.
- Morgenthau H. (1974b) *Scientific Man vs. Power Politics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Morgenthau H. (1997) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Singapore: McGraw-Hill.
- Morgenthau H. (2012) *The Concept of the Political*. London: Palgrave Macmillan.
- Neacsu M. (2010) *Hans J. Morgenthau's Theory of International Relations: Disenchantment and Re-Enactment*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Patrick S. (2017) "Trump's Sovereignty Doctrine" // *U.S. News & World Report*, 23.09. URL: <https://www.usnews.com/opinion/world-report/articles/2017-09-23/what-donald-trump-got-right-and-wrong-about-sovereignty-at-the-un> (accessed on 15.05.2019).
- Remarks by President Trump to the 73rd Session of the United Nations General Assembly. (2018) URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/> (accessed on 15.05.2019).
- Rösch F. (2015) *Power, Knowledge, and Dissent in Morgenthau's Worldview*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Schaefer B. (2018) "President Trump at the UN: An Unapologetic Defense of „Principled Realism“" // *The Heritage Foundation*, Sept. URL: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/president-trump-the-un-unapologetic-defense-principled-realism> (accessed on 15.05.2019).
- Schuett R. (2007) "Freudian Roots of Political Realism: The Importance of Sigmund Freud to Hans J. Morgenthau's Theory of International Power Politics" // *History of the Human Sciences*, vol. 20, no. 4: 53–78.
- Schuett R. (2009) *Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations: The Resurrection of the Realist Man*. New York: Palgrave Macmillan.
- Waltz K. (2007) *Theory of International Politics*. Boston: McGraw-Hill.
- Weber M. (2016) *Hozjajstvo i obshchestvo: Ocherki ponimajushchej sotsiologii* [Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie]. Vol 1. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Wendt A. (2003) "Why a World State Is Inevitable" // *European Journal of International Relations*, vol. 9, no. 4: 491–542.
- Williams B. (2008) "Realism and Moralism in Political Theory" // Williams B. *In the Beginning Was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument*. Princeton: Princeton University Press: 1–17.
- Williams M. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. New York: Cambridge University Press.
- Williams M., ed. (2007) *Realism Reconsidered: The Legacy of Hans Morgenthau in International Relations*. Oxford: Oxford University Press.

Е.Б.Шестопал, В.В.Вагина, П.С.Пасс
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ВОСПРИЯТИИ ВЛАСТИ
РОССИЙСКИМИ ГРАЖДДАНАМИ

Елена Борисовна Шестопал — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Для связи с автором: shestop0505@rambler.ru.

Вера Владиславовна Вагина — аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Для связи с автором: vera.vladislavovna@mail.ru.

Павел Сергеевич Пасс — аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Для связи с автором: pass.pavel@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена изучению образов власти на новом этапе развития российской политической системы, начавшемся после президентских выборов в 2018 г. Работа базируется на материалах исследовательского проекта, реализуемого на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Методология исследования включала в себя опрос, глубинные интервью, а также метод проективных тестов. Интерпретация результатов осуществлялась с помощью как качественных, так и количественных методов. Теоретически обосновав направление анализа, авторы сосредоточили свое внимание на объектных, субъектных и темпоральных факторах политического восприятия.

В статье проанализированы когнитивный и эмоциональный, визуальный и вербальный компоненты образа власти. Подробно освещен изменившийся после президентских выборов 2018 г. контекст восприятия власти, который привел к изменению массового сознания российских граждан, выявлены психологические особенности россиян, влияющие на их восприятие власти.

Проведенное авторами исследование говорит о волатильности психологического состояния российского общества, что чревато усилением неустойчивости в политической жизни, следствием которой может стать как углубление политической апатии и цинизма, так и рост протестных настроений. В российском обществе сформировался запрос на демократизацию, участие, более тесное взаимодействие с властью. Поскольку этот запрос не встречает отклика со стороны власти, доверие к ней падает. Наблюдающиеся

в последнее время сдвиги в массовом сознании вызваны как политическим контекстом, так и более глубинными процессами, связанными со сменой поколений и ресоциализацией.

Ключевые слова: политическое восприятие, образ власти, массовое сознание, политический контекст, психологическая реакция, российское общество

¹ Шестопал (ред.)
2019.

Исследования политического сознания россиян в постсоветский период свидетельствуют о том, что оно претерпевает существенные изменения¹. При этом причины смены политических настроений, ценностей, установок далеко не всегда поддаются выявлению, поскольку трансформация политического сознания обладает собственной логикой и происходит по собственным законам, вследствие чего реакция граждан на те или иные решения власти и события то заметно запаздывает, то удивительным образом их предвдывает.

Отметим, что упомянутые изменения отличает определенная повторяемость и периодичность — при сохранении уникальности каждого электорального цикла. Электоральные циклы во многом и задают эту периодичность, выступая важнейшими триггерами общественных изменений. Отсюда вытекает и поставленная в настоящей статье задача — проанализировать изменения, произошедшие в политическом сознании российского общества после окончания последнего электорального цикла, открытого парламентскими выборами 2016 г. и завершившегося президентскими выборами 2018 г. В качестве маркеров, позволяющих судить о политическом сознании, использованы образы власти в глазах граждан.

В силу особенностей нашей политической системы и политической традиции очевидно, что именно президентские выборы обеспечили заметную политическую консолидацию и мобилизацию российского общества, наблюдавшуюся весной 2018 г. Это, однако, не означает, что начавшийся электоральный цикл автоматически гарантирует власти спокойствие. За прошедшее с марта 2018 г. время достигнутая перед выборами консолидация подверглась эрозии. В обществе нарастает недоверие к власти, ее поддержка падает.

Триггерами этих процессов стали как действия самой власти (прежде всего пенсионная реформа), так и общий ход событий внутри страны и за ее пределами. Весь этот разнородный набор факторов привел к быстрому «остыванию» чувств россиян в отношении власти, снижению рейтинга президента, нарастанию негативного психологического климата.

Как показывают исследования, при всей кажущейся хаотичности, подвижности и разновекторности психологических изменений идущие в массовом сознании процессы следует рассматривать в контексте более длинных волн трансформации российского общества, сопряженной

с глубинными ценностными изменениями. Эти более фундаментальные изменения происходят с гораздо меньшей скоростью, чем сдвиги в политических настроениях. Их труднее заметить, и они требуют другой методологии анализа.

В настоящей статье мы попытаемся зафиксировать текущие изменения в восприятии власти российским обществом, проследив их причины, и сопоставить эти сиюминутные сдвиги с более глубинными трендами трансформации сознания, выявленными в наших предыдущих исследованиях². Полученные нами эмпирические данные позволяют высказать гипотезу, что с началом нового электорального цикла появляются новые свойства политической «оптики», качественно отличающиеся от наблюдавшихся на всех предыдущих этапах постсоветской истории.

² См. Шестопал 2019.

**Теоретические
основания
исследования**

Начнем с описания основных терминов, которыми будем в дальнейшем оперировать. Это прежде всего «политическое восприятие» и «политические образы». Под политическим восприятием понимается процесс, в рамках которого происходит отражение в массовом и индивидуальном сознании различных политических объектов, в данном случае — власти³. В свою очередь, политические образы являются результатом этого процесса.

³ Шестопал 2008: 11—12.

Политические образы, с одной стороны, отражают реальные характеристики объекта восприятия (власти), а с другой — представляют собой определенную проекцию на него ожиданий субъекта (российского общества)⁴. И хотя в научной литературе решены далеко не все проблемы политического восприятия (в частности, политическая психология явно недостаточно знает об аффективных компонентах образов)⁵, при анализе политических образов следует так или иначе учитывать оба этих аспекта.

⁴ Пищева 2011: 47.

⁵ См. Granberg 1985, Granberg, Kasmer, and Nanneman 1988.

В своем исследовании мы будем опираться на факторную модель политического восприятия, разработанную на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова и получившую апробацию в ряде работ последних десятилетий⁶. Данная модель рассматривает процесс политического восприятия системно, выделяя пять ключевых факторов, влияющих на него: объектный, субъектный, темпоральный, пространственный и коммуникативный. Применительно к целям настоящей статьи мы сосредоточимся на первых трех факторах, выведя оставшиеся два за скобки.

⁶ См. Зверев и др. 2016, Shestopal (ed.) 2016.

Объектный фактор включает в себя внутри- и внешнеполитический контекст восприятия власти. Обращаясь к динамике изменений, сопряженных с электоральными циклами, следует отметить, что в поствыборный период всегда происходит спад тех высоких ожиданий, которые наблюдаются перед выборами. К объектным факторам относятся также действия самой власти в начале нового президентского срока. Помимо ряда непопулярных реформ, здесь стоит упомянуть и вал

оскорбительных для граждан высказываний чиновников разного уровня, которые вызвали серьезное раздражение в обществе.

Субъектный фактор связан с психологическим и социальным самочувствием общества, в сознании которого формируются образы власти. Политические установки, ценности и представления граждан, равно как и их неудовлетворенные потребности, создают своего рода линзу, сквозь которую они рассматривают власть и оценивают ее действия. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на сохранение ключевых ценностных составляющих массового сознания, после выборов в нем отмечаются и существенные сдвиги⁷. Вопрос о характере и глубине этих сдвигов остается предметом для дискуссий, но само их наличие признается всеми.

⁷ Петухов 2018.

Темпоральный фактор предполагает включение в анализ исторического ракурса. Сравнение нынешнего образа власти с теми, что присутствовали в массовом сознании прежде, а также с образом идеальной власти позволяет понять динамику краткосрочных сдвигов с учетом более длинных волн изменений.

Методология и выборка

Настоящее исследование представляет собой продолжение исследовательского проекта, реализуемого на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ с 1993 г. Предметом нашего анализа являлись образы власти в сознании российских граждан.

Для изучения рациональных и неосознаваемых компонентов образов власти применялись опрос и глубинное интервью. Методика носила качественно-количественный характер. Помимо закрытых вопросов, в анкету было включено большое число открытых вопросов, которые подвергались кодированию и шкалированию. Обработка ответов на закрытые вопросы осуществлялась посредством пакета статистического анализа SPSS. Оценка представлений о власти производилась с помощью семантического дифференциала Чарльза Осгуда⁸. Для углубленного изучения неосознаваемых компонентов образов власти использовался метод проективных тестов («Рисунок власти»).

⁸ Osgood, Suci, and Tannenbaum 1957.

Выборка формировалась в соответствии с требованиями, предъявляемыми к качественным исследованиям. Не будучи репрезентативной для страны в целом, она была сбалансирована по полу и возрасту. Респонденты были разбиты на несколько возрастных групп: 18–25, 26–30, 31–40, 41–50, 51–60, 61–70 и старше 70 лет.

В основу исследования легли данные, полученные в 2017–2018 гг. (с привлечением данных более ранних опросов и интервью). Общее число респондентов составило 967 человек. Было охвачено 14 регионов из четырех федеральных округов — Центрального, Северо-Западного, Приволжского и Северо-Кавказского.

**Новые
характеристики
образа власти
после
президентских
выборов 2018 г.**

⁹ Президентские выборы 2018.

Для выявления новых трендов в восприятии власти, появившихся в начале текущего избирательного цикла, целесообразно начать с *эмоциональных оценок* власти гражданами, сравнив ситуацию перед президентскими выборами (конец 2017 г.) и после них (октябрь 2018 г.).

Согласно опросу Фонда «Общественное мнение», проведенному в апреле 2018 г., результатами президентских выборов были довольны три четверти россиян, мотивируя свою позицию тем, что Владимир Путин — лучший кандидат (45%), который обеспечит стабильность в стране (7%). Примечательно, что часть поддержавших Путина граждан (4%) связывала с его переизбранием надежды на изменения к лучшему⁹.

Наши данные, полученные через полгода после выборов (и уже после объявления о начале пенсионной реформы), свидетельствуют о сохранении позитивного настроения среди значительной части респондентов (см. *табл. 1*), рисуя довольно парадоксальную картину нашей политической реальности. Вопреки распространенному мнению о резком ухудшении отношения к власти из-за пенсионной реформы, доля положительных ее оценок после выборов выросла, а негативных — несколько снизилась. Параллельно сократилась и доля нейтральных оценок при одновременном росте оценок амбивалентных, что указывает на начавшуюся поляризацию образов.

Таблица 1 Эмоциональные оценки власти (в %)

<i>Как бы вы охарактеризовали власть в современной России? Эмоциональный знак</i>	<i>До выборов</i>	<i>После выборов</i>
положительный	11,4	20,2
отрицательный	46,9	44,1
нейтральный	36,7	23
амбивалентный	1,7	6,4

Другим заметным трендом является снижение персонификации власти. Абстрактность образов власти после выборов ощутимо усилилась. Соответственно, сократилась доля ответов, в которых присутствовал субъект власти (см. *табл. 2*). Резко упало число отождествляющих власть как с партиями, так и с отдельными лидерами.

Таблица 2 Представления о власти (в %)

<i>Власть — это</i>	<i>До выборов</i>	<i>После выборов</i>
партии, группы	15,6	2,2
лидеры, личности	21,6	9,4
режим	59,5	82,2

Вместе с тем большинство респондентов (90,1%) продолжает считать, что наибольшей властью в России обладает именно президент. Вкупе с достаточно низким показателем субъектности это позволяет предположить, что граждане осознают определенную разницу между институтом президентства и собственно фигурой, занимающей соответствующий пост.

Третья тенденция связана со значительным падением когнитивной сложности и четкости образов власти. Впрочем, этот процесс начался еще после парламентских выборов 2016 г.

Кроме того, снизились показатели силы (с 34,2 до 14,5%) и активности (с 43,6 до 14%) в образах власти. В то же время прироста показателей слабости и пассивности не произошло, выросла лишь доля нейтральных характеристик.

Все это говорит о том, что граждане не только имеют довольно бедные и размытые представления о власти, но и не очень понимают, чем она занимается и насколько дееспособна. Образ власти все больше лишается четкости, людям неясно, кто (или что) ими управляет.

Еще одним важным параметром образа власти являются ее поведенческие характеристики. Об этих характеристиках можно судить по доминирующим потребностям, удовлетворение которых связывается с властью.

Приводимые в *табл. 3* данные указывают на «притупление» всех надежд в отношении власти. От нее уже не ждут удовлетворения ни одной из пяти базовых потребностей. Наиболее заметно снизилась ориентация на власть в обеспечении потребностей в безопасности и самоактуализации. Доминирующее положение сохранила потребность в самореализации.

Таблица 3 Потребности, удовлетворения которых ожидают от действующей власти (в %)

<i>Потребности</i>	<i>До выборов</i>	<i>После выборов</i>
материальные	13,3	7,7
безопасности	17,1	3,1
любви	4,3	2,4
самореализации	18,5	12,3
самоактуализации	11,4	3,7

В содержательном наполнении образов власти доминируют такие характеристики, как авторитарность (18,7%), неэффективность (17,6%) и коррумпированность (11,6%). Больше всего граждан возмущает именно коррупция во власти (18,8%). Далее следуют бюрократизм и неэффективность (9,9%), низкие доходы населения (9,7%) и неспособность власти обеспечить исполнение законов (8,4%).

Для послевыборного периода характерна озабоченность россиян увлеченностью власти внешней политикой. И хотя такое положение вещей не занимает первого места среди вызывающих возмущение, оно трактуется респондентами как недостаточное внимание власти к внутренним делам: «Народ забыт, решаем внешние проблемы».

О сдвигах в массовом политическом сознании свидетельствуют также изменения в образе идеальной (то есть отвечающей желаниям людей) власти. Заметно возросла когнитивная простота этого образа. Если до президентских выборов она составляла 57,3%, то после — уже 87,1%. Кроме того, зафиксировано снижение запроса на силу в образе идеальной власти (с 26,1 до 15,1%) при параллельном повышении запроса на активность (с 23,9 до 28,3%).

Интересную динамику демонстрируют также поведенческие составляющие образа идеальной власти. Как видно из приводимых в *табл. 4* данных, главной потребностью в данном случае оказывается потребность в любви. Обращает на себя внимание и резкое падение значимости потребности в безопасности, что, учитывая отмеченное выше снижение запроса на силу, можно трактовать как свидетельство ее удовлетворенности.

Таблица 4 Потребности, удовлетворения которых ожидают от идеальной власти (в %)

<i>Потребности</i>	<i>До выборов</i>	<i>После выборов</i>
материальные	10,3	6,1
безопасности	13	1,8
любви	29,9	25,6
самореализации	14,2	6,8
самоактуализации	21	8,8

В целом в образе идеальной власти четко выражен запрос на заботу (15,1%), справедливость (13,9%) и демократичность (14,1%). Следует отметить, что этому образу слабо соответствует как текущее состояние дел (за сохранение которого выступают всего 2,7% респондентов), так и монархия и советская власть (в пользу которых высказываются 2,7 и 2,1% опрошенных соответственно).

**Правительство
в образе власти**

Поскольку свыше четверти респондентов (26,5%) указали, что наибольшей властью в России обладает правительство, и именно оно формально выступало инициатором непопулярной пенсионной реформы, нами было проведено пилотажное исследование образа правительства, позволяющее проиллюстрировать восприятие власти на этом

конкретном примере. При исследовании применялся метод проективного теста «Рисунок правительства РФ».

Большинство изображений правительства представляет его в негативном ключе. При этом сюжеты рисунков, как правило, достаточно просты и касаются либо структуры правительства, либо его взаимоотношений с обществом.

Среди респондентов превалирует точка зрения, что правительство РФ оторвано от народа и лишено какой-либо обратной связи с ним. Весьма показателен в этом отношении рисунок, где правительство спрятано за высоким забором, ограждающим его от всего, что находится вовне (см. *рис. 1*).

Рисунок 1 Образ правительства РФ

Кроме того, налицо рассогласование образов реального и идеального правительств. Так, изобразив правительство в виде «дерева с крепкими корнями, которое должно приносить плоды в виде решений» (см. *рис. 2*), респондент пояснил, что у реального правительства РФ, видимо, «гнилые корни».

Наконец, у многих респондентов правительство РФ ассоциируется прежде всего с коррупцией. О таком восприятии свидетельствует, в частности, рисунок, где правительство изображено в виде министра-взяточника (см. *рис. 3*).

Сопоставление вербальных и визуальных характеристик образа правительства позволяет зафиксировать несколько важных тенденций. Во-первых, бросается в глаза повышение уровня эмоционального неприятия правительства РФ, вызванное коррупционными

Рисунок 2 Образ правительства РФ

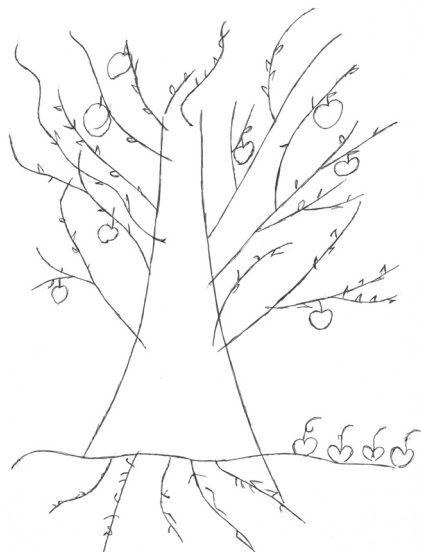

Рисунок 3 Образ правительства РФ

скандалами и непопулярными реформами. Во-вторых, правительство расценивается как орган, который способен улучшить положение дел в стране, но в силу каких-то неведомых для граждан причин не делает этого (может, но не хочет). В-третьих, россияне слабо информированы о деятельности правительства и не понимают, чем оно занимается.

**Представления
граждан
о власти,
демократии,
политике**

При рассмотрении образов власти нельзя обойти вниманием психологические характеристики граждан как субъектов восприятия. Речь идет прежде всего о ценностях, установках и представлениях.

Важным показателем здесь являются представления о справедливости (см. *табл. 5*). Особого интереса заслуживают те, где фиксируются заметные сдвиги.

Таблица 5 Представления о справедливости (доля отрицательных ответов в %)

<i>Считаете ли Вы справедливым, что</i>	<i>До выборов</i>	<i>После выборов</i>
немногие владеют большим богатством, а подавляющее большинство пребывает в бедности	68,2	75,5
закон строго не наказывает тех, кто угрожает Вашей жизни	84,4	81,6
государство перестало заботиться о престарелых, больных и детях	84,4	78,7
меньшинство управляет большинством	37,4	40,6

Во-первых, у респондентов (причем впервые за более чем четверть века наблюдений) обострилось чувство экономической несправедливости. Именно это и привело к взрыву возмущения пенсионной реформой.

Во-вторых, на фоне недовольства сокращением социальных гарантий ошутимо снизились и ожидания в этой сфере (о чем говорит уменьшение доли отмечающих несправедливость того, что «государство перестало заботиться о престарелых, больных и детях»).

В-третьих, наметилась тенденция к снижению ожиданий в отношении правоохранительной системы (призванной наказывать тех, кто угрожает личности).

Важно отметить, что в восприятии справедливости/несправедливости отчетливо просматривается дифференциация по возрасту. В частности, молодое поколение (18—25 лет) более спокойно воспринимает экономическое неравенство, нежели представители иных возрастных групп. По-видимому, это объясняется тем, что его социализация проходила в период, когда такое неравенство стало нормой, а экономическая ситуация в стране более или менее стабилизировалась.

Наряду с новыми трендами есть и те, что остались без изменений. Так, подавляющее большинство респондентов признает власть государства (82,9%) и закона (89,7%), тогда как власть отдельных людей согласны принимать лишь 30,7%. При этом готовность подчиняться государству отнюдь не означает доверия к нему и его представителям. Такого рода установки фиксируются на протяжении практически десятилетия.

Во многом остались неизменными и основные ценности, обуславливающие восприятие власти. Отчасти это связано с тем, что

ценности вообще менее подвержены изменениям, чем настроения, потребности и установки.

Как видно из *табл. 6*, первые ранги среди политических ценностей по-прежнему занимают свобода и права человека. Вместе с тем после выборов выросла ценность соблюдения законов, а также (хотя и незначительно) сильного государства.

Таблица 6 Основные ценности демократии (в %)

<i>Демократия, по-моему, это</i>	<i>До выборов</i>	<i>После выборов</i>
свобода	21,1	23,3
равенство	10,2	10,3
права человека	20,7	17,7
личная независимость	5,5	7,2
ответственность	10,2	7,8
соблюдение законов	9,5	13,9
активное участие в управлении государством	10,2	9,2
сильное государство	12,6	13,5

Важность участия в политическом процессе не вызывает сомнения у подавляющего большинства респондентов (см. *табл. 7*). Более того, после выборов заметно увеличилась доля тех, кто готов голосовать в будущем. Стоит отметить, что существенный вклад в этот сдвиг внесли представители молодого поколения, выросшего уже в постсоветской России. Заслуживает внимания и снижение более чем на треть доли политически пассивных. Причем данный тренд не всегда на руку власти. Так, ощутимо повысилась доля людей, готовых принять участие в забастовках.

Таблица 7 Отношение к различным видам политической активности (в %)

<i>Готовы ли Вы принять участие</i>	<i>До выборов</i>	<i>После выборов</i>
в выборах как избиратель	63,7	71,8
в митинге в поддержку той или иной политической партии или движения	20,4	20,9
в забастовке	9,2	15,5
в выборах как кандидат в депутаты того или иного уровня власти	8,1	10,1
ни в чем	21,8	13,9

Рост декларируемой готовности россиян к политическому участию почти не сказался, однако, на их политических предпочтениях (см. табл. 8). Доминирующей политической группой по-прежнему остаются «демократы». Относительно новым явлением стало снижение числа «либералов» (почти на 6 процентных пунктов) и «консерваторов» (на 3 процентных пункта). На фоне усиления запроса на социальную справедливость вполне логичным выглядит некоторое повышение доли позиционирующих себя в качестве коммунистов. Увеличение (на 2 процентных пункта) доли аполитичных также вписывается в тенденцию разочарования во власти.

Таблица 8 Политические предпочтения (в %)

<i>Как бы Вы определили свои политические предпочтения?</i>	<i>До выборов</i>	<i>После выборов</i>
Либерал	16,8	11
Социалист	7,1	6,5
Анархист	5	2,7
Демократ	24,4	24,4
Радикал	1,4	1,6
Консерватор	16,4	13,4
Коммунист	6,6	8,8
Аполитичный	14,5	16,4

В целом полученные нами данные говорят о прочном усвоении обществом демократических установок при все большем разочаровании в либеральных идеях и сохранении частью россиян ориентации на стабильность и традицию.

Интерпретация результатов с помощью факторной модели

Событийный контекст восприятия власти (объектный фактор). Перед президентскими выборами 2018 г. в российском обществе присутствовали две противоположные тенденции. С одной стороны, в нем сформировался отчетливо выраженный запрос на перемены. С тем, что Россия нуждается в широкомасштабных изменениях во всех областях, включая экономику, социальную сферу и положение страны на международной арене, в конце 2017 г. были согласны 52% наших респондентов. С другой стороны, среди россиян сохранялся запрос на безопасность и стабильность.

Неудивительно, что, когда в начале лета 2018 г. было анонсировано повышение пенсионного возраста, реакция граждан не заставила себя ждать. Одним из следствий пенсионной реформы, воспринятой 46% россиян как важнейшее событие 2018 г.¹⁰, стал всплеск протестных

¹⁰ Россияне 2018.

¹¹ *Акции 2018.*

настроений. По данным ФОМ, в сентябре 2018 г. протестные акции поддерживало большинство жителей тех городов, где они проходили¹¹. На рост протестных настроений работал и закон о повышении ставки НДС до 20%, вступивший в силу 1 января 2019 г.

Кроме того, в 2018 — первой половине 2019 г. произошел ряд событий, осложнивших положение РФ в мире. Прежде всего здесь следует упомянуть так называемое «дело Скрипалей», введение странами ЕС и США очередных санкций против России, а также конфликт в Керченском проливе.

Психологический фон восприятия власти в начале нового электорального цикла (субъектный фактор). 2018 г. стал важной вехой в развитии политической системы России. С одной стороны, он закрепил ряд трендов, которые складывались в течение всего предшествовавшего десятилетия и окончательно оформились в результате президентских выборов, с другой — обозначил тенденции нового цикла, впервые отчетливо проявившиеся спустя полгода после президентской кампании — в единый день голосования.

Как показывают наши исследования, уже к концу 2017 г. в российском обществе сложился довольно неустойчивый психологический фон. Для политического сознания респондентов стали характерны отсутствие гармоничности, рассогласованность рациональных и неосознаваемых компонентов политических образов, серьезный уровень тревожности и неуверенности в завтрашнем дне. Несмотря на кардинальные различия в политических и экономических реалиях ситуация удивительно напоминала ту, что имела место в начале 1990-х годов. Как и тогда, психологический настрой избирателей делал их политическое поведение ситуативным и плохо предсказуемым.

Если во время президентских выборов особых сюрпризов массовое сознание не преподнесло, то в единый день голосования в сентябре 2018 г. неожиданности случились, причем сразу в нескольких регионах.

Психологическая неустойчивость общества, нередкая в канун выборов, после них не просто не ослабла, но скорее усилилась. Этому способствовало несколько факторов, главным из которых было раздражение, спровоцированное пенсионной реформой. И дело было не только в повышении пенсионного возраста *per se*, воспринятом обществом как несправедливость, но и в той манере, в которой власть, не считаясь с мнением граждан, навязала им свое решение. Это серьезно подорвало и без того невысокое доверие общества к власти. Падение доверия коснулось и персонально президента, который высказался в пользу реформы. Поэтому неудивительно, что в ряде случаев его поддержка конкретных кандидатов в губернаторы не обеспечила им победы, как это бывало раньше. Не вызывает сомнений, что одной из причин произошедшего на сентябрьских выборах 2018 г. сбой был именно недоучет властью психологического фактора.

Голосование на региональных выборах в сентябре 2018 г. высветило ряд важных трендов, связанных с психологическим фоном вообще и его местной спецификой в частности.

Во-первых, получило подтверждение заключение, что психологическая неустойчивость делает поведение избирателей слабо предсказуемым, побуждая их голосовать не в соответствии со своими рациональными интересами, а скорее «назло начальству». На Дальнем Востоке, где протестный потенциал был всегда высок, этот тип голосования проявился наиболее отчетливо.

Во-вторых, отчетливо обнаружилась слабость партийного фактора. Обе партии, КПРФ и ЛДПР, от которых выдвигались кандидаты, победившие ставленников Кремля, были для избирателей лишь не очень внятные символы протестного голосования. Многопартийность, принятая и освоенная обществом в постсоветский период, пока остается для граждан скорее декоративной. В этих условиях, учитывая неустойчивость массовых настроений, можно столкнуться с весьма неожиданными и резкими их сдвигами, в том числе и деструктивного плана. Так или иначе, на сегодняшний день партии не могут служить реальными маркерами политических пристрастий и не способны консолидировать избирателей, которые ориентируются на что угодно, только не на программы кандидатов или их партийные стратегии. Зачистка электорального поля привела к тому, что избирателям приходится выбирать между плохими и очень плохими кандидатами. При этом нередко они отказываются в поддержке эффективным политикам в силу туманности их политического лица. Кандидаты от партий не отражают их повестку.

В-третьих, мы еще раз убедились в том, что в настроениях общества имеются существенные региональные различия. В ряде регионов Сибири и Дальнего Востока присутствуют настроения страха и тревоги по поводу возможной передачи этих территорий под иностранную юрисдикцию (посредством аренды или продажи). Другим проблемным с точки зрения массовых настроений регионом остается Крым, который так и не стал для многих частью России. Не менее проблемным является самовосприятие жителей Калининградской области и Сахалина, а также национальных республик, прежде всего северокавказских. Свои особенности есть и у населения Центральной России¹².

В любом случае массовые настроения необходимо изучать и работать с ними. Сегодня власть может проигнорировать миллион подписей против пенсионной реформы, но с чем она столкнется завтра? Феномен «желтых жилетов» показывает, какие формы может принимать протест даже в относительно стабильном европейском обществе. В не слишком стабильном российском обществе мы тем более не защищены от подобного хода событий.

Темпоральный фактор. Анализ временных аспектов трансформации политического сознания позволяет зафиксировать интересное явление: хотя эмоциональный знак восприятия власти, существовавшей

¹² Подробнее см. Шестопал, Смутькина и Морозкова 2019.

в СССР и при Борисе Ельцине, изменился незначительно, налицо динамика, связанная со сменой поколений. С каждым новым поколением доля положительных оценок советской власти снижается. То же происходит с негативными оценками президентства Ельцина. Можно предположить, что у поколений, прошедших социализацию в более поздние периоды, эти исторические этапы вызывают меньший эмоциональный отклик.

Заключение

Проведенное исследование в очередной раз подтвердило, что массовое сознание является важным фактором, без учета которого невозможен точный и достоверный прогноз политического развития нашей страны. Российское общество находится сегодня в крайне неустойчивом состоянии, в нем присутствуют разнонаправленные тенденции, поэтому его поведение в новом электоральном цикле слабо предсказуемо.

Предыдущий электоральный цикл завершился для власти вполне успешно, ознаменовавшись высокой явкой на президентские выборы и высокой долей голосов, поданных за инкумбента. Президентские выборы сказались и на состоянии общества, обеспечив его консолидацию. Это серьезный психологический ресурс действующей власти. Иначе трудно понять, почему при всей деструктивности ее действий в поствыборный период общество сохраняет ту устойчивость, которая была достигнута в результате электоральной мобилизации.

Вместе с тем выборы не принесли с собой фундаментальных политических новаций, лишь частично — и ненадолго — снизив напряжение в обществе. Поэтому неудивительно, что, несмотря на некоторые позитивные сдвиги в восприятии власти, отношение к ней в обществе ухудшается. Причем если раньше весь негатив направлялся на чиновников разного уровня, то в настоящее время под удар попадает и президент.

Говоря о содержательных изменениях в образе власти в начале нового электорального цикла, прежде всего следует обратить внимание на возросший запрос на эффективность. Граждане ожидают от власти большего профессионализма, снижения уровня бюрократизации, большей активности в отстаивании общественных интересов. Коррупция и отсутствие справедливости, которые еще недавно воспринимались относительно спокойно, сегодня сильно раздражают людей, создавая почву для роста протестных настроений.

Представления граждан о власти становится все более туманными: людям не понятно, чем она занимается, какие у нее приоритеты, кто ее осуществляет. Ее образ размывается, делается нечетким и когнитивно бедным. Этот тренд, вне сомнения, связан с отчуждением населения от власти. Власть живет отдельной от народа жизнью «за забором», который отгораживает ее от общества, уже далеко ушедшего от советского патернализма и научившегося не рассчитывать на власть в решении своих проблем.

Россияне по-прежнему признают немалые успехи государства и лично президента во внешней политике. Это питает долгосрочный

тренд возвращения гордости за свою страну, который начал складываться более пяти лет назад. Но хотя внешнеполитическая повестка сохраняет для граждан определенную актуальность, центр их внимания сместился на внутривнутриполитические и внутриэкономические проблемы. Несмотря на сфокусированность государственной пропаганды на внешнеполитических темах, они не выдерживают конкуренции в массовом сознании с темами внутривнутриполитическими.

В начале электорального цикла наметился некоторый рост готовности граждан к политической активности, что переломило тренд политического абсентеизма и пассивности, ярко проявившийся в ходе парламентских выборов 2016 г. В обществе в целом и особенно в молодой его части отчетливо обозначились отторжение авторитарных практик и запрос на демократизацию. Игнорирование интересов общества при принятии политических решений, участвовавшие резкие заявления чиновников в отношении граждан, неэффективность и коррупция — это лишь малая толика тех явлений, которые вызвали к жизни новые тенденции в восприятии власти. Было бы неверным связывать их исключительно с непопулярной пенсионной реформой. В их основе лежат более глубокие процессы — прежде всего постепенная трансформация оптики политического восприятия, а также накопившееся за последние годы недовольство граждан действиями власти.

Происходящие в обществе изменения несут в себе серьезный вызов для элит. Все последние годы нарастала тенденция к бюрократизации политического класса. Нынешняя генерация элиты складывалась в стабильные 2000-е годы. Власть понимает, что нуждается в обновлении и омоложении, о чем свидетельствует, в частности, замена уже в новом электоральном цикле целой группы губернаторов. Однако сегодня в обществе существует запрос не просто на более молодых людей во власти, но на людей кардинально иного типа, чем раньше. Пока трудно сказать, как проявят себя новые губернаторы, но при подборе большинства из них ключевую роль играла не способность решать нетривиальные задачи и находить выход из кризисов, а умение вписаться в чиновничью вертикаль и готовность выступать исполнителем воли центра. Их лидерские качества пока вызывают сомнения. Между тем усиление негативных процессов в экономике, рост внешних угроз и другие неблагоприятные тренды делают востребованными именно эти качества, в том числе в регионах. Смогут ли новые губернаторы повести за собой население в сложные моменты — большой вопрос.

Суммируя вышесказанное, можно сформулировать несколько выводов.

1. Чтобы избежать неприятных для себя неожиданностей со стороны общества, власти следует постоянно отслеживать глубинные психологические тенденции в массовом сознании, не ограничиваясь результатами опросов, которые не всегда способны уловить настроения граждан.

2. При проведении реформ, затрагивающих большую часть общества или хотя бы отдельные слои населения, важно учитывать ту реакцию,

которую они вызовут у людей. Ее игнорирование чревато не только неэффективностью самих реформ, но и снижением доверия к власти и даже массовыми акциями протеста (как при монетизации льгот в 2005 г.).

3. Психологическая реакция общества должна учитываться не только при определении содержания тех или иных реформ, но и применительно к стилистике их проведения. Постсоветский политический опыт показывает, что частая смена правил игры (как в случае с электоральным законодательством) приводит к неустойчивости политического сознания.

4. Необходима четкая и детально проработанная стратегия политического развития (и ее адекватное информационное сопровождение). Власти надо определиться, какую политическую систему она хочет построить. Если речь идет о системе с доминирующей партией, это один формат, если о многопартийной — совсем другой. Только нужна последовательность и открытость. Иначе ничего, кроме недоверия, такие нововведения не вызовут.

Библиография

«Акции протеста 9 сентября». (2018) // *ФОМ*, 24.09. URL: <https://fom.ru/Politika/14108> (проверено 25.02.2019).

Зверев А.Л., И.С.Палитай, Н.В.Смулькина и А.И.Рогозарь. (2016) «Особенности политического восприятия в современных российских условиях» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 40—54.

Петухов В.В. (2018) «Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены» // *Социологические исследования*, № 11: 40—53.

Пищева Т.Н. (2011) «Политические образы: проблемы исследования и интерпретации» // *Полис. Политические исследования*, № 2: 47—52.

«Президентские выборы-2018. Поствыборный опрос». (2018) // *ФОМ*, 9.04. URL: <https://fom.ru/Prezidentskie-vybory-%E2%80%932018/13998> (проверено 25.02.2019).

«Россияне назвали важнейшие события 2018 года». (2018) // *Левада-Центр*, 24.12. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/24/rossiyane-nazvali-vazhnejshie-sobytiya-2018-goda/> (проверено 25.02.2019).

Шестопап Е.Б. (2008) «Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования» // Шестопап Е.Б., ред. *Образы государств, наций и лидеров*. М.: Аспект Пресс: 8—24.

Шестопап Е.Б. (2018) «Сдвиги в массовом политическом сознании России перед президентскими выборами 2018 года» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, № 41: 203—220.

Шестопап Е.Б. (2019) «Проект длиною в четверть века. Исследование восприятия власти и лидеров в постсоветской России (1993—2018)» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 9—20.

Шестопап Е.Б., ред. (2019) *Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993—2018)*. М.: Весь мир.

Шестопад Е.Б., Н.В.Смулькина и И.В.Морозкова. (2019) «Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов» // *Сравнительная политика*, т. 10, № 3: 74—95.

Шутов А.Ю. и др. (2018) «Состояние российского общества и власти накануне президентских выборов (Круглый стол)» // *Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал)*, № 1. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/862> (проверено 25.06.2019)

Granberg D. (1985) «An Anomaly in Political Perception» // *Public Opinion Quarterly*, vol. 49, no. 4: 504—516.

Granberg D., J.Kasmer, and T.Nanneman. (1988) «An Empirical Examination of Two Theories of Political Perception» // *Political Research Quarterly*, vol. 41, no. 1: 29—46.

Osgood C.E., G.J.Suci, and P.H.Tannenbaum. (1957) *The Measurement of Meaning*. Urbana (Illinois): University of Illinois Press.

Shestopal E.B., ed. (2016) *New Trends in Russian Political Mentality: Putin 3.0*. Lanham (Maryland): Lexington Books.

E.B.Shestopal, V.V.Vagina, P.S.Pass
NEW TRENDS
OF RUSSIAN CITIZENS' PERCEPTION
OF AUTHORITIES

Elena B. Shestopal — Ph.D. in Philosophy; Professor; Head of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. Email: shestop0505@rambler.ru.

Vera V. Vagina — Graduate Student at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. Email: vera.vladislavovna@mail.ru.

Pavel S. Pass — Graduate Student at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. Email: pass.pavel@gmail.com.

Abstract. This article is devoted to the study of images of authorities during a new stage in the development of the Russian political system, which began after the presidential elections in 2018. The article is based on the research project implemented at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science of the Lomonosov Moscow State

University. The research methodology included surveys, in-depth interviews, as well as projective tests. The interpretation of the results was carried out using both qualitative and quantitative methods. Having theoretically substantiated the direction of the analysis, the authors focused on the objective, subjective, and temporal factors of political perception.

The article analyzes cognitive and emotional, visual and verbal components of the image of authorities. The authors described in detail the context of the perception of authorities that changed after the 2018 presidential elections, which led to an alteration of the mass consciousness of the Russian citizens. The psychological characteristics of Russians that affect their perception of authorities are revealed.

The study conducted by the authors indicates volatility of the psychological state of the Russian society, which is fraught with increased instability in political life, which may result in both increased political apathy and cynicism, as well as increased protest sentiments. There is a request for democratization, participation and closer interactions with the authorities in the Russian society. Since the authorities fail to handle this request, they lose people's trust. The recent shifts in mass consciousness are caused both by the political context and deeper processes associated with the generational change and resocialization.

Keywords: political perception, image of authorities, mass consciousness, political context, psychological reaction, Russian society

References

- “Aktzii protesta 9 sentjabrja” [Protest Actions of September 9th]. (2018) // *FOM* [Public Opinion Foundation], 24.09. URL: <https://fom.ru/Politika/14108> (accessed on 25.02.2019). (In Russ.)
- Granberg D. (1985) “An Anomaly in Political Perception” // *Public Opinion Quarterly*, vol. 49, no. 4: 504–516.
- Granberg D., J.Kasmer, and T.Nanneman. (1988) “An Empirical Examination of Two Theories of Political Perception” // *Political Research Quarterly*, vol. 41, no. 1: 29–46.
- Osgood C.E., G.J. Suci, and P.H.Tannenbaum. (1957) *The Measurement of Meaning*. Urbana (Illinois): University of Illinois Press.
- Petukhov V.V. (2018) “Dinamika sotsial’nykh nastroenij rossijan i formirovanie zaprosa na peremeny” [Dynamics of the Social Attitudes of the Russia’s Citizens and Making of a Public Demand to Change] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 11: 40–53. (In Russ.)
- Pishcheva T.N. (2011) “Politicheskie obrazy: problemy issledovanija i interpretatsii” [Political Images: Problems of Investigation and of Interpretation] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 2: 47–52. (In Russ.)
- “Prezidentskie vybory-2018. Postvybornyj opros” [Presidential Elections 2018. Post-Election Survey]. (2018) // *FOM* [Public Opinion Foundation], 9.04. URL: <https://fom.ru/Prezidentskie-vybory-%E2%80%93-2018/13998> (accessed on 25.02.2019). (In Russ.)

“Rossijane nazvali vazhnejshie sobytija 2018 goda” [Russians Called the Most Important Events of 2018]. (2018) // *Levada-Tsentr* [Levada-Center], 24.12. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/24/rossiyane-nazvali-vazhnejshie-sobytiya-2018-goda/> (accessed on 25.02.2019). (In Russ.)

Shestopal E.B. (2008) “Obraz i imidzh v politicheskom vosprijatii: aktual’nye problemy issledovanija” [Image in Political Perception: Current Problems of Research] // Shestopal E.B, ed. *Obrazy gosudarstv, natsij i liderov* [Images of States, Nations, and Leaders]. Moscow: Aspekt-Press. (In Russ.)

Shestopal E.B., ed. (2016) *New Trends in Russian Political Mentality: Putin 3.0*. Lanham (Maryland): Lexington Books.

Shestopal E.B. (2018) “Sdvigi v massovom politicheskom soznanii Rossii pered prezidentскими vyborami 2018 goda” [Psychological Swing in Mass Political Mentality of Russian Citizens before Presidential Elections of 2018] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sotsiologija. Politologija* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], no. 41: 203–220. (In Russ.)

Shestopal E.B. (2019) “Proekt dlinoju v chetvert’ veka. Issledovanie vosprijatija vlasti i liderov v postsovetsoj Rossii (1993–2018)” [Quarter-Century-Long Project: Study of the Images of Authorities and Leaders in Post-Soviet Russia (1993–2018)] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 1: 9–20. (In Russ.)

Shestopal E.B., ed. (2019) *Vlast’ i lidery v vosprijatii rossijskikh grazhdan. Chetvert’ veka nabljudenij (1993–2018)* [Authorities and Leaders in Perception of Russian Citizens (1993–2018)]. Moscow: Ves’ mir. (In Russ.)

Shestopal E.B., N.Smul’kina, and I.V.Morozkova. (2019) “Srvnitel’nyj analiz obrazov svoej strany u zhitelej rossijskikh regionov” [Comparative Analysis of One’s Own Country Images in Russian Regions] // *Srvnitel’naja politika* [Comparative Politics], vol. 10, no. 3: 74–95. (In Russ.)

Shutov A.Ju. et al. (2018) “Sostojanie rossijskogo obshchestva i vlasti nakanune prezidentских vyborov (Kruglyj stol)” [The State of Russian Society and the Authorities on the Eve of the Presidential Elections (Round Table)] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyj zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (E-Journal)], no. 1. URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/862> (accessed on 25.06.2019). (In Russ.)

Zverev A.L., I.S.Palitaj, N.V.Smul’kina, and A.I.Rogozar’. (2016) “Osobennosti politicheskogo vosprijatija v sovremennykh rossijskikh uslovijakh” [Specifics of Political Perception in Contemporary Russia] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 40–54. (In Russ.)

политика

А.О.Земцов

«СИЛЬНАЯ РУКА»: АВТОРИТАРНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН¹

¹ Работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор признателен Владимиру Магуну, Андрею Мельвилю, Маргарите Фабрикант, Ольге Малиновой, Кириллу Рогову за советы и замечания, а также «Левада-Центру» и лично Наталии Зоркой, Льву Гудкову, Екатерине Кочергиной — за предоставленные данные.

Артем Олегович Земцов — аспирант департамента политики и управления факультета социальных наук, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных исследований массового сознания Экспертного института Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: artyom.zemtsov@gmail.com.

Аннотация. В статье представлены результаты количественного исследования авторитарности в политической культуре современных россиян через такую ее характеристику, как ориентация на «сильную руку». Опираясь на данные массовых опросов «Левада-Центра» по репрезентативной всероссийской выборке, автор сопоставляет различные индикаторы ориентации на «сильную руку», рассматривает их динамику на протяжении последних трех десятилетий и с помощью регрессионного анализа выявляет влияние на эту ориентацию социально-демографических факторов, определяя «социальную базу» авторитарности в постсоветской России.

Проведенное автором исследование подтверждает высокую востребованность «сильной руки» (авторитаризма) в современной России. Вместе с тем оно показывает, что как только россиянам предлагается альтернатива подобной модели управления в виде системы разделения властей, особенно очищенной от российской специфики, популярность «сильной руки» заметно снижается.

По оценке автора, природа тяги современных россиян к «сильной руке» имеет разные основания. Это и культурная инерция, и традиционная сакральность образа сильного лидера, и прагматичная, целенаправленная стратегия адаптации к существующему политическому порядку, и сознательная эксплуатация соответствующей мифологемы политическим режимом — своего рода имитационный традиционализм государства, для которого «сильная рука» является важным символическим ресурсом. Немалую роль играют и институциональные характеристики сложившегося в стране режима (монополизация государством многих сфер общественной жизни, слабое разделение властей, неразвитость институтов и практик гражданского контроля и др.). В свою очередь, авторитарные ориентации косвенно поддерживают его существование. Авторитарность в политической культуре современных россиян гармонирует с институциональной структурой авторитарного режима.

Ключевые слова: «сильная рука», авторитарность, политические ориентации, политическая культура, политическое сознание, общественное мнение

Введение

Политический режим, сложившийся в современной России, принято квалифицировать как авторитарный. Обсуждению российского «режимного» авторитаризма посвящено немало работ, так что о нем мы уже довольно много знаем. Но как именно устроен авторитаризм (авторитарность) на социально-психологическом уровне, в политической культуре и массовом сознании россиян?

² См., напр. Рогов 2016; Мельвил 2017. Отметим, что сопоставимые «консервативные откаты» характерны и для западных либеральных демократий (см. Foa and Mounk 2017).

В социальных и гуманитарных науках ведутся дискуссии о российском неоконсервативном повороте², возрождении традиционалистской политической культуры, регенерации «советского человека», доминировании недемократических ценностей и т.д. И хотя соответствующие феномены имеют разные основания, все они подразумевают нечто общее — авторитарные ориентации (нормативные взгляды) в массовом сознании.

Одним из важнейших компонентов авторитарности на уровне сознания считается ориентация на «сильную руку». Термин «сильная рука» широко используется и зарубежными исследователями, в том числе применительно к западным реалиям, однако в российском контексте он особенно важен, поскольку обозначаемое им явление имеет в России богатую историческую и культурную традицию. Ориентация на «сильную руку» обычно ассоциируется с авторитарной моделью управления и неприятием либеральной демократии.

Авторитарность массового сознания россиян практически не подвергается сомнению. Однако такое заключение если и опирается на анализ эмпирических данных (что бывает далеко не всегда), то, как правило, сугубо описательный. Строгий анализ и социологическое наблюдение часто подменяются морально-этическими суждениями, идеологическими декларациями и историософскими размышлениями об органическом консерватизме россиян.

В настоящей статье предпринята попытка количественного исследования авторитарности в политической культуре современных россиян через такую ее характеристику, как ориентация на «сильную руку». Для решения этой задачи мы сопоставим различные индикаторы ориентации на «сильную руку», рассмотрим их динамику на протяжении последних трех десятилетий, а также изучим влияние на эту ориентацию социально-демографических факторов с помощью регрессионного анализа.

Авторитарность как объект изучения

Следуя подходу Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы, политическую культуру можно определить как систему ценностей, верований, установок, ориентаций, аттитудов, идеологем и традиций в сфере

³ *Almond and Verba 1963: 562.*

политического³. В этой работе делается упор именно на изучение ориентаций, которые можно отнести к сфере «микрполитики». Политическая культура обеспечивает связь между этой сферой и «макрополитикой» (институты, практики и т.д.), выступая «мостиком» между поведением общества и политическим режимом, косвенным отражением особенностей политической системы и непрямым политическим фоном, фактором (но не причиной) политического действия. Каждая политика обладает собственной политической культурой, согласующейся с ее структурой⁴.

⁴ *Ibid.: 574.*

В настоящем исследовании под авторитарностью понимается констелляция определенных нормативных взглядов — ориентация на авторитет, фигуру вышестоящего, неприятие Другого (национальных, сексуальных и иных меньшинств), патернализм, культ силы, иерархичность, конформность, ригидность. Существует целая исследовательская традиция, концептуально связывающая все эти характеристики, которые могут образовывать устойчивый социально-психологический комплекс⁵.

⁵ *См., напр. Altemeyer 2006.*

⁶ *Bahry 1999.*

⁷ *Greene and Robertson 2017.*

⁸ *Урнов 2010; Рогов 2015.*

Из зарубежных исследователей авторитарности в российских реалиях можно выделить Донну Бахри⁶, Самуэля Грина и Грэма Робертсона⁷, изучающих ее в контексте нормативных взглядов, особенностей политической культуры и социальной базы. В отечественной политической науке сопоставимых с западными работ такого плана крайне мало, но все-таки они имеются⁸. В них делается акцент на «особости» российской политической культуры, причинах неудачи демократического транзита, взаимовлиянии авторитарного режима и политической культуры. Отдельного упоминания заслуживают исследования феномена «советского человека», начало которым положила коллективная монография «Советский простой человек» под редакцией Юрия Левады⁹. На основе количественного анализа социально-антропологических характеристик россиян ее авторы обнаружили в политической культуре раннего постсоветского общества ряд постоянно воспроизводящихся ориентаций из советского прошлого, причем большинство из них включали в себя элементы авторитарности (патернализм, неприятие Другого, ориентация на авторитет и т.д.). По заключению социологов «Левада-Центра», в политической культуре россиян и сегодня преобладают авторитарные компоненты.

⁹ *Левада (ред.) 1993.*

Ориентация на «сильную руку»

Нормативные взгляды, предполагающие необходимость «сильной руки», в известном смысле могут рассматриваться как «дистиллированное», магистральное качество, пронизывающее авторитарность. Эти взгляды вбирают в себя отношение к авторитету, господству и подчинению, доминированию и контролю, делегированию ответственности вышестоящему, иерархичности, культу силы¹⁰.

¹⁰ *Rigby and Rump 1982.*

¹¹ *Muller 2016; Norris and Inglehart 2018.*

На Западе исследования взглядов этого типа получили особое распространение в последние несколько лет, что, безусловно, связано с взлетом авторитарного популизма¹¹. Эмпирическим материалом для

них служат данные опросов общественного мнения, при анализе используется описательная статистика, реже — более сложные статистические методы. Стоит отметить, что в американской академической литературе термин «сильная рука» (strong hand) является конвенциональным и употребляется без кавычек¹². Наряду с ним, широко используются и его аналоги, которых насчитывается более десятка. Наиболее популярные из них: «strong leader», «strongman leader», «strongman», «strong leadership», «strongman rule».

¹² Brown 2015.

В исследованиях «сильной руки» можно выделить несколько направлений.

1. Исследования авторитарного популизма и проавторитарных политических процессов. В рамках этого направления ориентация на «сильную руку» рассматривается, с одной стороны, как отражение институционального дизайна (концентрации власти в руках одного лидера), с другой — как социально-психологическая характеристика индивидов, симпатизирующих авторитарному популизму¹³. Главный вывод работ этого плана заключается в том, что кризис институтов либеральной демократии, экономическая незащищенность людей, ощущение неравенства способны порождать авторитарный популизм, повышая востребованность «сильной руки», с которой связывается решение накопившихся проблем.

¹³ Lühiste 2008; Miller 2017.

2. Исследования ориентации на «сильную руку» как индикатора социально-психологической авторитарности — готовности подчиняться авторитету. Продолжая давнюю традицию изучения «авторитарной личности», представители этого направления акцентируют связь подобных нормативных взглядов с другими характеристиками авторитарности, исследуют их социально-демографические предикторы¹⁴.

¹⁴ MacWilliams 2016; Womick et al. 2018.

3. Исследования ориентации на «сильную руку» как индикатора приверженности недемократическим режимам. В центре исследований этого типа находятся электоральные предпочтения и политическое поведение. Как правило, они носят прикладной характер (аналитические отчеты), хотя проводятся не только опросными центрами, но и академическими организациями¹⁵.

¹⁵ Wike et al. (eds.) 2017; McAllister, Makkai, and Sheppard (eds.) 2018; Drutman, Diamond, and Goldman (eds.) 2018.

4. Исследования ориентации на «сильную руку» как компонента традиционных ценностей¹⁶, одной из составляющих авторитарной реакции на рост постматериалистических, демократических ценностей. Для этого направления характерен упор на культурные факторы, которые трактуются как триггер политических и иных изменений.

¹⁶ Welzel and Alexander 2017; Norris and Inglehart 2018.

При всех различиях между указанными направлениями ни в одном из них нет, однако, работ, где бы сопоставлялись разные формулировки запроса на «сильную руку». Практически отсутствуют сравнительные исследования, в большинстве случаев используется только описательная статистика.

Суммируя результаты зарубежных (прежде всего американских) исследований, можно отметить следующие закономерности. Повышенную склонность к авторитарности демонстрируют национальные

меньшинства, представители рабочего класса, высоко религиозные индивиды, люди, неудовлетворенные функционированием существующих демократических институтов или отвергающие демократию в принципе, приверженцы традиционных ценностей (по Рональду Инглхарту), люди с антимигрантскими настроениями, исламофобией. В целом мужчины несколько авторитарнее женщин. Чем выше возраст, ниже уровень образования, средний доход и численность населенного пункта, тем выше авторитарность. Влияние всех этих факторов, как правило, носит линейный характер, то есть речь идет о постепенном возрастании/понижении авторитарных ориентаций при сравнении соседних групп респондентов.

В исследованиях рассмотренных направлений даются разные объяснения существующих зависимостей, но общая идея состоит в том, что чем большим объемом ресурсов (материальных, символических и т.д.) располагает индивид, тем в среднем ниже уровень его авторитарности и слабее ориентация на «сильную руку». Соответственно, у такого индивида сильнее выражены эмансипативные ориентации, установки на участие и автономию, критическое отношение к происходящему в сфере политического. Он более склонен разделять ценности демократии, видя в последней гарантии сохранения своей автономии, и привык рассчитывать скорее на себя, нежели на «сильную руку» и опекающее государство, потенциально угрожающие его независимости.

Применительно к России ориентация на «сильную руку» рассматривается, с одной стороны, как фундаментальная характеристика политической культуры, с другой — как социально-психологическая производная от авторитарного режима¹⁷. Эмпирическими исследованиями авторитарности в массовом сознании россиян занимаются социологи «Левада-Центра», чьи работы методологически сопоставимы с зарубежными аналогами¹⁸.

Кирилл Рогов исследует ориентацию на «сильную руку» в контексте развития авторитарного режима в России. Трактую подобную ориентацию как индикатор спроса на авторитарную, «централизаторскую» модель управления, «прочно ассоциированную с фигурой Путина»¹⁹, он вместе с тем обращает внимание на то, что соответствующий нормативный взгляд (как и его противоположность) является важным элементом повестки различных протопартийных групп²⁰. В свою очередь, Генри Хейл квалифицирует российскую политическую систему как патрональную, для функционирования которой характерна персонификация, укорененная в институтах²¹ и опосредованно влияющая на политическую культуру, порождая предрасположенность к ориентации на «сильную руку».

В некоторых работах приводятся и эмпирические данные, свидетельствующие о влиянии на такого рода ориентацию россиян отдельных социально-демографических факторов.

По заключению Джакомо Чиоззы и Драгомира Стоянова, в своем исследовании мифа о сильном лидере («сильной руке») в современном

¹⁷ Hale 2009; Worth 2009.

¹⁸ Левада 1998; Дубин 2006; Гудков 2009.

¹⁹ Рогов 2015.

²⁰ Рогов 2016.

²¹ Hale 2017.

²² Chiozza and Stoyanov 2017.

²³ Mamonova 2019.

российском массовом сознании использовавших такие статистические методы, как дерево решений и регрессионный анализ, чем ниже уровень образования, выше возраст, а также склонность к национализму и шовинизму и антиамериканизм, тем, как правило, отчетливее выражена ориентация на «сильную руку»²². Опираясь на данные массовых опросов «Левада-Центра» и глубинные интервью, Наталья Мамонова, со своей стороны, приходит к выводу, что ориентация на «сильную руку» (прежде всего в лице Владимира Путина) особенно присуща сельским жителям, которые и являются референтной группой для нынешнего политического режима в России²³.

Отталкиваясь от результатов предшествующих исследований, можно сформулировать следующие гипотезы.

Н1. По всем индикаторам ориентации на «сильную руку» авторитарные нормативные взгляды устойчиво пользуются большей поддержкой россиян, нежели неавторитарные.

Н2. При эксплицитном предъявлении индивидам альтернатив «сильной руке» ориентация на нее уменьшается.

Н3. На ориентацию на «сильную руку» влияют пол, возраст, уровень образования, численность населенного пункта и субъективная оценка собственного дохода. Мужчины в среднем авторитарнее женщин. Чем выше возраст, ниже уровень образования, численность населенного пункта и субъективная оценка собственного дохода, тем более выражена ориентация на «сильную руку».

Н4. Влияние социально-демографических характеристик на персонифицированные и обобщенные (без фиксации конкретного лидера) нормативные взгляды в отношении «сильной руки» неодинаково.

Данные и методология

²⁴ <https://www.levada.ru/sbornik-obshchestvennoe-mnenie/>.

²⁵ Поскольку соответствующие вопросы, как правило, задавались в рамках разных опросов, анализ внутренней связанности показателей (построение индексов, факторный анализ и т.д.), к сожалению, оказался невозможен.

Исследование строилось на данных массовых опросов «Курьер», проводимых «Левада-Центром» по репрезентативной всероссийской выборке с помощью метода личного интервью (число респондентов варьирует от 791 до 3000 человек, в большинстве опросов — 1600). Всего использован 31 массив данных, собранных с 2004 по 2018 г. При обращении к тенденциям более раннего периода задействовались общие процентные распределения из левадовских сборников «Общественное мнение»²⁴.

Для описательного анализа данных использовались таблицы сопряженности, анализ средних, однофакторный дисперсионный анализ (Analysis of Variance — ANOVA); для выявления причинно-следственных зависимостей — порядковый регрессионный анализ (Ordinal Regression).

В качестве зависимых переменных выступали ответы на пять вопросов, характеризующих нормативные взгляды людей на роль «сильной руки»²⁵. В расчетах все варианты ответов были прошкалированы по возрастанию авторитарности, вариант «затрудняюсь ответить» рассматривался как промежуточная позиция.

«Сильная рука 1»: Бывают ли, по Вашему мнению, такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, «сильная рука»?

²⁶ Здесь и далее в скобках приведено присвоенное в результате шкалирования значение.

- Нашему народу постоянно нужна «сильная рука» (3)²⁶
- Бывают такие ситуации — например, сейчас (2)
- Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть находилась в одних руках (0)
- Затрудняюсь ответить (1)

«Сильная рука 2»: Как Вы считаете, то, что в руках Владимира Путина сосредоточена сейчас практически вся власть в стране, пойдет на благо России?

- Пойдет на благо России (2)
- Не сулит России ничего хорошего (0)
- Затрудняюсь ответить (1)

«Сильная рука 3»: Как Вы думаете, что в большей мере отвечало бы сейчас интересам России?

- Концентрация власти в руках одного сильного лидера (2)
- Разделение власти между Президентом России, Государственной Думой и судебными властями (0)
- Затрудняюсь ответить (1)

«Сильная рука 4»: Вы считаете, что было бы лучше...

- Чтобы вся власть в стране была сосредоточена в одних руках
- Чтобы власть была распределена между разными структурами, контролирующими друг друга
- Затрудняюсь ответить (1)

«Сильная рука 5»: Вы согласны с суждением: «Если сильный политический лидер может решить экономические и социальные проблемы, стоящие перед страной, можно пойти на ограничение некоторых политических свобод»?

²⁷ К данной категории были отнесены и респонденты с незаконченным высшим образованием (не менее 3-х курсов вуза).

- Совершенно согласен (4)
- Скорее согласен (3)
- Скорее не согласен (1)
- Совершенно не согласен (0)
- Затрудняюсь ответить (2).

²⁸ Фиксировался с помощью ответов на вопрос: «К какой из следующих групп населения Вы бы скорее могли себя отнести?» (см. Потребительский статус 2016).

Независимыми переменными выступали пять социально-демографических характеристик: пол — 1 (мужской), 2 (женский); возраст — 1 (18—24 года), 2 (25—39 лет), 3 (40—55 лет), 4 (55 лет и старше); образование — 1 (ниже среднего), 2 (среднее), 3 (среднее специальное), 4 (высшее²⁷); размер (тип) населенного пункта — 1 (Москва), 2 (город с населением более 500 тыс.), 3 (город с населением от 100 до 500 тыс.), 4 (город с населением менее 100 тыс.), 5 (сельская местность); субъективный доход²⁸ — 1 (не хватает на еду), 2 (хватает на еду), 3 (хватает на еду и одежду), 4 (хватает на некоторые дорогие вещи²⁹), 5 (хватает на большее). Все независимые переменные были перекодированы в dummy variables.

²⁹ Градация используется применительно к данным, полученным начиная с 2012 г.

Описательный анализ

Ответы на вопрос «Сильная рука 1» позволяют разделить респондентов на четыре группы: жесткие сторонники «сильной руки» (вариант 1), мягкие сторонники «сильной руки» (вариант 2), жесткие противники «сильной руки» (вариант 3) и неопределившиеся (затруднившиеся с ответом).

К сожалению, в наборе предлагавшихся респондентам вариантов ответа не сбалансированы позиции pro и contra: на два варианта в пользу «сильной руки» приходится только один против³⁰. Чтобы сгладить этот дисбаланс, при сопоставлении противников и сторонников «сильной руки» мы учитывали только *радикальную* часть последних. В 1989 г. их было в 1,8 раза меньше, чем противников (25% против 44%), однако уже к 1994 г. ситуация кардинальным образом изменилась: доля жестких сторонников «сильной руки» выросла до 35%, а противников сократилась до 23%. Можно предположить, что рост популярности авторитарных ориентаций происходил на протяжении всех лет, разделявших опросы 1989 и 1994 гг. Это были кризисные годы, и запрос на сильного лидера, скорее всего, стал реакцией на те трудности, с которыми столкнулись россияне при переходе от советской к постсоветской действительности и которые воспринимались ими в том числе и как следствие демократизации.

Начиная с 1994 г. доля радикальных приверженцев «сильной руки» неизменно превосходила долю ее противников. Во всех проанализированных нами массивах данных перевес статистически значим и очень существен: в среднем 40% жестко ориентированных на «сильную руку» против 20% отвергающих ее, причем в декабре 2018 г. доля первых превысила долю вторых в три раза (см. *табл. 1*). Другими словами, обобщенный показатель ориентации на «сильную руку» устойчиво сохранял высокие значения, несмотря на все изменения политических, экономических и иных условий.

Интерес представляет и соотношение жесткой и мягкой поддержки «сильной руки». В большинстве замеров значимо преобладает именно жесткая поддержка, то есть респонденты чаще полагают, что «сильная рука» нужна постоянно, а не только в каких-то особых ситуациях. В конце 2018 г. перевес носителей подобных взглядов над признающими лишь ситуативную необходимость «сильной руки» достиг рекордной величины (в 2,6 раза), а сама обобщенная ориентация на «сильную руку» достигла максимума за весь период наблюдений.

Вопрос «Сильная рука 1» был сформулирован в самом общем виде — нужна ли «сильная рука», или ее существование недопустимо? Все остальные вопросы содержат те или иные уточнения. Показатель «Сильная рука 2» предполагает персонафицированное измерение этой ориентации за счет включения в вопрос фигуры нынешнего президента России. Этот показатель фиксировался в меньшем числе опросов, чем показатель «Сильная рука 1», но во всех этих опросах высказывания в пользу персонафицированной версии авторитаризма звучали чаще (почти всегдакратно чаще), нежели против (см. *табл. 2*). Высоки и абсолютные показатели поддержки: о том, что сосредоточение власти в руках Путина «пойдет на благо России», неизменно говорило более половины респондентов — от 51 до 73%.

³⁰ Мы благодарны Григорию Юдину, замечания которого по поводу недобного дефекта в используемых социологами анкетах побудили нас обратить внимание на эту проблему.

Таблица 1 «Сильная рука 1»

Бывают ли, по Вашему мнению, такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, «сильная рука»?

	2006 III	2007 III	2008 VII	2009 X	2010 VII	2011 IX	2012 III	2013 III	2014 III	2015 XI	2016 XI	2017 VIII	2018 XII
Нашему народу постоянно нужна «сильная рука»	42	46	43	40	43	40	35	42	32	31	38	40	57
Бывают такие ситуации — например, сейчас	31	30	29	32	34	30	38	32	46	41	35	40	22
Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть находилась в одних руках	19	17	18	24	19	21	22	19	16	19	21	16	19
Затрудняюсь ответить	8	7	10	5	4	9	5	8	8	9	6	5	3
N	1633	1596	1500	1601	802	798	807	791	791	1603	1602	1612	1628

Таблица 2 «Сильная рука 2»

Как Вы считаете, то, что в руках Владимира Путина сосредоточена сейчас практически вся власть в стране, пойдет на благо России?

	2004 IX	2005 XII	2006 IX	2007 X	2009 VII	2010 VII	2012 III	2013 III	2014 III	2015 III
Пойдет на благо России	58	62	67	66	65	52	55	51	66	73
Не сулит России ничего хорошего	23	24	19	20	14	22	24	31	18	12
Затрудняюсь ответить	19	15	14	14	21	26	21	19	17	16
N	1651	1602	1632	1600	1600	802	826	810	812	802

Вопрос «Сильная рука 3» тоже конкретизирует обобщенный вопрос «Сильная рука 1» — в данном случае за счет предложения респонденту альтернативного варианта в виде российской системы разделения власти между президентом, Государственной Думой и судебными органами. В нашем распоряжении имеются всего два замера, но в обоих из них авторитарная модель опять-таки набирает значительно больше голосов, нежели модель разделения властей (см. табл. 3).

Таблица 3 «Сильная рука 3»

Как Вы думаете, что в большей мере отвечало бы сейчас интересам России?

	2016 V	2017 VIII
Концентрация власти в руках одного сильного лидера	53	46
Разделение власти между Президентом России, Государственной Думой и судебными властями	33	41
Затрудняюсь ответить	14	13
N	1602	1602

Вопрос «Сильная рука 4» снова строится через противопоставление «сильной руке» институциональной системы, основанной на разделении властей. Однако на этот раз вместо конкретных российских институтов в качестве альтернативы единовластия выступают «структуры, контролирующиеся друг друга», лишённые привязки к современной России. Это даёт значимый эффект: в трёх из пяти опросов, где использовалась эта формулировка, неавторитарная ориентация оказывается более выраженной, чем авторитарная (см. табл. 4). Важно также отметить, что при данной постановке вопроса доли придерживающихся неавторитарных взглядов превышают доли таковых при использовании двух других вопросов с аналогичным числом вариантов ответа («Сильная рука 2» и «Сильная рука 3»).

Наконец, в вопросе «Сильная рука 5» конкретизация обобщенной ориентации на «сильную руку» происходит путем указания на «цену» подобной модели правления. Этой «ценой» является «ограничение некоторых политических свобод». Выясняется, что большинство респондентов считает такую плату за решение сильным лидером «экономических и социальных проблем» вполне допустимой (см. табл. 5), то есть поддерживает авторитарную модель.

Таким образом, большинство способов измерения нормативных взглядов людей в отношении «сильной руки» дают результаты, свидетельствующие о доминировании среди россиян ориентации на

Таблица 4 «Сильная рука 4»

Вы считаете, что было бы лучше...

	2010 III	2012 I	2013 III	2014 III	2015 III
Чтобы вся власть в стране была сосредоточена в одних руках	45	38	39	40	49
Чтобы власть была распределена между разными структурами, контролирующими друг друга	42	47	47	45	37
Затрудняюсь ответить	13	15	15	15	14
N	801	799	791	791	797

Таблица 5 «Сильная рука 5»

Вы согласны с суждением: «Если сильный политический лидер может решить экономические и социальные проблемы, стоящие перед страной, можно пойти на ограничение некоторых политических свобод?»

	2015 I	2016 V
Совершенно согласен	12	12
Скорее согласен	46	37
Скорее не согласен	22	24
Совершенно не согласен	6	10
Затрудняюсь ответить	16	16
N	1600	1602

авторитарное правление. Вместе с тем при предложении им альтернативного варианта в виде очищенной от российской специфики системы разделения властей неавторитарные ориентации могут брать верх над авторитарными.

Анализ регрессионных моделей

Для определения влияния социально-демографических характеристик на показатели авторитарности использовались порядковые регрессионные модели. Применительно к показателям «Сильная рука 1» и «Сильная рука 2», многократно измерявшимся на протяжении 14 лет, можно построить 22 регрессионные модели, что позволяет делать выводы об устойчивых регрессионных эффектах³¹. Модели, построенные для показателей «Сильная рука 3», «Сильная рука 4» и «Сильная рука 5», немногочисленны, и на их основе нельзя

³¹ В качестве устойчивых квалифицировались эффекты, присутствующие хотя бы в половине замеров.

проследить устойчивые регрессионные эффекты; поэтому они здесь не приводятся.

На показатель «Сильная рука 1» (см. *табл. 6.1* и *6.2*) пол респондента и уровень его образования (в последнем случае за исключением замера 2017 г.) не влияют. Возраст оказывает значимое влияние более чем в половине массивов (7 из 12): более молодые респонденты настроены менее авторитарно, нежели преодолевшие рубеж в 55 лет.

Значимое влияние размера (типа) населенного пункта прослеживается в 10 из 12 замеров. Наименьшую склонность к авторитарности выказывают москвичи. Жители населенных пунктов всех остальных типов превосходят их в этом отношении, но, как правило, значимо не различаются между собой.

Субъективный доход демонстрирует значимые эффекты в половине замеров. Авторитарные ориентации сильнее выражены среди менее обеспеченных групп населения. Однако в большинстве случаев значимо отличается от контрольной (наиболее состоятельной) группы только одна из сопоставляемых с ней градаций.

При переходе от обобщенного измерения «сильной руки» к персонифицированному сила и направление влияния социально-демографических характеристик претерпевают некоторые изменения (см. *табл. 7.1* и *7.2*).

Наиболее резко меняется влияние пола. При персонификации «сильной руки» через фигуру Путина женщины в большей степени идеализируют ее, нежели мужчины (7 замеров из 10). Влияние возраста, в свою очередь, наблюдается значительно реже, чем при ответах на обобщенный вопрос (3 замера из 10), причем в двух замерах (2007 и 2010 гг.) более молодые респонденты обнаруживают бóльшую, а не меньшую склонность к авторитарной позиции.

Уровень образования влияет на персонифицированное измерение «сильной руки» в трех замерах из 10: менее образованные — более авторитарны. Размер (тип) населенного пункта оказывается значимым в большинстве замеров (7 из 10). Направление влияния остается прежним. Вместе с тем при персонификации вопроса большей по сравнению с москвичами авторитарностью отличаются жители только некоторых, а не всех типов поселений (как это было в отношении «Сильной руки 1»).

Субъективный доход сказывается на поддержке персонифицированной «сильной руки» в четырех замерах из 10. Однако если на обобщенном уровне подобная ориентация была шире распространена среди менее обеспеченных респондентов, то на персонифицированном — среди относительно благополучных. Начиная с 2010 г. фактор становится незначимым.

Отметим, что результаты регрессионных моделей для трех других показателей «сильной руки» («Сильная рука 3», «Сильная рука 4», «Сильная рука 5»), как правило, демонстрируют те же значимые эффекты, что и в случае «Сильной руки 1».

Таблица 6.1 Коэффициенты порядковых регрессий. «Сильная рука 1»

Независимые переменные	Зависимые переменные											
	CPI (2006) III E Sig	CPI (2007) III E Sig	CPI (2009) X E Sig	CPI (2010) VII E Sig	CPI (2011) IX E Sig	CPI (2012) III E Sig						
Мужской	0,118	0,206	-0,149	0,122	0,049	0,600	-0,122	0,366	-0,051	0,708	-0,012	0,927
Пол (Constant: Женский)												
18—24 года	-0,483	0,002**	-0,348	0,029*	-0,237	0,125	0,033	0,881	-0,234	0,273	-0,265	0,222
25—39 лет	-0,467	0,000***	-0,110	0,421	-0,062	0,633	0,022	0,906	-0,234	0,045*	0,041	0,814
40—54 года	-0,294	0,022*	-0,219	0,097	-0,057	0,647	-0,149	0,408	-0,096	0,592	-0,252	0,153
Возраст (Constant: 55 лет и старше)												
Ниже среднего	0,208	0,060	0,196	0,218	0,209	0,179	0,300	0,173	0,274	0,200	0,251	0,255
Среднее	0,258	0,061	-0,144	0,302	0,113	0,409	0,112	0,556	-0,055	0,775	0,231	0,213
Среднее специальное	0,169	0,202	0,104	0,449	0,104	0,433	0,341	0,075	0,061	0,745	0,008	0,961
Образование (Constant: Высшее)												
Сельская местность	0,329	0,066	0,758	0,000***	-0,065	0,749	1,491	0,000***	1,288	0,000***	0,877	0,001***
Менее 100 тыс.	0,087	0,631	0,564	0,005**	0,103	0,606	1,280	0,000***	1,172	0,000***	0,674	0,014*
От 100 до 500 тыс.	0,018	0,921	0,314	0,127	0,118	0,564	1,283	0,000***	1,154	0,000***	0,685	0,013*
Более 500 тыс.	0,341	0,060	0,474	0,018*	-0,130	0,515	1,501	0,000***	0,884	0,002**	0,555	0,038*
Размер населенного пункта (Constant: Москва)												
Не хватает на еду	0,522	0,011**	0,504	0,016*	0,564	0,008**	0,033	0,911	0,042	0,903	0,044	0,926
Хватает на еду	0,145	0,348	0,163	0,299	0,735	0,000***	-0,374	0,115	-0,040	0,863	0,039	0,927
Хватает на еду и одежду	0,096	0,485	-0,131	0,344	0,154	0,312	0,360	0,083	-0,147	0,445	-0,218	0,584
Хватает на неогорые дорогие вещи											-0,151	0,711
Псевдо R-квадрат	0,040		0,043		0,039		0,055		0,051		0,034	
Нэйджелкерка	1633		1593		1566		800		795		805	

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Таблица 6.2 Коэффициенты порядковых регрессий. «Сильная рука 1»

Независимые переменные	Зависимые переменные											
	CPI (2013) III		CPI (2014) III		CPI (2015) XI		CPI (2016) XI		CPI (2017) VII		CPI (2018) XII	
	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig
Мужской	-0,033	0,810	0,026	0,850	-0,002	0,984	-0,160	0,155	0,046	0,628	0,078	0,432
	Пол (Constant: Женский)											
18—24 года	-0,460	0,029*	-0,172	0,437	3,077	0,005**	0,689	0,000***	-0,504	0,004**	-0,671	0,000***
25—39 лет	-0,332	0,072	-0,136	0,453	-0,416	0,001***	0,130	0,377	-0,248	0,042*	0,096	0,443
40—54 года	-0,423	0,021*	-0,115	0,524	-0,349	0,005**	0,275	0,063	-0,159	0,203	-0,057	0,655
	Возраст (Constant: 55 лет и старше)											
Ниже среднего	0,227	0,338	-0,177	0,462	0,302	0,080	-0,030	0,882	0,155	0,357	0,442	0,098
Среднее	-0,058	0,744	-0,181	0,330	0,170	0,196	-0,183	0,252	0,325	0,018*	0,339	0,014*
Среднее специальное	0,270	0,128	-0,207	0,234	0,145	0,229	-0,076	0,588	0,247	0,038*	0,177	0,139
	Образование (Constant: Высшее)											
Сельская местность	1,069	0,000***	1,032	0,000***	0,649	0,001***	-0,901	0,001***	0,750	0,000***	0,278	0,143
Менее 100 тыс.	0,989	0,000***	0,807	0,003**	0,343	0,068	-0,868	0,001***	0,882	0,000***	0,490	0,011*
От 100 до 500 тыс.	0,748	0,008**	1,228	0,000***	0,310	0,108	-0,959	0,000***	0,657	0,001***	0,451	0,020*
Более 500 тыс.	1,160	0,000***	1,045	0,000***	0,522	0,105	-1,196	0,000***	0,957	0,000***	0,464	0,014*
	Размер населенного пункта (Constant: Москва)											
Не хватает на еду	-0,869	0,109	1,311	0,028*	-0,578	0,185	1,009	0,033*	0,387	0,280	-0,280	0,359
Хватает на еду	-0,671	0,113	0,991	0,005**	0,077	0,834	-0,307	0,429	0,169	0,534	-0,189	0,447
Хватает на еду и одежду	-0,905	0,018*	0,717	0,015*	-0,056	0,872	-0,301	0,415	0,068	0,786	-0,233	0,306
Хватает на некоторые дорогие вещи	-1,234	0,002**	0,515	0,087	0,264	0,460	-0,161	0,671	-0,002	0,995	-0,162	0,501
Псевдо R-квадрат	0,071		0,050		0,037		0,051		0,041		0,024	
Н	785		791		1601		1264		1609		1628	

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Таблица 7.1 Коэффициенты порядковых регрессий. «Сильная рука 2»

Независимые переменные	Зависимые переменные													
	CP2 (2004) XI		CP2 (2005) XII		CP2 (2006) IX		CP2 (2007) X		CP2 (2009) VII		CP2 (2009) VII		CP2 (2009) VII	
	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig
Мужской	0,084	0,398	0,307	0,003**	0,360	0,001***	0,337	0,002**	0,225	0,032*				
	Пол (Constant: Женский)													
18–24 года	0,186	0,299	0,089	0,614	0,314	0,080	0,847	0,000***	0,301	0,088				
25–39 лет	–0,056	0,682	0,035	0,809	0,287	0,059	0,822	0,000***	0,097	0,503				
40–54 года	–0,267	0,051*	0,038	0,788	0,059	0,692	0,294	0,036*	0,116	0,403				
	Возраст (Constant: 55 лет и старше)													
Ниже среднего	0,179	0,272	–0,008	0,747	0,028	0,867	0,149	0,381	0,179	0,295				
Среднее	0,278	0,073	–0,033	0,832	0,100	0,519	0,315	0,048*	0,387	0,012**				
Среднее специальное	0,073	0,627	0,010	0,945	0,067	0,661	0,308	0,053*	0,188	0,198				
	Образование (Constant: Высшее)													
	Размер населенного пункта (Constant: Москва)													
Сельская местность	0,466	0,011**	0,142	0,501	0,518	0,012**	0,315	0,155	0,485	0,024*				
Менее 100 тыс.	0,703	0,000***	–0,093	0,664	0,146	0,464	0,167	0,443	0,357	0,091				
От 100 до 500 тыс.	0,523	0,006**	0,066	0,763	0,251	0,226	0,210	0,349	0,520	0,018**				
Более 500 тыс.	0,358	0,056	0,230	0,284	0,302	0,139	0,717	0,002**	0,353	0,096				
	Субъективный доход (Constant: Хватает на большее)													
Не хватает на еду	–0,604	0,004**	–0,290	0,165	–0,348	0,128	–1,062	0,000***	–0,537	0,016*				
Хватает на еду	–0,145	0,416	–0,127	0,435	–0,369	0,046*	–0,219	0,239	–0,329	0,074				
Хватает на еду и одежде	–0,142	0,397	–0,035	0,817	–0,162	0,329	–0,375	0,026*	–0,470	0,004**				
Хватает на некогорые дорогие вещи														
Псевдо R-квадрат	0,027		0,012		0,023		0,084		0,021					
Нэйджелкерка	1649		1597		1621		1599		1599					

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Таблица 7.2 Коэффициенты порядковых регрессий. «Сильная рука 2»

Независимые переменные	Зависимые переменные											
	CP2 (2010) VII		CP2 (2012) III		CP2 (2013) III		CP2 (2014) III		CP1 (2015) III		E	Sig
	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig	E	Sig		
Мужской	0,337	0,015**	0,384	0,006**	0,265	0,055	0,004	0,926	0,668	0,000***		
Пол (Constant: Женский)												
Возраст (Constant: 55 лет и старше)												
18—24 года	0,499	0,029*	0,135	0,583	0,273	0,257	-0,089	0,712	0,179	0,530		
25—39 лет	0,374	0,050*	-0,184	0,322	0,086	0,638	-0,049	0,805	0,125	0,572		
40—54 года	-0,072	0,651	-0,205	0,269	-0,074	0,680	-0,057	0,771	-0,218	0,301		
Образование (Constant: Вышее)												
Ниже среднего	0,289	0,201	-0,135	0,571	-0,154	0,497	0,099	0,702	0,591	0,053*		
Среднее	0,133	0,499	-0,041	0,821	-0,043	0,821	0,190	0,345	0,274	0,216		
Среднее специальное	0,012	0,951	0,078	0,661	-0,220	0,221	0,212	0,277	0,323	0,115		
Размер населенного пункта (Constant: Москва)												
Сельская местность	0,332	0,253	1,078	0,000***	0,662	0,019*	0,498	0,091	0,575	0,059		
Менее 100 тыс.	0,300	0,290	1,029	0,000***	0,452	0,107	0,332	0,252	0,689	0,023*		
От 100 до 500 тыс.	0,176	0,547	1,105	0,000***	0,313	0,270	0,358	0,225	0,736	0,022*		
Более 500 тыс.	0,136	0,634	1,112	0,000***	0,537	0,048*	0,527	0,067	0,610	0,040*		
Субъективный доход (Constant: Хватает на большее)												
Не хватает на еду	0,116	0,703	0,091	0,851	-0,842	0,113	-0,475	0,381	-0,468	0,488		
Хватает на еду	-0,119	0,622	-0,061	0,888	-0,692	0,097	0,098	0,801	0,535	0,295		
Хватает на еду и одежде	-0,067	0,752	0,002	0,996	-0,242	0,525	0,297	0,390	0,750	0,099		
Хватает на некоторые дорогие вещи			0,119	0,775	-0,201	0,612	0,408	0,254	0,576	0,210		
Псевдо R-квадрат	0,029		0,044		0,031		0,015		0,050			
Нэйджелкерка	800		820		809		811		801			

*p<0,05, **p<0,01, ***p<0,001

Выводы

Первая гипотеза исследования в основном подтвердилась: в ответах на четыре из пяти предложенных вопросов россияне устойчиво отдают предпочтение «сильной руке» (и авторитарному режиму, который она олицетворяет).

В то же время было бы неверно говорить о преобладании авторитарных ориентаций среди россиян как о некоей константе. На рубеже 1980—1990-х годов граждане России массово поддерживали демократические преобразования, и противников «сильной руки» в стране было почти в два раза больше, нежели сторонников. Нельзя ни заметить и резкого повышения числа последних в 2018 г., при том что текущая ситуация не способствует поиску альтернативных моделей политического управления. Представляется, что взлет симпатий к «сильной руке» стал своеобразным ответом на кризисную ситуацию, следствием общей неудовлетворенности положением дел в стране. Кризисные явления не связываются людьми с неэффективностью сложившейся авторитарной системы управления. Напротив, им кажется, что кризис вызван тем, что управляющая рука не до такой степени сильна, как того требуют обстоятельства.

Подтвердилась и вторая гипотеза: при эксплицитном предъявлении респондентам альтернативной «сильной руке» модели, базирующейся на разделении властей, перевес симпатий в пользу авторитарного варианта правления уменьшается или даже уступает место перевесу продемократических ориентаций.

Что касается третьей гипотезы, то она подтвердилась лишь частично. На поддержку «сильной руки» значимо влияют пол, возраст, размер (тип) населенного пункта и субъективная оценка дохода, но не образование. Вместе с тем, в полном соответствии с четвертой гипотезой, эффекты социально-демографических характеристик в случае обобщенной (обезличенной) и персонифицированной ориентации на «сильную руку» неодинаковы. Единственное исключение — размер (тип) населенного пункта (а именно проживание в Москве / вне Москвы), сходным образом влияющий на обе ориентации.

На каждую из двух ориентаций влияют по три социально-демографических фактора. На обобщенную — размер (тип) населенного пункта, субъективный доход и возраст, на персонифицированную — размер (тип) населенного пункта, субъективный доход и пол респондента. То есть, если обобщенная поддержка людьми «сильной руки» характерна для мужчин и женщин в равной степени, то Путина в роли конкретного сильного лидера больше поддерживают женщины. И наоборот, если обобщенная ориентация на «сильную руку» чаще встречается у старшего поколения, то персонифицированная в равной мере присуща представителям разных возрастов. Еще одно отличие связано с направлением влияния субъективной оценки дохода: для обеих ориентаций этот фактор является значимым, но обобщенная поддержка «сильной руки» четче выражена у менее обеспеченных россиян, а концентрацию власти в руках Путина одобряют относительно благополучные.

Выявленные в ходе нашего исследования закономерности, касающиеся обобщенной ориентации на «сильную руку», отчасти совпадают с теми, что фиксируются на американском материале. В обоих случаях пол не оказывает значимого влияния на склонность к идеализации «сильной руки», совпадает и направление влияния на нее возраста, размера населенного пункта и субъективного дохода. В то же время, если американские исследования указывают на линейный, градуальный характер влияния последних трех переменных, то в России подобной непрерывности обычно не наблюдается. Нельзя, однако, исключить, что указанное различие может быть следствием разницы в методологии (американские исследования в основном базируются на описательном анализе) и при должном контроле релевантных переменных просто исчезнет.

Еще одно различие касается эффекта образования: в американских выборках более образованные, как правило, меньше ориентированы на «сильную руку». Незначимость данного показателя в российских условиях, возможно, связана с расхождениями в содержании образования по параметру «авторитаризм-демократия» у разных поколений россиян. В США и других западных странах содержание образования в этом смысле более однородно и носит по преимуществу продемократический характер³².

Итак, проведенное исследование еще раз подтвердило высокую востребованность «сильной руки» (авторитаризма) в России. Но в чем кроются возможные причины такой востребованности?

Можно предположить, что здесь сказывается огромная, почти монополярная роль государства во многих сферах, слабое разделение властей, неразвитость институтов и практик гражданского контроля, усиливающиеся авторитарные тенденции. В свою очередь авторитарные ориентации россиян косвенно поддерживают существование авторитарного режима. Перефразируя Стейна Роккана и Ангуса Кэмпбелла³³, можно сказать, что авторитарность в политической культуре россиян гармонирует с институциональной структурой авторитарного режима.

Природа тяги к «сильной руке» современных россиян имеет разные основания. Это и культурная инерция, и традиционная сакральность образа сильного лидера, и прагматичная, целенаправленная стратегия адаптации к существующему политическому порядку, и сознательная эксплуатация соответствующей мифологемы политическим режимом для поддержания status quo — своего рода имитационный традиционализм государства, для которого «сильная рука» является важным символическим ресурсом.

Однако, несмотря на действительно высокую популярность этой мифологемы, как только современным россиянам предлагаются альтернативы «сильной руке», востребованность последней заметно снижается.

³² *О сходных по смыслу различиях в отношении к семье и гендеру в России и во Франции см. Магун 2009.*

³³ *Rokkan and Campbell 1960.*

Библиография

- Гудков Л.Д. (2009) «Природа „путинизма“» // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, № 3: 6—21.
- Дубин Б.В. (2006) «Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России» // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссия*, № 1: 14—25.
- Левада Ю.А. (1998) «Феномен власти в общественном мнении: парадоксы и стереотипы восприятия» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5: 9—15.
- Левада Ю.А., ред. (1993) *Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х*. М.: Мировой океан.
- Магун В.С. (2009) «Нормативные взгляды на семью у россиян и французов: традиционное и современное» // Малева Т. и О.Синявская, ред. *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 2*. М.: Независимый институт социальной политики: 139—162. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/93693317> (проверено 20.04.2019).
- Мельвиль А.Ю. (2017) «Неоконсервативный консенсус в России? (Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии)» // *Полития*, № 1: 29—45.
- «Потребительский статус». (2016) // *Левада-Центр*, 13.01. URL: <http://www.levada.ru/2016/01/13/potrebitelskij-status/> (проверено 11.01.2019).
- Рогов К.Ю. (2015) «„Крымский синдром“: механизмы авторитарной мобилизации» // *Контрапункт*, № 1: 1—18.
- Рогов К.Ю. (2016) «Политическая реакция в России и „партийные группы“ в российском обществе» // *Контрапункт*, № 6: 1—21.
- Урнов М.Ю. (2010) «Ниспровергнуть авторитарное большинство: непростая задача» // Иноземцев В.Л., ред. *Демократизация и модернизация: К дискуссии о вызовах XXI века*. М.: Европа: 73—88.
- Almond G. and S.Verba. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies*. Thousand Oaks: SAGE.
- Altemeyer B. (2006) *The Authoritarians*. Winnipeg: University of Manitoba.
- Bahry D. (1999) «Comrades into Citizens? Russian Political Culture and Public Support for the Transition» // *Slavic Review*, vol. 58, no. 4: 841—853.
- Brown A. (2015) «Questioning the Mythology of the Strong Leader» // *Leadership*, vol. 11, no. 3: 374—383.
- Chiozza G. and D.Stoyanov. (2017) «The Myth of the Strong Leader in Russian Public Opinion» // *Problems of Post-Communism*, vol. 65, no. 6: 419—433.
- Drutman L., L.Diamond, and J.Goldman, eds. (2009) *Follow the Leader. Exploring American Support for Democracy and Authoritarianism*. Washington: The Democracy Fund Voter Study Group.
- Foa R. and Y.Mounk. (2017) «The Signs of Deconsolidation» // *Journal of Democracy*, vol. 28, no. 1: 5—16.
- Greene S. and G.Robertson. (2017) «Agreeable Authoritarians. Personality and Politics in Contemporary Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 1, no. 1: 1—33.

Gundlach M., S.Zivnuska, and J.Stoner. (2006) «Understanding the Relationship between Individualism—Collectivism and Team Performance through an Integration of Social Identity Theory and the Social Relations Model» // *Human Relations*, vol. 59, no. 12: 1603—1632.

Hale H. (2017) «Russian Patronal Politics Beyond Putin» // *Daedalus*, vol. 146, no. 2: 30—40.

Hale H., eds. (2009) *The Myth of Mass Authoritarianism in Russia Public Opinion Foundation of a Hybrid Regime*. Washington: University of Washington.

Lühiste K. (2008) «Support for Strongman Rule in Ethnically Divided Societies: Evidence from Estonia and Latvia» // *Democratization*, vol. 15, no. 2: 297—320.

MacWilliams M. (2016) «Who Decides When the Party Doesn't? Authoritarian Voters and the Rise of Donald Trump» // *Politics*, vol. 49, no. 4: 716—721.

Mamonova N. (2019) «Understanding the Silent Majority in Authoritarian Populism: What Can We Learn from Popular Support for Putin in Rural Russia?» // *The Journal of Peasant Studies*, vol. 46, no. 3. URL: <https://doi.org/10.1080/03066150.2018.1561439> (accessed on 15.03.19).

McAllister I., T.Makkai, and J.Sheppard, eds. (2018) *Australian Values Study — 2018*. Melbourne: The Social Research Centre.

Miller S. (2017) «Economic Threats or Societal Turmoil? Understanding Preferences for Authoritarian Political Systems» // *Political Behavior*, vol. 39, no. 2: 457—478.

Muller J. (2016) *What is Populism?* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Norris P. and R.Inglehart. (2018) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. New York: Cambridge University Press.

Rigby R. and E.Rump. (1982) «Attitudes toward Authority and Authoritarian Personality Characteristics» // *The Journal of Social Psychology*, vol. 116, no. 1: 61—72.

Rokkan S. and A.Campbell. (1960) «Norway and the United States of America» // *International Social Science Journal*, vol. 12, no. 1: 66—99.

Welzel C. and A.Alexander. (2017) «The Myth of De-Consolidation: Rising Liberalism and the Populist Reaction» // *EconPapers*, Oct. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/zbwilewps/10.htm> (accessed on 12.02.2019).

Wike R., K.Simmons, B.Stokes, and R.Stewart, eds. (2017) *Globally, Broad Support for Representative and Direct Democracy*. Washington: Pew Research Center.

Womick J., T.Rothmund, F.Azevedo, L.King, and J.Jost. (2018) «Group-Based Dominance and Authoritarian Aggression Predict Support for Donald Trump in the 2016 U.S. Presidential Election» // *Social Psychological and Personality Science*, vol. 20, no. 10: 1—10.

Worth O. (2009) «Unravelling the Putin Myth: Strong or Weak Caesar?» // *Politics*, vol. 29, no. 1: 53—61.

A.O.Zemtsov
**“STRONG HAND”:
 AUTHORITARIANISM
 IN THE POLITICAL CULTURE
 OF MODERN RUSSIANS**

Artyom O. Zemtsov — Graduate Student at the Department of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, Intern Researcher at the Laboratory for Comparative Studies of Mass Consciousness of the Expert Institute of the National Research University *Higher School of Economics*.
 Email: artyom.zemtsov@gmail.com.

Abstract. The article presents the results of a quantitative study of authoritarianism in the political culture of modern Russians through its feature such as orientation to the “strong hand”. Based on the data of the Levada-Center mass surveys conducted on a representative all-Russian sample, the author compares various indicators of a “strong hand” orientation, examines their dynamics over the past three decades, and using regression analysis reveals the influence of socio-demographic factors on this orientation, determining the “social base” of authoritarianism in the post-Soviet Russia.

The author’s research confirms the high demand for a “strong hand” (authoritarianism) in the modern Russia. At the same time, it shows that as soon as the Russians are offered an alternative model of governance in the form of a system of separation of powers, especially one that is not of Russian specificity, the popularity of the “strong hand” noticeably decreases.

According to the author, there are different reasons why modern Russians crave for a “strong hand”. They include cultural inertia, the traditional sacredness of the image of a strong leader, a pragmatic, purposeful strategy to adapt to the existing political order, and the conscious exploitation of the corresponding mythologeme by the political regime — a kind of imitatory traditionalism of the state, for which the “strong hand” is an important symbolic resource. The institutional characteristics of the current regime in the country (state monopolization of many areas of public life, weak separation of powers, underdeveloped institutions and practices of civil control, etc.) also play an important role. In their turn, authoritarian orientations indirectly support its existence. Authoritarianism in the political culture of modern Russians is in harmony with the institutional structure of the authoritarian regime.

Keywords: “strong hand”, authoritarianism, political orientations, political culture, political consciousness, public opinion

References

- Almond G. and S.Verba. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies*. Thousand Oaks: SAGE.
- Altemeyer B. (2006) *The Authoritarians*. Winnipeg: University of Manitoba.
- Bahry D. (1999) “Comrades into Citizens? Russian Political Culture and Public Support for the Transition” // *Slavic Review*, vol. 58, no. 4: 841–853.
- Brown A. (2015) “Questioning the Mythology of the Strong Leader” // *Leadership*, vol. 11, no. 3: 374–383.
- Chiozza G. and D.Stoyanov. (2017) “The Myth of the Strong Leader in Russian Public Opinion” // *Problems of Post-Communism*, vol. 65, no. 6: 419–433.
- Drutman L., L.Diamond, and J.Goldman, eds. (2009) *Follow the Leader. Exploring American Support for Democracy and Authoritarianism*. Washington: The Democracy Fund Voter Study Group.
- Dubin B.V. (2006) “Simuljativnaja vlast’ i tseremonial’naja politika. O politicheskoj kul’ture sovremennoj Rossii” [Simulative Power and Ceremonial Politics. On the Political Culture of Modern Russia] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii* [Herald of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions], no. 1: 14–25. (In Russ.)
- Foa R. and Y.Mounk. (2017) “The Signs of Deconsolidation” // *Journal of Democracy*, vol. 28, no. 1: 5–16.
- Greene S. and G.Robertson. (2017) “Agreeable Authoritarians. Personality and Politics in Contemporary Russia” // *Comparative Political Studies*, vol. 1, no. 1: 1–33.
- Gudkov L.D. (2009) “Priroda „putinizma“” [Nature of Putinism] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii* [Herald of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions], no. 3: 6–21. (In Russ.)
- Gundlach M., S.Zivnuska, and J.Stoner. (2006) “Understanding the Relationship between Individualism—Collectivism and Team Performance through an Integration of Social Identity Theory and the Social Relations Model” // *Human Relations*, vol. 59, no. 12: 1603–1632.
- Hale H. (2017) “Russian Patronal Politics Beyond Putin” // *Daedalus*, vol. 146, no. 2: 30–40.
- Hale H., eds. (2009) *The Myth of Mass Authoritarianism in Russia Public Opinion Foundation of a Hybrid Regime*. Washington: University of Washington.
- Levada Yu.A. (1998) “Fenomen vlasti v obshchestvennom mnenii: paradoksy i stereotypy vosprijatija» [The Phenomenon of Power in Public Opinion: the Paradoxes and Stereotypes of Perception] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], no. 5: 9–15. (In Russ.)
- Levada Yu.A., ed. (1993) *Sovetskij prostoj chelovek: opyt sotsial’nogo portreta na rubezhe 90-kh* [Soviet Ordinary Man: Social Portrait Experience at the Turn of the 90s]. Moscow: Mirovoj okean. (In Russ.)

Lühiste K. (2008) “Support for Strongman Rule in Ethnically Divided Societies: Evidence from Estonia and Latvia” // *Democratization*, vol. 15, no. 2: 297–320.

MacWilliams M. (2016) “Who Decides When the Party Doesn’t? Authoritarian Voters and the Rise of Donald Trump” // *Politics*, vol. 49, no. 4: 716–721.

Magun V.S. (2009) “Normativnye vzgljady na sem’ju u rossijan i frantsuzov: traditsionnoe i sovremennoe” [Normative Views on the Family of Russians and French: Traditional and Modern] // Maleva T. and O.Sinyavskaya, eds. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem’e i obshchestve* [Parents and Children, Men and Women in the Family and Society]. Issue 2. Moscow: Nezavisimyj institut sotsial’noj politiki: 139–162. (In Russ.)

Mamonova N. (2019) “Understanding the Silent Majority in Authoritarian Populism: What Can We Learn from Popular Support for Putin in Rural Russia?” // *The Journal of Peasant Studies*, vol. 46, no. 3. URL: <https://doi.org/10.1080/03066150.2018.1561439> (accessed on 15.03.19).

McAllister I., T.Makkai, and J.Sheppard, eds. (2018) *Australian Values Study — 2018*. Melbourne: The Social Research Centre.

Melville A.Yu. (2017) “Neokonservativnyj konsensus v Rossii? Osnovnye komponenty, faktory ustojchivosti, potentsial erozii” [Neoconservative Consensus in Russia? (Main Components, Factors of Stability, Potential for Erosion)] // *Po-liteia*, no. 1: 29–45. (In Russ.)

Miller S. (2017) “Economic Threats or Societal Turmoil? Understanding Preferences for Authoritarian Political Systems” // *Political Behavior*, vol. 39, no. 2: 457–478.

Muller J. (2016) *What is Populism?* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Norris P. and R.Inglehart. (2018) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. New York: Cambridge University Press.

“Potrebitel’skij status” [Consumer Status]. (2016) // *Levada-Tsentr* (Levada-Center), 13.01. URL: <http://www.levada.ru/2016/01/13/potrebitelskij-status/> (accessed on 11.01.2017).

Rigby R. and E.Rump. (1982) “Attitudes toward Authority and Authoritarian Personality Characteristics” // *The Journal of Social Psychology*, vol. 116, no. 1: 61–72.

Rogov K.Yu. (2015) “„Krymskij sindrom“: mekhanizmy avtoritarnoj mobilizatsii” [“Crimean Syndrome”: Mechanisms of Authoritarian Mobilization] // *Kontrapunkt* [Counterpoint], no. 1: 1–18. (In Russ.)

Rogov K.Yu. (2016) “Politicheskaja reaktsija v Rossii i „partijnye grupy“ v rossijskom obshchestve” [Political Reaction in Russia and “Party Groups” in Russian Society] // *Kontrapunkt* [Counterpoint], no. 6: 1–21. (In Russ.)

Rokkan S. and A.Campbell. (1960) “Norway and the United States of America” // *International Social Science Journal*, vol. 12, no. 1: 66–99.

Urnov M.Yu. (2010) “Nisprovergnut’ avtoritarnoe bol’shinstvo: neprostaja zadacha” [Overturn an Authoritarian Majority: Quite a Task] // Inozemtsev V.L., ed. *Demokratizatsija i modernizatsija: K diskussii o vyzovakh XXI veka* [Democratization and Modernization: On the Discussion on the Challenges of the 21st Century]. Moscow: Evropa: 73–88. (In Russ.)

Welzel C. and A.Alexander. (2017) “The Myth of De-Consolidation: Rising Liberalism and the Populist Reaction” // *EconPapers*, Oct. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/zbwilewps/10.htm> (accessed on 12.02.2019).

Wike R., K.Simmons, B.Stokes, and R.Stewart, eds. (2017) *Globally, Broad Support for Representative and Direct Democracy*. Washington: Pew Research Center.

Womick J., T.Rothmund, F.Azevedo, L.King, and J.Jost. (2018) “Group-Based Dominance and Authoritarian Aggression Predict Support for Donald Trump in the 2016 U.S. Presidential Election” // *Social Psychological and Personality Science*, vol. 20, no. 10: 1–10.

Worth O. (2009) “Unravelling the Putin Myth: Strong or Weak Caesar?” // *Politics*, vol. 29, no. 1: 53–61.

политика

Е.И.Зеленев, Л.М.Исаев
РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ДЖИХАДА:
МИНИМАЛИЗМ
И МАКСИМАЛИЗМ В ИСЛАМЕ¹

¹ Со стороны Л.М.Исаева исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке гранта РФФ (№ 19-18-00155).

Евгений Ильич Зеленев — доктор исторических наук, профессор, руководитель департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: ezelenev@hse.ru.

Леонид Маркович Исаев — кандидат политических наук, зам. заведующего Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Российского университета дружбы народов; научный сотрудник Института Африки РАН. Для связи с автором: lisaev@hse.ru.

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция трактовки понятия «джихад» под углом зрения двух мировоззренческих платформ, представленных в системе взглядов интеллектуалов исламского мира, — минималистской и максималистской. В основе различий между этими платформами лежит несовпадение подходов к восприятию социальной реальности, а также базовых для ислама понятий истины и справедливости. Минимализм в принципе не исключает критическое отношение к окружающей действительности, в том числе в исламских государствах, а также локальную трактовку понятий «истина» и «справедливость». Максимализм же если и допускает критическую позицию, то только в случае государств, где не действуют исламские законы, и только с санкции высших религиозных авторитетов, а понятия истины и справедливости толкует как универсальные. В соответствии с исламскими морально-этическими нормами обе платформы имеют право на существование, и выбор между ними — индивидуальное дело каждого мусульманина. В итоге в исламских сообществах отдельных стран происходит расслоение не только элиты, но и уммы, в которой выделяется условно «системная» оппозиция, настроенная на диалог с властью, и оппозиция «несистемная», а priori этот диалог отвергающая.

По оценке авторов, события «арабской весны» стали следствием переноса раскола элиты на всю умму, что создало почву для внутрисламского напряжения, вытолкнувшего плохо организованную массу верующих на улицы арабских городов. Нынешний этап в развитии исламского сообщества характеризуется ими как период лиминальности, то есть структурного кризиса, сопряженного с политической и социальной нестабильностью,

изменением групповых и индивидуальных форм самоидентификации и резким когнитивным диссонансом среди простых верующих, при усилении тренда к реисламизации в странах неканонического ислама.

Ключевые слова: ислам, джихад, лиминальность, реисламизация, «арабская весна»

Как отмечает южноафриканский профессор философии Юсуф Вахид, на протяжении уже весьма продолжительного времени в системе взглядов интеллектуалов исламского мира прослеживаются две мировоззренческие платформы — минималистская и максималистская². В основе различий между этими платформами лежит несовпадение представлений о надлежащем восприятии социальной реальности, а также базовых для ислама понятий истины и справедливости применительно к существующему миропорядку. Минимализм в принципе не исключает критическое отношение (в дозволенных законом рамках) к окружающей социальной и политической действительности, в том числе в исламских государствах, а также локальную трактовку понятий «истина» и «справедливость» внутри отдельных стран. Максимализм же если и допускает критическую позицию, то только в случае государств, где не действуют исламские законы, и только с санкции высших религиозных авторитетов мусульманской уммы, а понятия истины и справедливости толкует как универсальные. В соответствии с исламскими морально-этическими нормами обе платформы имеют право на существование, выбор между ними — индивидуальное дело каждого мусульманина. При этом и максималисты, и минималисты руководствуются единой концепцией джихада, лишь по-разному ее интерпретируя. Таким образом, в исламских обществах отдельных стран происходит расслоение не только элиты, но и уммы, в которой выделяется условно «системная» оппозиция, настроенная на диалог с властью, и оппозиция «несистемная», а priori этот диалог отвергающая.

Начиная с сентября 2001 г. мир стал свидетелем открытого вооруженного противостояния между политизированной частью исламских радикалов (максималистов) и условным Западом, инициатива которого в значительной мере исходила от самих мусульман. Террористическая атака 11 сентября сделала невозможным «компромисс по умолчанию» между максималистами и минималистами, поскольку своими экстремистскими действиями радикалы спровоцировали ответную реакцию условного Запада во главе с США и их союзников в арабском мире, которую с разной степенью последовательности поддержали практически все члены ООН, включая РФ. Произошли вторжение в Афганистан, военные операции в Ираке, Ливии и Сирии, которые вкупе с событиями «арабской весны» подтолкнули арабо-исламский мир к состоянию «политической критичности» (в соответствии с геополитической доктриной Стивена Манна³).

² *Wahid 2011.*

³ *Mann 1992: 54–68.*

Внутренний конфликт между максималистами и минималистами приобрел внешнеполитический ракурс. Максималисты использовали конфронтацию с условным Западом как инструмент мобилизации мусульманских масс в целях преодоления конфликта с минималистами в условиях, когда исламская умма вступила в стадию лиминальности (то есть структурного кризиса, характеризующегося политической и социальной нестабильностью, изменением групповых и индивидуальных форм самоидентификации и резким когнитивным диссонансом среди простых верующих, — кризиса, знаменующего собой переход уммы к новому состоянию), а также расширения возможностей для реисламизации в странах неканонического ислама⁴.

⁴ См. Зеленов 2019.

События «арабской весны» можно рассматривать как следствие появления в исламском идеологическом пространстве двух противостоящих идеологических платформ, вокруг которых объединились представители не только исламской элиты, но и «народного» ислама. Раскол элиты оказался перенесен на всю умму, что создало почву для внутриисламского напряжения, вытолкнувшего плохо организованную массу верующих (отсюда и стихийная форма протеста, повсюду напоминавшего средневековую смуту — *фитну*) на улицы арабских городов⁵. Толпу вдохновляли, а порой и возглавляли активисты-максималисты, тогда как большинство интеллектуалов-минималистов оставалось дома, сочувствуя протестующим, но не желая бросать вызов своим государствам. Общество массового «народного» ислама раскололось на сторонников и противников революционных методов политической борьбы, на тех, кто готов был ждать, и тех, кто хотел действовать немедленно, пусть даже стихийно⁶.

⁵ См. Исаев и Шишкина 2014.

⁶ Lifintseva, Issaev, and Shishkina 2015.

В ходе «арабской весны» оба течения получили свое теоретическое обоснование. Минималисты, в рядах которых оказалось большинство мусульманских экспертов, исходят из принципа «*садд аз-зараи*», который диктует «заграждение путей, ведущих к тому, что запрещено шариатом»⁷. Иначе говоря, согласно их позиции, уличные демонстрации сами по себе могут и не содержать никаких признаков правонарушения, однако потенциально способны к нему привести. В подтверждение своей правоты богословы этого направления любят ссылаться на пророка Мухаммеда: «Не становитесь после меня неверными, которые рубят друг другу головы»⁸. Еще одним немаловажным аспектом, на котором фокусируют внимание мусульманские «охранители», выступает необходимость поддержания единства уммы, которое в ходе антиправительственных выступлений ставится под сомнение. В данном случае за основу берутся слова Корана: «Держитесь крепче за Его связующую вервь, и не делитесь меж собой, и помните с признанием ту милость, которой вас Он одарил: когда вы недругами были, ваши сердца в любви скрепил Он и милостью Его вы стали братья» (3:103)⁹.

⁷ О принципе «*садд аз-зараи*» см. Сюкияйнен 2013; Зеленов 2016; Shishkina and Issaev 2017.

⁸ Ал-Бухари 2003: 121.

⁹ Здесь и далее цитаты из Корана приводятся по изданию: Коран 2004.

В свою очередь максималисты не разделяют столь категоричного взгляда на уличные протесты, приводя при этом не менее серьезные доводы. Один из таких доводов, к которому прибегает, в частности, президент Всемирного союза мусульманских ученых авторитетнейший богослов

Юсуф ал-Кардауи, заключается в том, что массовые протесты относятся к гражданской, а не к религиозной сфере, а значит, по отношению к ним действует «презумпция дозволения»: что не запрещено, то разрешено. Как отмечает в связи с этим Леонид Сюкияйнен, «культовое правило не устанавливается иначе, как предписанием Аллаха, а мирские дела не отвергаются иначе, как запретом Аллаха»¹⁰. Из этого следует, что было бы ошибкой рассматривать протестные выступления в качестве «*бида*» (недопустимого новшества), поскольку данный термин обозначает лишь те нововведения, которые нарушают императивные нормы шариата. Другими словами, шествия и демонстрации должны быть поставлены в один ряд с такими новыми для мусульманского мира явлениями, как выборы, конституции, интернет и т.д., то есть с кругом вещей, относящихся к сугубо мирской жизни человека¹¹.

¹⁰ Сюкияйнен 2013: 28.

¹¹ Исаев 2017: 148.

Столь разные позиции по вопросу об отношении ислама к событиям «арабской весны» есть признак глубокого структурного кризиса не только духовной элиты, но всего исламского сообщества. Каждому мусульманину приходится самостоятельно делать нелегкий выбор между двумя диаметрально противоположными мнениями, что вызывает у многих рядовых верующих острый когнитивный диссонанс, ввергая умму в состояние лиминальности, поиска радикально новых форм политического бытования. Главное, что сегодня раскалывает духовные элиты арабо-исламских стран, — это вопрос о роли ислама в социальной и политической жизни общества, о его отношении к современному государству, к массовым акциям протеста, доказавшим свою эффективность в борьбе «народного» ислама с коррумпированными авторитарными режимами, существовавшими с молчаливого согласия лояльной части исламской духовной элиты. В последнее десятилетие в связи с вооруженными выступлениями оппозиции против официальных властей в регионе Ближнего Востока и Северной Африки не менее остро стоит вопрос о применимости к происходящему теории «внутреннего джихада».

Как следствие, локальная исламская умма, минуя фазу лиминальности, сразу переходит к реисламизации — комплексному преобразованию жизни общества и государства в соответствии с базовыми и модернизированными исламскими ценностями. Феномен реисламизации, получивший распространение в ряде арабских стран и многих странах южнее Сахары со значительным мусульманским населением, характеризуется повышением политической и военной активности максималистов, расширением деятельности экстремистских организаций, пассивностью минималистов на фоне ослабления институтов государственной власти и, главное, повсеместным применением различных интерпретаций теории джихада для обоснования не только вооруженной борьбы с немусульманами и «неправильными» мусульманами, но и всей деятельности по реисламизации уммы, включая сферу образования.

Иными словами, в тех мусульманских странах, где официальные власти эффективно борются с антигосударственным экстремизмом, разрешение конфликта между максималистами и минималистами проходит в мирной форме, что дает основание говорить о лиминальности.

Там же, где произошло схлопывание государственных структур в результате внешней интервенции, гражданских и религиозных войн, точнее вести речь об эффекте реисламизации.

Истоки джихада в исламе

Классическое исламское государство создавалось на базе монистической доктрины исламского халифата, который был призван объединить всех без исключения мусульман мира в границах одного государства под руководством единого правителя. Однако государство-халифат, охватывавшее всех мусульман, существовало только в первые примерно три десятилетия исламской истории. Уже в эпоху арабских завоеваний VII—VIII вв. мусульмане осознали, что исламским государствам (*дар ал-ислам*) могут противостоять враждебные и воинственные государства немусульманские (*дар ал-харб*). Тогда же возникло представление о джихаде как неотъемлемой части исламской политической доктрины. Со временем джихад стал основой исламского международного права в вопросе об отношении мусульман к немусульманам за пределами исламского государства¹².

¹² Hillenbrand
2009: 97.

На самом деле мусульманских и немусульманских интерпретаций джихада очень много. Еще в 657 г. военный конфликт между четвертым праведным халифом Али и правителем Сирии Муавиейей привел к расколу исламского сообщества на три группы — суннитов, шиитов и хариджитов. Каждая из этих групп сформировала свою иерархию политического и духовного лидерства, что давало им возможность использовать принципы джихада друг против друга. Так, наряду с суннитскими интерпретациями джихада, о которых пойдет речь в этой статье, стали появляться шиитские и хариджитские. Теория и практика джихада у суннитов тоже неоднократно модифицировались. Периодически менялись цели и объекты его применения. Смена приоритетов происходила весьма болезненно, сопровождалась расколами и даже междоусобными войнами внутри мусульманского сообщества, в том числе потому, что теория джихада фатально не поспевала за практикой.

Для понимания природы двойственности джихада обратимся к раннему исламу VII в., когда джихад как практика онтологически предшествовал формированию джихада как признанной доктрины. Дело в том, что первые мусульмане практиковали джихад как продолжение войн доисламского периода — эпохи *джахилийи*. Они вели войны в родоплеменной среде кочевников и полукочевников, но благодаря принципам джихада установили ограничения на военную активность, направив ее исключительно против врагов ислама.

По оценке американского исламоведа Майкла Боннера, джихад стал узнаваемым и вполне определенным понятием, подкрепленным идеями и различного рода доктринами, лишь к концу VII в.¹³, но ни тогда, ни в дальнейшем единства мнений по поводу его интерпретации в исламском сообществе не было. Теория, как правило, догоняла практику, корректировала ее, но не шла впереди — на протяжении всей истории ислама теория джихада оставалась «живым учением», а его практика если и нуждалась в теоретическом обосновании, то только *post factum*. И самое

¹³ Bonner 2006: 130.

главное: на каждом этапе джихад должен был иметь и имел вполне определенный объект приложения (кочевники-язычники, византийские христиане и иранские зороастрийцы, крестоносцы, французские, русские, английские колонизаторы и т.п.). При этом теоретики джихада обычно не занимались поиском врага — объект джихада находился сам собой.

Для начала рассмотрим генеалогию понятия «джихад». Корневая основа арабского слова *«juhd»* (старание), от которого оно происходит, употребляется в Коране 41 раз, но лишь в десяти случаях речь идет о ведении войны, а в остальных — о служении Всевышнему. Таким образом, в самой идеологии ислама отсутствует культ насилия. Коран призывает проповедовать ислам «с мудростью, увещанием и добром» (16:126), проявлять терпимость, быть снисходительным к тем, кто хочет жить в мире с мусульманами (8:63). В Коране сказано, что ислам — это религия компромисса: «Итак, Мы сделали вас общиной посредствующей, чтобы вы были свидетелями относительно людей и чтобы посланник был свидетелем относительно вас» (2: 143).

Во многих других случаях, когда в Коране обсуждается война, используются термины с корнями *«qtl»* и *«hrb»*. Строго говоря, примеры употребления там корня *«jhd»* не позволяют вести речь о какой-либо целостной доктрине или хотя бы ясной концепции. Поэтому есть основания утверждать, что доктрина джихада — более позднее изобретение, по-видимому относящееся ко второй половине VIII в.¹⁴

¹⁴ *Ibid.*: 22.

Как справедливо отмечает российский исламовед Залман Левин, «в мекканских сурах Корана не упоминается о джихаде как вооруженном противодействии идолопоклонникам и неверным, и это понятно, потому что Мухаммад проповедовал единобожие в языческой Мекке. Он формулировал для своих последователей главным образом религиозные и моральные, а не правовые и политические предписания. Джихад как долг мусульман, состоящий в установлении в мире власти шариата, был вменен мусульманам только после переселения Пророка и его соратников из Мекки в Медину, когда сложилось ядро мусульманской общины и утвердилась мессианская идея распространения ислама на земле»¹⁵.

¹⁵ *Левин 2014*: 98.

Предпосылки джихада как идеи и практики возникли еще при жизни пророка Мухаммада (570—632 гг.). О применении силы ему пришлось думать после 622 г., в Медине, когда он приступил к созданию государства и столкнулся с конкуренцией со стороны христиан и особенно иудеев, а также начал вооруженную борьбу с Меккой. Случилось так, что ислам стал развиваться как духовное и моральное учение и параллельно как военное предприятие во имя этого учения. Эта комбинация (сочетание духовной трансформации и военных действий) и вызвала к жизни исходную форму арабо-исламской государственности — халифат.

Джихад имел большое значение в ранних исламских войнах начиная с 630 г. и вплоть до падения династии Омейядов. В частности, Омейяды развивали имперскую идеологию джихада, фактически основав «империю джихада», репутация которой всецело зависела от военных успехов. У истоков имперской теории джихада стоял юрист ал-Авзаи, который поддерживал идею о том, что омейядские халифы

¹⁶ Abu Yusuf 1938: 20.

должны генерировать исламские законы, создающие теоретико-правовую основу для практического джихада¹⁶.

Сменившие Омейядов в 750 г. Аббасиды уже не проводили столь экспансионистской политики, как их предшественники. В связи с этим «имперский джихад» отошел на второй план, утратив при новой династии роль основополагающей доктрины. Аббасидские халифы культивировали образ «халифа-гази», который лишь время от времени прибегал к джихаду. В итоге джихад при Аббасидах перестал носить перманентный характер.

Эта тенденция продолжилась и в последующие годы. В середине X в. в исламском мире существовало три халифата: Аббасидов в Багдаде, Омейядов в Испании и Фатимидов в Египте. Каждый из халифов имел право объявлять джихад, используя созданную под знамена джихада армию даже для войны друг с другом.

Джихад мусульман против мусульман

¹⁷ По форме *сийар* — это множественное число от арабского слова *сира*, которое означает поведение, образ жизни и имеет отношение к определенному жанру в средневековой арабской литературе — жизнеописаниям пророка Мухаммада. В качестве раздела мусульманского права *сийар* включает в себя совокупность норм, которыми должно руководствоваться мусульманское государство применительно к немусульманским странам и народам как в мирное, так и в военное время. *Сийар* содержит также правила, которым надлежит следовать мусульманину в отношениях с мятежниками, вероотступниками, иностранцами и иноверцами внутри исламских стран.

Позднее внутри мусульманского права возникло отдельное направление «*сийар*»¹⁷, регламентировавшее отношения мусульман с немусульманским миром¹⁸. Считается, что первым из мусульманских правоведов это понятие употребил выдающийся теолог Абу Ханифа. Толчок дальнейшей разработке исламской политической доктрины дало падение Багдадского халифата под ударами монгольской армии в 1258 г. Ведущие теологи-правоведы стали заявлять, что в надлежащем виде халифат существовал только первые 30 лет после смерти Мухаммада, при так называемых «праведных халифах».

Шейх уль-ислам ибн Таймийа, один из виднейших представителей ханбалитского мазхаба в мамлюкскую эпоху, допускал наличие не одного, а многих имамов, которым должны подчиняться мусульмане, а значит — и нескольких равноправных мусульманских государств, которым предстояло учиться взаимодействовать друг с другом. Всемирное исламское государство, по его мнению, могло выступать в качестве естественной конфедерации мусульманских стран¹⁹.

Выдающийся философ и историк Ибн Халдун признавал право султанов выполнять функции халифов в отдельных мусульманских странах, удаленных друг от друга²⁰. Тем самым он тоже *de facto* считал возможным существование нескольких халифатов, что, по сути, означало расширение поля применения концепции джихада, поскольку имамы, не говоря уже о халифах, обладали полномочиями объявлять джихад по своему усмотрению.

Подобная установка отражала дезинтеграцию исламского мира в постмонгольский (после XIII в.) период и возникновение множества независимых исламских государств, что в свою очередь повлекло за собой изменения в исламской международной политической доктрине. Войны между мусульманами стали таким же обычным явлением, как и войны с немусульманами, то есть неверными. Поскольку ислам запрещал (и запрещает) пролитие крови единоверцев (4:92) и вообще все виды войн, кроме «религиозных», ведущихся «по пути Аллаха», а шариат не содержит никаких указаний по поводу внутриисламских

¹⁸ Khadduri 1955: 46—48.

¹⁹ См. Курбаев 2005.

²⁰ Ibn Khaldun 1958.

вооруженных конфликтов и внутриисламских межгосударственных отношений *per se*, «*суйар*» стал руководством к осуществлению всех видов исламской внешней политики²¹.

²¹ *Dekkiche 2019: 116—117.*

Примерно в это же время джихад начал применяться к внутриисламским войнам. Если мусульманский правитель вступал в вооруженное противоборство с правителем-единоверцем, он нуждался в аргументации, которая бы обосновывала правомерность его действий. Джихад как способ легитимации войны базировался на двух важных обстоятельствах. Во-первых, объявляя джихад, исламский лидер апеллировал к надгосударственному уровню исламской солидарности — умме, тем самым существенно усиливая свои позиции. Во-вторых, война в форме джихада, согласно шариату, представляла безусловно справедливой, имеющей благие с религиозной точки зрения цели (то есть богоугодной)²².

²² *Har-El 1995.*

Поскольку отступление мусульманского государства от шариата считалось достаточным основанием для его наказания, под предлогом защиты шариата мусульманский владыка мог использовать джихад как государственный инструмент, направляя его против любого правителя-единоверца. Это расширенное толкование джихада, получившее распространение в постмонгольский период, позволяло задействовать его и против политической оппозиции, включая мятежников и сепаратистов, а также религиозных инакомыслящих, обвиняемых в ереси и отступничестве.

Объявлению внутриисламского джихада обычно предшествовало обвинение в неверии. Соответствующая декларация оформлялась (и оформляется) как официальное заявление духовного главы уммы — имама (фетва). Провозглашение джихада в форме фетвы означало, что все признающие религиозный авторитет конкретного имама признают законность и справедливость объявленной им войны.

Серьезные политические санкции могли быть применены и к мусульманским государствам, обвиняемым в «порочности» (*фасад*), «тирании» (*джавр*) и «угнетении» (*зулм*). Для объявления джихада таких обвинений было, правда, недостаточно, но они использовались как дополнительные аргументы для подкрепления обвинения в неверии. Активно прибегали к подобным методам, в частности, мамлюкские султаны, причем не только во внутриисламской политической борьбе, но и в борьбе против немусульман²³. Впрочем, в отличие от джихада по отношению к единоверцам, требовавшего соотнесения с принципами справедливости по шариату, в случае объявления его против немусульман в этом не было нужды, поскольку их «неверие» считалось само собой разумеющимся.

²³ *Ibid.: 11*

Начало нового исторического этапа в эволюции теории джихада положило взятие Константинополя — трансцендентальная религиозная цель, достичь которую удалось только в 1453 г., причем не арабу, а турку — султану Мехмеду II. Наступил очередной и достаточно продолжительный период лиминальности, поскольку тема джихада у Османов

имела много вариаций — от отрицания его в качестве обоснования военных действий до абсолютизации джихадистских принципов. Однако в целом следует отметить, что Османская империя не часто прибегала к джихаду для оправдания проводимой ею военной политики. Иными словами, участие Стамбула в войнах носило не столько (или, во всяком случае, не только) религиозный, сколько политический характер.

Лишь к концу XIX в. османские султаны попытались обрести прерогативы халифов, а следовательно, и монополию на разработку и применение доктрины джихада (на этот раз против европейской колонизации). Но эта попытка не увенчалась успехом, поскольку, вступив в 1914 г. в Первую мировую войну на стороне Центральных держав, Османская империя эту войну проиграла, а объявленный ею джихад Франции, Англии и России пропагандировался Берлином столь прямолинейно, что его нередко называли «сделанным в Германии»²⁴.

²⁴ *Bonner 2006: 146.*

Современные трактовки джихада

Примерно в этот же период начала формироваться альтернативная, уже «оборонительная» концепция джихада. Если при Омейядах и Аббасидах и отчасти при Османах джихад служил обоснованием захватнических войн, то в конце XIX — первой половине XX в. многие мусульманские мыслители стали по-новому смотреть на ислам в целом и джихад в частности. В их числе стоит упомянуть известного исламского реформатора Саида Ахмад-хана, модернизировавшего классическую доктрину джихада. Он и его единомышленники утверждали, что джихад возможен лишь в случае незаконного угнетения или нарушения права верующих исповедовать свою веру, в других ситуациях объявлять джихад, тем более в вооруженной форме, не следует. Если джихад и может быть применен, то только в своей «либеральной» версии, как средство помочь мусульманам встать на путь реформ, отвечающих исламской специфике²⁵. Пытаясь представить джихад как сугубо оборонительную доктрину, мусульманские юристы ссылались исключительно на те аяты Корана, в которых речь шла о стремлении мусульман к миру.

²⁵ *См. Abbas Khan 2018.*

К сторонникам умеренности в джихаде можно отнести и основателя ассоциации «Братья-мусульмане» школьного учителя из Египта Хассана ал-Банну. В своих работах ал-Банну отмечал, что «покуда нет на земле общины, всецело следующей шариату, все мусульмане остаются погрязшими в грехах, ибо они повинны перед Богом в том, что неспособны создать такую общину»²⁶. С его точки зрения, тем средством, благодаря которому подобная община могла бы появиться, выступает джихад. Отсюда идейное кредо «Братьев-мусульман»: «Аллах — наша цель, Пророк — наш вождь, джихад — наш путь, смерть на пути Аллаха — наше высшее стремление»²⁷.

²⁶ *Al Banna 1978: 32.*

²⁷ *Al Jazeera 2008.*

В интерпретации ал-Банну джихад (как борьба за государство «истинного ислама») тесно переплетался с такими понятиями, как «патриотизм» (*ватанийа*) и «исламский национализм» (*каумийа ал-умма*). Более того, для достижения конечной цели «Братьев-мусульман» —

возрождения халифата и утверждения планетарного мусульманского единства²⁸ — он допускал (на первоначальных этапах) сотрудничество с секуляристами, находившимися у власти в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки²⁹.

²⁸ *Rozenthal 1965:*
117.

²⁹ *Sharabi 1966:*
110.

В этом его поддерживали даже приверженцы более жесткой линии среди «Братьев-мусульман», в том числе Мухаммад ал-Газзали, доказывавший, что, если где-то у власти находится «национальное» правительство, которое не стремится к объединению всей исламской уммы и установлению исламского правления (*дар ал-ислам*), но при этом защищает веру и обеспечивает выполнение предписаний ислама, мусульманин должен ему подчиняться³⁰. А значит, такому правительству не может быть объявлен джихад.

³⁰ *Shafran 1961:*
242.

К слову, аналогичных взглядов придерживался видный религиозно-политический деятель Индии и Пакистана Абу Ала ал-Маудуди. Указанный подход он именовал «вынужденным», подчеркивая, что подобные правительства хотя и ограничивают влияние религии сферой индивидуального бытия, все же оставляют надежду на последующую постепенную реисламизацию общественно-политической жизни социума³¹. Свою позицию он оправдывал ссылкой на известный эпизод из истории мусульманской общины в Медине, когда Мухаммад заключил с евреями договор о сосуществовании (*муахада*)³². В то же время Маудуди не исключал революционного насилия ради преодоления препятствий на пути к исламскому государству. «Джихад, — утверждал он, — такая же обязанность мусульманина, как ежедневная молитва и пост. Тот, кто уклоняется от этого, — грешник»³³.

³¹ *Левин 1988:* 115.

³² *Smith 1966:*
139—140.

³³ *Maududi 1968:* 26.

Альтернативные концепции джихада стали появляться в середине XX в. и связаны с именем египетского идеолога «Братьев-мусульман» Сейида Кутба. Если ал-Банна, исходя из коранического аята «нет принуждения в религии» (2:257), рассматривал применение силы как последнее средство, к которому следует прибегать лишь тогда, когда попытки использовать механизм убеждения не увенчались успехом и нет иного пути защитить ислам и единство уммы³⁴, то Кутб считал ошибкой представление, будто ислам призывает к джихаду только ради защиты веры и мусульманской общины. Времена и обстоятельства, доказывал он, меняются — и требуют адекватных им форм ведения «священной войны»³⁵.

³⁴ *Al Banna 1978:*
109.

³⁵ *Левин 2014:* 35.

Вопреки традиции Кутб делил человечество не на мусульман и немусульман, а на мусульман, строго придерживающихся шариата, и «неверных», исключая какой-либо компромисс и мирное сосуществование между ними. С его точки зрения, исламскому правлению (*дар ал-ислам*) соответствуют лишь те государства, которые руководствуются шариатом, остальное — территория неверия (*дар ал-харб*)³⁶.

³⁶ *Qutb 1961:* 148.

Идеи Кутба, возрождавшие концепцию «внутриисламского» джихада, нашли немало последователей в среде исламских максималистов, которые видели свою первоочередную задачу в борьбе с «внутренним врагом» и ликвидации институтов «варварского общества», мешающих

правоверным жить согласно своим убеждениям, и обвиняли мусульман, не разделявших их взгляды, в вероотступничестве, нарушении основных установлений ислама, уклонении от пути, указанного Кораном, и преклонении перед Западом³⁷.

³⁷ Левин 2014: 11.

Так, один из руководителей египетского экстремистского движения «ал-Джихад» Мухаммад ал-Фараг, ссылаясь на работы ибн Таймийи, напоминал мусульманам об их «забытом долге» в виде священной войны ради создания «государства ислама» и восстановления халифата. В связи с этим он считал необходимым объявление джихада и правительству своей собственной страны, «которое встало на службу неверным» и подлежит физическому уничтожению³⁸. Впоследствии ал-Фараг даже объявил джихад шестым столпом ислама, наряду символом веры, пятикратной молитвой, постом, налогом в пользу нуждающихся и паломничеством в Мекку³⁹.

³⁸ См. Sagetan 2004; Fawaz 2005.

³⁹ См. Левин 2014.

Члены отколовшегося от «Братьев-мусульман» движения «Ат-такфир ва-л-хиджра» и вовсе полагали вероотступниками всех современных мусульман, призывая своих сторонников к джихаду ради захвата власти в Египте и образования «образцовой мусульманской общины» в качестве основы для реисламизации египетского общества⁴⁰.

⁴⁰ Там же: 13—14.

Сходную позицию занимала и созданная в 1950-е годы Партия исламского возрождения. Заявляя своей конечной целью воссоздание халифата, Партия провозглашала необходимость джихада против «неверных», в том числе и с использованием террористических методов. Важно, однако, отметить, что в данном случае джихад рассматривался как способ «исправления человека, общества и государства в духе истинного ислама»⁴¹.

⁴¹ Fahmi 1979: 381.

Подобного рода идеи по сей день популярны среди членов террористических группировок. Джихад для них — это главным образом священная война, которую ведут, не щадя жизни, «ради того, чтобы превыше всего было слово Аллаха»⁴². Здесь уместно процитировать слова одного из смертников, захвативших заложников в Театральном центре на Дубровке в Москве: «Мы хотим умереть сильнее, чем выжить»⁴³. Весьма показателен в этом плане и следующий пассаж из обращения дагестанского «Исламского Джамаата» к силовым структурам Дагестана: «Мы не остановимся ни перед чем, будем призывать и отстаивать путь Аллаха, путь Единобожия не только в Дагестане и на Кавказе, но и на всем земном шаре. И горе тем, кто поднимет меч! Ибо скрестить его придется с мусульманами, для которых смерть на пути Аллаха так же желанна, как для неверных — их ничтожная жизнь»⁴⁴.

⁴² Ал-Бухари 2003: 464.

⁴³ Цит. по: Левин 2014: 108.

⁴⁴ Там же.

Но, несмотря на широкое распространение радикальных взглядов на джихад, умеренное его толкование тоже получило свое развитие. Как пишет, к примеру, суданец Таха Ибрагим, «жизнь, появление новых качеств человеческой цивилизации вынуждают нас принимать законодательные системы и акты, формы хозяйствования, адекватные требованиям этой цивилизации»⁴⁵. С его точки зрения, понятие «джихад» шире, чем «сражение», при том что предполагает

⁴⁵ Там же.

и ведение военных действий. И хотя распространение ислама неизбежно сопровождалось войнами, сегодня война на путях Аллаха неприемлема.

В настоящее время мы сталкиваемся с двумя трактовками джихада — узкой, при которой он сводится к вооруженной войне за веру, и широкой, когда он связывается прежде всего с индивидуальным моральным самосовершенствованием. Очевидно, что в первом случае мы имеем дело с религиозным экстремизмом, а во втором — с духовным развитием личности. Однако и в том, и в другом случае джихад в современной его интерпретации — это инструмент достижения справедливости. Согласно минималистскому подходу, мусульманин должен защищать себя от внешней угрозы, если она понятна и несомненна. Что касается глобальной несправедливости, то джихад против нее допустим, но не обязателен, по крайней мере в вооруженной форме. Максималистский же подход распространяет исламский принцип справедливости на все человечество, что делает отстаивание этого принципа во всех предписанных шариатом формах, в том числе с помощью джихада, обязательным для мусульман. Обе трактовки имеют под собой основания, и, как и в Средние века, выбор одной из них — личное дело каждого мусульманина.

Объявляя волю свободной личности выше исламского закона, воплощенного в фетве, получившая широкое распространение в исламском интеллектуальном пространстве концепция максимализма и минимализма предполагает, что мусульманин может отказаться от неприемлемой для него формы джихада⁴⁶. Но такая позиция содержит в себе логическую нестыковку, открывая возможность для так называемого «индивидуального джихада», чем нередко пользуются экстремистски настроенные люди, вступающие на путь террора. Будучи внешне весьма умеренной, эта концепция, по сути, оправдывает существование «несистемной» оппозиции (насильственной и ненасильственной) и, как следствие, участие в ней приверженцев максималистского взгляда на джихад.

⁴⁶ *Wahid 2011.*

Между «малым» и «большим» джихадом

Итак, на протяжении всей истории ислама в мусульманском обществе, как, впрочем, и за его пределами, отсутствовало единое мнение по поводу джихада. Истоки подобного интерпретационного разнообразия восходят к знаменитому хадису, в котором пророк Мухаммад говорит о двух джихадах — великом (большом) и малом: «Воины пришли к Посланнику Аллаха (Мир ему) и Он (Мир ему) сказал: „Вы достигли лучшего, пройдя путь от малого джихада до великого джихада“. И они спросили: „Что такое великий джихад?“ Он сказал: „Борьба раба (божьего) со своими желаниями (наклонностями)“»⁴⁷. Узкая трактовка джихада, нашедшая воплощение в комплексе доктрин и практик, фокусирующихся на насилии и ведении войн, соотносится с «малым джихадом», а более широкая, распространяющая

⁴⁷ *Al-Bayhaqi 1987: 165.*

джихад не только на военные, но и на невоенные сферы жизнедеятельности, — с «большим».

Расширенное толкование джихада формировалось в исламе постепенно, в том числе и под влиянием суфизма с его отчетливо эзотерической природой. Постепенно джихад стали понимать прежде всего как внутреннее самосовершенствование на пути к Аллаху и лишь в особых обстоятельствах — как военное предприятие. Возникло представление о четырех типах джихада: джихад меча («малый джихад»), джихад сердца (борьба с собственными дурными наклонностями), джихад языка (предписывающий требовать одобряемого и избегать говорить порицаемое) и, наконец, джихад руки (воспрепятствование совершению греховных деяний, санкции в отношении преступников и нарушителей нравственности)⁴⁸.

⁴⁸ Ибрагим
и Сагадеев 1991:
66—67.

К моменту становления джихада как идеологического учения и теоретической системы во второй половине VIII в. считалось само собой разумеющимся, что джихад уполномочен объявлять исключительно халиф и направлен он может быть только против немусульман. Примерно с середины X в. в исламском мире получил распространение институт светского правителя — султана, который мог существовать параллельно с халифом, что привело к разделению военно-политической и религиозно-правовой власти. Султан был не вправе объявлять джихад без санкции халифа, а тот, в свою очередь, не обладал необходимой для его ведения военной силой и политической властью. С этого времени актуальным для исламского права стал вопрос о том, кто и каким образом может объявлять джихад, прежде всего военный.

После монгольского завоевания XIII в., особенно после принятия ислама частью подданных Газан-хана (1295 г.), которые, несмотря на внешнюю исламизацию, продолжали воевать с мусульманами, ставшими их единоверцами, актуализировался вопрос, можно ли объявлять джихад против мусульман и, если да, при каких обстоятельствах. Необходимость получить правовой ответ на этот вопрос остро встала перед исламским правоведом (факихами), когда армия Газан-хана заняла Халеб (1299 г.), Хомс (1299 г.) и наконец Дамаск (1300 г.), отвоевав их у мамлюков. Именно эти события побудили мусульманского богослова ибн Таймийю предложить новую интерпретацию джихада. Центральное место в ней занял джихад внутри мусульманского мира (*дар ал-ислам*), что прежде казалось невозможным, поскольку ислам запрещает пролитие крови единоверцев (4:92). Ибн Таймийа не признавал мусульманами монгольских правителей Ирана и Ирака, которые, приняв ислам, отвергали шариат и продолжали жить по закону о династии (*яса*), установленному не Богом, а человеком. Гнев ибн Таймийи обрушивался и на тех мусульман, которые признали власть монгольских правителей, заражаясь от них запретными новшествами и еретическими идеями. Он утверждал, что против отвергающих закон ислама следует вести войну, пусть даже они дважды произнесут формулу веры⁴⁹. Призыв перероентировать джихад с Запада (против христиан) на Восток (против

⁴⁹ Ahmad 1989: 13.

монголов и их подданных-мусульман) кардинально менял традиционный смысл джихада.

Хотя подобные идеи не получили всеобщей поддержки среди мусульманской духовной элиты и рядовых верующих, они породили спор вокруг интерпретаций джихада. Исламским правоведам предстояло найти ответ уже на два вопроса: кто может объявить джихад и против кого он может быть направлен? Отсутствие ясности и разногласия по этим вопросам подрывали стабильность исламских государств, породили раскол и поляризацию уммы, которая погружалась в состояние лиминальности — своеобразную «болезнь роста», сопряженную с перенастройкой целеполагания в рамках доктрины джихада, поиском и корректировкой образа врага, реконструкцией иерархии ценностей и основ самоидентификации личности⁵⁰.

⁵⁰ Зеленов
2019:10—17.

Сегодня, как и в те времена, состояние лиминальности характеризуется одновременным наличием в исламском сообществе нескольких интерпретаций джихада, нередко исключаящих друг друга, что, в свою очередь, связано с двойственным его пониманием.

Дело в том, что максималисты считают приоритетными обязанности мусульманина перед уммой (*фард ал-кифайа*), тогда как минималисты на первое место ставят личную ответственность человека перед Всевышним (*фард ал-айн*). В максималистской трактовке вооруженный (то есть «малый») джихад, будучи объявлен, становится обязанностью мусульманина, не выполнив которую он совершает религиозное предательство. Минималистская же интерпретация открывает перед мусульманином свободу выбора, ответ за который он держит непосредственно перед Всевышним. Таким образом, вопрос о том, придерживаться ли «большого джихада», либо включиться в вооруженную борьбу («малый джихад»), либо, наконец, принять комбинированную трактовку, понимая под джихадом как вооруженную борьбу, так и личное самосовершенствование, стоит перед каждым мусульманином во всем мире. Ориентация на умму требует от него безусловного подчинения рекомендациям признанных религиозных авторитетов (халифа, муфтия, имама и т.д.), тогда как долг перед Всевышним порождает личную ответственность за содеянное.

* * *

Страны условного Запада и близкие им по духу социумы многие столетия руководствовались идеей Платона, согласно которой движение от примитивного порядка вещей к цивилизованному, от провинциального мира к космополитичному, от местного кругозора к глобальному есть движение от частных привязанностей к универсальному разуму⁵¹. Ислам, особенно в его суннитской версии, стоит на антиплатоновских позициях, сохраняясь как партикуляристская вера, допускающая у своих адептов групповые (семейные, родовые, племенные, даже этнические) привязанности, если они не вступают в противоречие с постулатом единобожия — *таухидом*. Исламская умма — это лишь

⁵¹ Платон 2018.

матрица, внешняя оболочка, которая накладывается на многообразные формы партикулярного сознания, как бы аккумулируя частные привязанности ради общего единства⁵².

⁵² См. Коротаев, Исаев и Руденко 2015; Korotayev et al. 2016.

⁵³ Al Afghani 1942.

Основоположник и теоретик панисламизма Джамаль ад-Дин ал-Афгани в работе «Опровержение материалистам»⁵³ утверждал, что единство исламской уммы строится не на отрицании, а на поглощении частных привязанностей, включая этнические и национальные: они не отменяются уммой, а подчиняются ее интересам. Ибн Халдун разработал понятие групповой солидарности (*асабийя*), которое стало важным теоретическим обоснованием сохранения локальных привязанностей. Крупнейший арабо-исламский просветитель XX в. Саты ал-Хусри видел в *асабийе* важный элемент арабского этнического самосознания, эквивалентный европейской национальной солидарности, но гораздо более гибкий и гармонирующий с реальностью⁵⁴.

⁵⁴ См. Ibn Khaldun 1939; Turchin 2003; Korotayev and Khalhourina 2006.

Концепция «людей Писания», органично вплетенная в концепцию джихада, не просто позволяла, но даже предписывала мирное сосуществование мусульман с приверженцами двух других авраамических религий — христианства и иудаизма. Сегодня это может показаться удивительным, но ислам действительно допускал (и допускает) религиозный и этнический партикуляризм в рамках исламского государства — халифата⁵⁵ (разумеется, на определенных условиях, в частности, если между мусульманами и немусульманами-монотеистами заключен соответствующий договор — *акд*).

⁵⁵ См. Maududi 1939, 1968; Abduh 1966; Левин 1988; Фролова 2006; Iqbal 2013.

Иными словами, все исламисты стремятся к установлению планетарной власти шариата. Но одни предлагают начинать с введения шариатского правления в одной стране как первого шага к «исламскому государству», другие же выступают за широкий фронт в борьбе против гегемонии «богопротивного» Запада⁵⁶. Максималисты расходятся с минималистами в вопросе о методах и средствах достижения этой цели в современном мире. В первую очередь их разделяют представления о дозволенных формах джихада — «священной войны» с неверными, а также понимание того, кого считать неверным.

⁵⁶ Левин 2014: 17.

Библиография

Зеленев Е.И. (2016) «Фитна как форма и метод политического протеста в арабских странах» // Саватеев А.Д. и А.Р.Шишкина, ред. *Арабский кризис: угрозы большой войны*. М.: УРСС: 95—122.

Зеленев Е.И. (2019) «Ислам в современной Африке: лиминальность и реисламизация Азии и Африки» // *Азия и Африка сегодня*, № 7: 10—17.

Ибрагим Т.К. и А.В.Сагадеев. (1991) «Джихад» // Прозоров С.М., ред. *Ислам: энциклопедический словарь*. М.: Наука: 66—67.

Исаев Л.М. (2017) «От фитны к сауре: метаморфозы арабо-мусульманских протестных движений» // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, № 2: 146—156.

Исаев Л.М. и А.Р.Шишкина. (2014) «Соблазненные революции» // *Полития*, № 2: 21—33.

Кирабаев Н.С. (2005) «На путях политико-религиозного догматизма: Ибн-Таймия» // Кирабаев Н.С. *Политическая мысль мусульманского средневековья*. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов: 100–144.

Коран / Пер. с арабского В.Пороховой. (2004) М.: Рипол классик.

Коротаев А.В., Л.М.Исаев и М.А.Руденко. (2015) «Формирование афразийской зоны нестабильности» // *Восток*, № 2: 88–99.

Левин З.И. (1988) *Ислам и национализм в странах зарубежного Востока*. М.: Наука.

Левин З.И. (2014) *Очерки природы исламизма*. М.: Институт востоковедения РАН.

Платон. (2018) *Государство*. М.: Эксмо.

Сюкияйнен Л.Р. (2013) «„Арабская весна“ и исламская правовая мысль» // *Право. Журнал Высшей школы экономики*, № 1: 16–37.

Фролова Е.А. (2006) *История арабо-мусульманской философии: Средние века и современность*. М.: Институт философии РАН. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2006/Frolova1.pdf> (проверено 5.10.2019).

Abbas Khan A. (2018) «Sir Syed Ahmad Khan and his Pluralistic Vision» // *Pakistan Vision*, vol. 19, no. 2: 106–188.

Abduh M. (1966) *The Theology of Unity*. London: Allen & Unwin.

Abu Yusuf Y. (1938) *Kitab al-radd' ala siyar al-Awza'i* [Refutation of the Moral Teachings of al-Awza'i]. Hyderabad: Lajnat Ihya al Maarif al Numaniyya. (In Arab.)

Ahmad S.B. (1989) «Conversion from Islam» // Bosworth C., Ch.Issawi, R.Savoy, and A.Udovitch, eds. *The Islamic World from Classical to Modern Times*. Princeton: Princeton University Press: 3–25.

Akhtar S. (2012) «Evolution of Syed Akhmad Khan's Religious Thought: A Note» // *Proceedings of the Indian History Congress*, vol. 73: 1012–1015.

Al Afghani J. (1942) *Refutation des Materialistes*. Paris: Paul Geuthner.

Al Banna H. (1978) *Five Tracks of Hassan Al-Banna*. Berkeley. Los Angeles: University of California Press.

Al Bayhaqi A. (1987). *Kitab al-Zuhd al-Kabir* [The Great Book of Asceticism]. Beirut: Dar al-Jinan. (In Arab.)

Al Jazeera. (2008). *Rise of the Muslim Brotherhood*. URL: <https://www.aljazeera.com/focus/arabunity/2008/02/2008525185757654836.htm> (accessed on 18.10.2019).

Bonner M. (2006) *Jihad in Islamic History: Doctrines and Practice*. Princeton: Princeton University Press.

Dekkiche M. (2019) «Mamluk Diplomacy: the Present State of Research» // Bauden F. and M.Dekkiche, eds. *Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies: Studies on Diplomacy and Diplomats*. Leiden, Boston: Brill: 105–182.

Fahmi J. (1979) *Usus al-Taqqadum Anda Mufaqqiri al-Islam fi-l-Alam al-Arabi al-Hadis* [Basis of Progress for the Thinkers of Islam in the Modern Arab World]. Beirut: Al-Mu'assasa al-Arabiyya li-l-Dirasat wa-l-Nashr. (In Arab.)

- Fawaz G. (2005) *The Far Enemy: Why Jihad Went Global*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Har-El S. (1995) *Struggle for Domination in the Middle East: The Ottoman-Mamluk War 1485—1491*. Leiden, New York, Koln: E.J.Brill.
- Hillenbrand C. (2009) *The Crusades: Islamic Perspectives*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Ibn Khaldun. (1958) *The Muqaddimah: An Introduction to History*. New York: Pantheon Books.
- Iqbal M. (2013) *The Reconstruction of Religious Thought in Islam*. Stanford: Stanford University Press.
- Khadduri M. (1955) *War and Peace in the Law of Islam*. Baltimore: John Hopkins Press.
- Korotayev A., L.Issaev, A.Shishkina, M.Rudenko, and E.Ivanov. (2016) «Afrasian Instability Zone and Its Historical Background» // *Social Evolution & History*, vol. 15, no. 2: 120—140.
- Korotayev A. and D.Khaltourina. (2006) *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends in Africa*. Moscow: URSS.
- Lifintseva T., L.Issaev, and A.Shishkina. (2015) «Fitnah: The After-life of a Religious Term in Recent Political Protest» // *Religions*, vol. 6, no. 2: 527—542.
- Mann S. (1992) «Chaos Theory and Strategic Thought» // *Parameters*, vol. 22, no. 4: 54—68.
- Maududi A. (1939) *Jihad in Islam*. Lahore: Islamic Publication.
- Maududi A. (1968) *The Process of Islamic Revolution*. Lahore: Islamic Publications.
- Qutb S. (1961) *The Milestones on the Road*. New Delhi: Islamic Book Service.
- Rozenthal E. (1965) *Islam in the Modern National State*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sageman M. (2004) *Understanding Terror Networks*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Shafraan N. (1961) *Egypt in the Search of Political Stability*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sharabi H. (1966) *Nationalism and Revolution in the Arab World: the Middle East and North Africa*. Princeton: Van Nostrand.
- Shishkina A. and L.Issaev. (2017) «From Fitnah to Thaura: The Metamorphosis of the Arab-Muslim Protest Movements» // *Religions*, vol. 8, no. 9: 1—9.
- Smith D. (1966) *South Asian Politics and Religion*. Princeton: Princeton University Press.
- Turchin P. (2003) *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. Princeton: Princeton University Press.
- Wahid Y. (2011) *Conceptions of Islamic Education*. New York, Washington: Peter Lang.

ПОЛИТИКА

E.I.Zelenev, L.M.Isaev

DEVELOPMENT OF JIHAD CONCEPT: MINIMALISM AND MAXIMALISM IN ISLAM

Evgeny I. Zelenev — Doctor of Historical Sciences; Professor; Head of the Department of Oriental and African Studies of the National Research University *Higher School of Economics*. Email: ezelenev@hse.ru.

Leonid M. Isaev — Ph.D. in Political Science; Deputy Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization of the National Research University *Higher School of Economics*; Senior Research Fellow at Peoples' Friendship University of Russia; Research Fellow at the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Email: lisaev@hse.ru.

Abstract. This article discusses evolution of the interpretations of jihad from the angle of two worldview platforms represented in the system of views of intellectuals in the Islamic world — minimalist and maximalist. These platforms differ in their perception of social reality, as well as concepts of truth and justice, which are basic for Islam. Minimalism in general allows critical attitude to the surrounding reality, even in Islamic states, as well as local interpretation of the concepts of truth and justice. Maximalism endorses critical attitude towards reality only in the states where Islamic laws do not apply, and only if approved by the highest religious authorities. Maximalism interprets concepts of truth and justice as universal. In accordance with Islamic moral and ethical norms, both platforms have the right to exist, and the choice between them is an individual matter of every Muslim. As a result, the Islamic communities witness stratification not only of the elite, but also of the Ummah, which is divided into a “systemic” opposition that is ready for a dialogue with the government, and a “non-systemic” opposition that *a priori* excludes the possibility of a dialogue with the government.

According to the authors, the events of the Arab Spring were caused by the spread of the elite's split into the entire Ummah, which created the basis for intra-Islamic tension, which, in its turn, pushed a poorly organized mass of believers into the streets of Arab cities. The authors describe the current stage in the development of the Islamic community as a period of liminality i.e., a structural crisis associated with political and social instability, a change in group and individual forms of self-identification and sharp cognitive dissonance among ordinary believers, coupled with an increasing trend towards re-Islamization in countries of non-canonical Islam.

Keywords: jihad, Islam, liminality, re-Islamization, Arab Spring

References

- Abbas Khan A. (2018) “Sir Syed Ahmad Khan and his Pluralistic Vision” // *Pakistan Vision*, vol. 19, no. 2: 106—188.
- Abduh M. (1966) *The Theology of Unity*. London: Allen & Unwin.
- Abu Yusuf Y. (1938) *Kitab al-radd’ ala siyar al-Awza’i* [Refutation of the Moral Teachings of al-Awza’i]. Hyderabad: Lajnat Ihya al Maarif al Numaniyya. (In Arab.)
- Ahmad S.B. (1989) “Conversion from Islam” // Bosworth C., Ch.Issawi, R.Savoy, and A.Udovitch, eds. *The Islamic World from Classical to Modern Times*. Princeton: Princeton University Press: 3—25.
- Akhtar S. (2012) “Evolution of Syed Akhmad Khan’s Religious Thought: A Note” // *Proceedings of the Indian History Congress*, vol. 73: 1012—1015.
- Al Afghani J. (1942) *Refutation des Materialistes*. Paris: Paul Geuthner.
- Al Banna H. (1978) *Five Tracks of Hassan Al-Banna*. Berkeley. Los Angeles: University of California Press.
- Al Bayhaqi A. (1987). *Kitab al-Zuhd al-Kabir* [The Great Book of Asceticism]. Beirut: Dar al-Jinan. (In Arab.)
- Al Jazeera. (2008). *Rise of the Muslim Brotherhood*. URL: <https://www.aljazeera.com/focus/arabunity/2008/02/2008525185757654836.htm> (accessed on 18.10.2019).
- Bonner M. (2006) *Jihad in Islamic History: Doctrines and Practice*. Princeton: Princeton University Press.
- Dekkiche M. (2019) “Mamluk Diplomacy: the Present State of Research” // Bauden F. and M.Dekkiche, eds. *Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies: Studies on Diplomacy and Diplomats*. Leiden, Boston: Brill: 105—182.
- Fahmi J. (1979) *Usus al-Taqqadum Anda Mufaqqiri al-Islam fi-l-Alam al-Arabi al-Hadis* [Basis of Progress for the Thinkers of Islam in the Modern Arab World]. Beirut: Al-Mu’assasa al-Arabiyya li-l-Dirasat wa-l-Nashr. (In Arab.)
- Fawaz G. (2005) *The Far Enemy: Why Jihad Went Global*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Frolova E.A. (2006) *Istorija arabo-musul’manskoj filosofii: Srednie veka i sovremennost’* [The History of the Arab-Muslim Philosophy: Middle Ages and Modernity]. Moscow: Institut filosofii RAN. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2006/Frolova1.pdf> (accessed on 5.10.2019). (In Russ.)
- Har-El S. (1995) *Struggle for Domination in the Middle East: The Ottoman-Mamluk War 1485—1491*. Leiden, New York, Koln: E.J.Brill.
- Hillenbrand C. (2009) *The Crusades: Islamic Perspectives*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Ibn Khaldun. (1958) *The Muqaddimah: An Introduction to History*. New York: Pantheon Books.
- Ibragim T.K. and A.V.Sagadeev. (1991) “Dzhikhad” [Jihad] // Prozorov S.M., ed. *Islam: Entsiklopedicheskij slovar’* [Islam: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka: 66—67. (In Russ.)
- Iqbal M. (2013) *The Reconstruction of Religious Thought in Islam*. Stanford: Stanford University Press.

- Issaev L.M. (2017) “Ot fitny k saure: metamorfozy arabo-musul'manskikh protestnykh dvizhenij” [From Fitna to Saura: Metamorphosis of the Arab-Islamic Protests Movements] // *Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 2: 146–156. (In Russ.)
- Issaev L.M. and A.R.Shishkina. (2014) Soblaznennyye revolutsiej [Seduced by Revolution] // *Politeia*, no. 2: 21–33. (In Russ.)
- Karan* [Quran] / Translated from Arabic by V.Porokhova. (2004) Moscow: Ripol Klassik. (In Russ.)
- Khadduri M. (1955) *War and Peace in the Law of Islam*. Baltimor: John Hopkins Press.
- Kirabaev N.S. (2005) “Na putjakh politiko-religioznogo dogmatizma: Ibn-Tajmija” [In the Course of Political and Religious Dogmatism: Ibn Taimiyah] // Kirabaev N.S. *Politicheskaja mysl' musul'manskogo srednevekov'ja* [Political Thought of the Muslim Medieval]. Moscow: Izd-vo Rossijskogo universiteta druzhby narodov: 100–144. (In Russ.)
- Korotayev A., L.Issaev, and M.Rudenko. (2015) “Formirovanie afrazijskoj zony nestabil'nosti” [Formation of Afrasian Instability Zone] // *Vostok [Oriens]*, no. 2: 88–99. (In Russ.)
- Korotayev A., L.Issaev, A.Shishkina, M.Rudenko, and E.Ivanov. (2016) “Afrasian Instability Zone and Its Historical Background” // *Social Evolution & History*, vol. 15, no. 2: 120–140.
- Korotayev A. and D.Khaltourina. (2006) *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends in Africa*. Moscow: URSS.
- Levin Z. (1988) *Islam i natsionalizm v stranakh zarubezhnogo Vostoka* [Islam and Nationalism in the Countries of the Foreign East]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Levin Z. (2014) *Ocherki prirody islamizma* [Essays of the Nature of Islamism]. Moscow: Institut vostokovedenija RAN. (In Russ.)
- Lifintseva T., L.Issaev, and A.Shishkina. (2015) “Fitnah: The Afterlife of a Religious Term in Recent Political Protest” // *Religions*, vol. 6, no. 2: 527–542.
- Mann S. (1992) “Chaos Theory and Strategic Thought” // *Parameters*, vol. 22, no. 4: 54–68.
- Maududi A. (1939) *Jihad in Islam*. Lahore: Islamic Publication.
- Maududi A. (1968) *The Process of Islamic Revolution*. Lahore: Islamic Publications.
- Plato. (2018) *Gosudarstvo* [Politeia]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Qutb S. (1961) *The Milestones on the Road*. New Delhi: Islamic Book Service.
- Rozenthal E. (1965) *Islam in the Modern National State*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sageman M. (2004) *Understanding Terror Networks*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Shafraan N. (1961) *Egypt in the Search of Political Stability*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sharabi H. (1966) *Nationalism and Revolution in the Arab World: the Middle East and North Africa*. Princeton: Van Nostrand.

Shishkina A. and L.Issaev. (2017) “From Fitnah to Thaura: The Metamorphosis of the Arab-Muslim Protest Movements” // *Religions*, vol. 8, no. 9: 1–9.

Smith D. (1966) *South Asian Politics and Religion*. Princeton: Princeton University Press.

Syukiyaynen L.R. (2013) “„Arabskaja vesna“ i islamskaja pravovaja mysl” [“Arab Spring” and Islamic Legal Thought] // *Pravo. Jurnal Vysshej Shkoly Ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], no. 1: 16–37. (In Russ.)

Turchin P. (2003) *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. Princeton: Princeton University Press.

Wahid Y. (2011) *Conceptions of Islamic Education*. New York, Washington: Peter Lang.

Zelenev E.I. (2016) “Finta kak forma i metod politicheskogo protesta v arabskikh stranakh” [Fitna as a Form and Method of the Political Protest in Arab States] // Savateev A. and A.Shishkina, eds. *Arabskij krizis: ugrozy bol'shoj vojny* [Arab Crisis: Threats of the Big War]. Moscow: URSS: 95–122. (In Russ.)

Zelenev E.I. (2019) “Islam v sovremennoj Afrike: liminal'nost' i re-islamizatsija” [Islam in Contemporary Africa: Liminality and Re-Islamisation] // *Azija i Afrika segodnja* [Asia and Africa Today], no. 7: 10–17. (In Russ.)

Н.В.Работяжев
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В XXI ВЕКЕ:
ОТ МОДЕРНИЗАЦИИ К КРИЗИСУ

Николай Владимирович Работяжев — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Для связи с автором: rabotiajev@mail.ru.

Аннотация. Ответом европейской социал-демократии на проявившийся в 1970-е — 1980-е годы кризис созданной ими кейнсианской социально-экономической модели стала рыночно ориентированная модернизация социал-демократических партий. В конце XX — начале XXI в. социал-демократы пересмотрели ряд принципов демократического социализма, заимствовали некоторые неолиберальные концепты и практически полностью отказались от утопических элементов в своей идеологии. Наиболее активно процессы обновления развивались в Лейбористской партии Великобритании при Т.Блэре и в Социал-демократической партии Германии при Г.Шрёдере. Вместе с тем глобальный финансово-экономический кризис 2008 г. показал, что у социал-демократов нет убедительной альтернативы неолиберализму. В результате после 2008 г. социал-демократия столкнулась с новыми проблемами и вызовами. В настоящее время, с точки зрения автора, европейская социал-демократия пребывает в состоянии кризиса. У этой ситуации есть несколько причин. Прежде всего, социал-демократия, будучи в целом проглобалистской силой, недооценивает негативные последствия глобализации для своих избирателей. Она выступает за либеральную миграционную политику и оставляет без внимания трудности, связанные с интеграцией иммигрантов в европейские общества. Рыночно ориентированная модернизация в социал-демократических партиях вызывает сопротивление левых традиционалистов, что может вести к внутрипартийным кризисам и расколам или успеху «твердых левых» типа Дж.Корбина. Сдвиг социал-демократии в сторону социального либерализма усиливает левопопулистские партии (такие, как СИРИЗА, «Подemos», «Непокоренная Франция» и др.), которые становятся серьезными конкурентами социал-демократов. Он также способствует размыванию социал-демократической идентичности. Last but not least — социал-демократия пребывает в интеллектуальном застое и не способна предложить избирателям каких-либо свежих, оригинальных идей. По мнению автора, европейская социал-демократия может достичь реального обновления лишь на

пути творческого синтеза социалистических, либеральных и консервативных установок.

Ключевые слова: социал-демократия, «третий путь», глобальный финансово-экономический кризис, глобализация, мультикультурализм, левый традиционализм

¹ Dahrendorf
1983: 16.

В 1983 г. видный немецкий социолог Ральф Дарендорф провозгласил «конец социал-демократического века»¹. Действительно, глубокий кризис, в котором пребывала в 80-е годы прошлого столетия европейская социал-демократия, давал основания для пессимистической оценки ее перспектив. Электоральная поддержка левоцентристских партий падала, такие мощные отряды социал-демократического движения, как Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), на долгие годы перешли в оппозицию. Кроме того, это политическое течение столкнулось с серьезным кризисом идентичности. «Для демократических левых в Западной Европе 1980-е годы были периодом крайнего упадка, — отмечает Стюарт Томсон. — Лишь немногие из партий этого направления в то время находились у власти, но и они проводили политику, которая шла вразрез с традиционными социал-демократическими средствами и целями. Социал-демократы оказались неспособны разработать последовательную систему аргументации, которая позволила бы им убедительно защитить свои ключевые принципы от [неолиберальных] атак, начавшихся в середине 1970-х годов. Роль, которую государство всеобщего благосостояния, государственное вмешательство в экономику и высокие налоги на корпорации играли в идейном арсенале социал-демократии, была поставлена под вопрос»².

² Thomson 2000: 1.

Кризис традиционной (кейнсианской) социал-демократической модели, явно не соответствовавшей эпохе глобализации, «новой экономики» и «нового индивидуализма», привел к активизации в среде социал-демократов правого, прорыночного крыла, предлагавшего модернизировать идеологию и практическую политику европейских левоцентристов путем обогащения их элементами «здорового либерализма». В 1990-е годы практически все европейские социал-демократические партии так или иначе начали склоняться к отходу от этатистско-перераспределительных моделей и признанию преимуществ рыночной экономики. Наиболее выраженную форму данные процессы приняли в ЛПВ и СДПГ, но сходные тенденции наблюдались и в других левоцентристских партиях. Более позитивно, чем прежде, рыночные механизмы и социально-экономическая роль частного бизнеса стали оцениваться в программных документах Партии труда Нидерландов, Социал-демократической (до 1991 г. — Социалистической) партии Австрии, Социал-демократической рабочей партии Швеции. Коротко говоря, в середине 1990-х годов европейская социал-демократия, по выражению Дженни Андерссон, «заключила исторический брак

с неолиберализмом, в результате которого рыночная экономика вторглась в те сферы, которые ранее были ограждены от влияния рынка, — например, в культуру, образование, социальное обеспечение»³.

³ Bailey et al.: 122.

**Модернистская
социал-демократия:
сдвиг
к социальному
либерализму**

Наиболее активно синтез социал-демократических установок с неолиберальными развивался в ЛПВ и СДПГ. Сторонники этого варианта модернизации социал-демократизма — «новые лейбористы» (New Labour) в ЛПВ и их единомышленники в СДПГ — стремились найти «третий путь» (так назвал свою концепцию лидер ЛПВ в 1994—2007 гг. Тони Блэр) между традиционным демократическим социализмом и неолиберализмом. Теоретическое обоснование идеи и базовых принципов «третьего пути» принадлежало советнику Блэра социологу Энтони Гидденсу.

«Новый лейборизм» и «третий путь» означали прежде всего решительный разрыв со «старой» левой идеологией. «Новые лейбористы» окончательно отказались от представлений о демократическом социализме как особой социально-экономической модели и взяли курс на воплощение своих ценностей в рамках рыночно-капиталистической системы. Никакая сознательно контролируемая экономика, доказывал, в частности, Гидденс, не может превзойти рыночный капитализм, и вера в то, что рынку существует альтернатива, является иллюзией. Конечно, рыночная система не может эффективно функционировать и обеспечивать социальную справедливость без регулирования и активного вмешательства правительства. Но роль государства в экономике должна сводиться к разумному макроэкономическому регулированию, созданию условий для инноваций и инвестициям в образование и профессиональную подготовку⁴.

⁴ Giddens 2002: 11.

Приверженцы «третьего пути», таким образом, далеко отошли от кейнсианских установок прежнего, этатистско-корпоративистского лейборизма. Фундаментальными принципами лейборизма 1950—1970-х годов, ставившего своей целью «подчинить экономическую власть государственной власти»⁵, были национализация, развитое государство благосостояния, представительство интересов тред-юнионов. «Новые лейбористы» делали ставку не на расширение государственного контроля над экономикой (не говоря уже о национализации), а на либерализацию рынков, подчеркивали важность индивидуальных усилий, выступали за ограничение щедрости социального государства (полагая, что избыточная социальная защита несовместима с условиями глобальной экономики), дистанцировались от профсоюзов. Проводя в жизнь близкие к неолиберальным установки в сфере экономики, они в то же время старались сочетать их с социал-демократической социальной политикой. Стоит также отметить, что они всячески подчеркивали свое духовное родство с прогрессивным (левым) британским либерализмом, отодвигая собственно социалистические элементы лейбористской традиции на самый задний план.

⁵ Crossman 1953: 26.

Нельзя не упомянуть, что для сторонников «третьего пути» характерно скорее позитивное отношение к глобализации. По мнению Блэра и Гидденса, глобализацию следовало признать свершившимся фактом и искать пути приспособления национальных экономик к глобальной конкуренции. Иными словами, «новые лейбористы» «не стали отрицать реальность глобализации как нового вызова, приняли требование участия в глобальном свободном рынке... но попытались совместить это с социальной политикой, адекватной новым условиям»⁶. Позиция «новых лейбористов», согласно Гидденсу, должна быть проглобалистской, но при этом они не должны ставить знак равенства между глобализацией и безоговорочной защитой свободного рынка⁷.

⁶ Федотова 2004: 251—252.

⁷ Giddens 2002: 70.

Модернизированная таким образом Лейбористская партия смогла обеспечить себе электоральную поддержку значительной части не только рабочих, но и среднего класса, что позволило ей одержать победу на выборах 1997 г., а затем подтвердить ее на выборах 2001 и 2005 гг. ЛПВ оставалась у власти до 2010 г. (хотя сам Блэр ушел в отставку в 2007 г.).

Близкие к «третьему пути» позиции занимал и лидер СДПГ (1999—2004 гг.) Герхард Шрёдер. Он был убежден, что в эпоху глобализации экономическая политика не может быть социал-демократической или неолиберальной, «левой» или «правой», она должна быть прежде всего современной и обеспечивать конкурентоспособность экономики в глобализованном мире. Социально-политическая концепция Шрёдера, сформулированная им перед парламентскими выборами 1998 г., получила название «новая середина», или «новый центр» (Neue Mitte). Тем самым СДПГ демонстрировала сдвиг в направлении политического центра и намерение склонить на свою сторону новые средние слои — высококвалифицированных наемных работников, мелких и средних предпринимателей, менеджеров, представителей свободных профессий и др. И выборы 1998 г., в результате которых СДПГ после 16 лет пребывания в оппозиции вернулась к власти (в коалиции с «Зелеными»⁸), показали, что ей вполне это удалось.

⁸ Коалиция просуществовала до 2005 г., а Шрёдер стал федеральным канцлером.

Итак, в 90-х годах прошлого века в Европе возникла модернистская, «новая» социал-демократия, представленная прежде всего ЛПВ во главе с Блэром и СДПГ под руководством Шрёдера. Отличие ее от традиционной социал-демократии состояло не только в том, что ключевым инструментом достижения своих целей она считала не государство, а свободный рынок, конкуренцию и предпринимательство. Не менее важно, что модернистская социал-демократия почти полностью отказалась от тех элементов социалистической утопии, которые еще сохранялись в идеологии социал-демократии «старой». Сторонники «третьего пути» и «новой середины» постоянно подчеркивали свой «реализм», «прагматизм», «здоровый смысл», что, в сущности, означало, что они намерены управлять экономикой свободного рынка лучше, чем неолибералы, но не собираются выходить за ее пределы, преобразовывать общество в соответствии с идеалами левого движения. Социал-демократы выступали теперь за «хороший», «цивилизованный» капитализм,

противопоставляемый капитализму «хищническому», «турбулентному», «капитализму джунглей».

Однако, как когда-то заметил известный деятель Французской социалистической партии (ФСП) Пьер Моруа, «не существует социализма, который мог бы обойтись без идеала, без хотя бы малейшей мечты или утопии»⁹. Поэтому, de facto отказываясь от своей утопии, от проекта посткапиталистического будущего, «новая» социал-демократия рисковала поставить под вопрос собственную идентичность.

⁹ *Militer aujourd'hui* 1989: 71.

В конце XX — начале XXI в. идеи «третьего пути» оказали заметное влияние на мировоззрение европейской социал-демократии. Как отмечает Вольфганг Меркель, в то время «дебаты вокруг третьего пути стали самым важным дискурсом о реформах в европейском партийном ландшафте»¹⁰. Хотя идеи «новых лейбористов» нашли поддержку не во всех левоцентристских партиях, они способствовали идеологическому обновлению европейской социал-демократии, ее отказу от этатистско-перераспределительных моделей. К постепенной модернизации своих идеологических установок и практической политики приступили даже южноевропейские социалистические партии, которые ранее занимали более традиционалистские позиции. Казалось, что, взяв на вооружение некоторые экономические концепты неолиберализма, социал-демократия успешно преодолет кризисные явления.

¹⁰ *Cum. no: Giddens* 2002: 4.

Однако на практике все оказалось гораздо сложнее.

**Социал-демократия
после
финансово-
экономического
кризиса 2008 г.:
«новый социализм»?**

То, что социал-демократия не в состоянии сформулировать и предложить избирателям какой-либо новый популярный проект, стало очевидно после начала глобального финансово-экономического кризиса 2008 г. Европейские левоцентристы расценили его как кризис неолиберального капитализма и неолиберальной модели глобализации per se. По их мнению, резкое падение мировых экономических показателей демонстрировало ущербность рыночного фундаментализма (отстаиваемого консервативными партиями), подтверждая справедливость социал-демократических представлений о необходимости политического регулирования рынков на глобальном и национальном уровнях. Так, эксперт близкого к СДПГ Фонда Фридриха Эберта Эрнст Хиллебранд утверждал: «Доминирование рыночного радикализма и неолиберального дискурса во всех его разновидностях определенно идет к концу... Культурная гегемония в том смысле, как ее понимал Грамши, будет какое-то время на стороне тех, кто считает, что рынки необходимо регулировать и ставить в определенные рамки, и чей образ человека весьма далек от индивидуалиста, стремящегося лишь к максимизации своей выгоды»¹¹.

¹¹ *Hillebrand* 2008: 16.

Финансово-экономический кризис 2008 г. заметно повлиял на идеологию европейских левоцентристов. Глобальная рецессия прервала «правый дрейф» социал-демократии, в дискурс которой вернулась критика капитализма. Лидеры и теоретики левоцентристских партий теперь провозглашали более традиционную для социал-демократов

повестку, включающую в себя борьбу против проводимой неоконсерваторами политики жесткой экономии, защиту социального государства, более активное вмешательство правительства в экономику, регулирование финансовых рынков, стимулирование экономического роста и занятости, проведение промышленной политики.

Казалось бы, именно социал-демократы, выступающие за контроль над рынками, социальную защищенность и сокращение социального неравенства, должны были получить максимальные электоральные дивиденды от глобального кризиса. Однако реальность оказалась совсем иной. По результатам выборов 2009 г. фракция Партии европейских социалистов (ПЕС) в Европарламенте уменьшилась примерно на четверть. В 2008—2011 гг. парламентские выборы проиграли британские лейбористы, испанские и португальские социалисты, греческая социалистическая партия ПАСОК. В среднем же электоральная поддержка западноевропейских социал-демократов в 2007—2013 гг. сократилась (по сравнению с периодом 2000—2006 гг.) на 4,7%¹².

¹² Bailey et al 2014: 6.

В эти (и последующие) годы социал-демократы так и не смогли предложить избирателям некие свежие, оригинальные идеи, новый политический проект. Правда, под влиянием финансово-экономического кризиса в социал-демократический лексикон вернулось слово «социализм». Так, в предвыборном манифесте ПЕС, принятом в декабре 2008 г., неолиберализму противопоставлялся «новый социализм», для которого на первом месте человек, а не рынок¹³. Но, как справедливо замечает Владимир Швейцер, новизна этого социализма «была описана лишь в самых общих выражениях»¹⁴. Не приводя никаких конкретных характеристик «нового социализма», ПЕС ограничивалась обещаниями создать более справедливую, более безопасную и более «зеленую» Европу¹⁵. Да и другие документы Социнтерна «никак не объясняли европейцам сути новой доктрины. Им предлагались лишь количественные критерии»¹⁶.

¹³ Предвыборный манифест 2009: 16.

¹⁴ Швейцер 2013.

¹⁵ Предвыборный манифест 2009: 7.

¹⁶ Швейцер 2013.

Финансово-экономический кризис прямо и недвусмысленно поставил перед социал-демократами вопрос: какова предлагаемая ими альтернатива неолиберализму? И оказалось, что убедительной альтернативы у них нет. Касаясь идеологического кризиса в СДПГ, Альбрехт фон Люке констатировал, что интеллектуальные политические проекты германской социал-демократии отличаются поразительным отсутствием перспективного видения, что этой партии давно не удается формулировать захватывающие цели и находить необходимые для этого слова¹⁷. Эта оценка вполне применима и к ситуации, сложившейся в социал-демократическом движении в целом.

¹⁷ Lucke 2009: 46.

Кризисные явления в европейской социал-демократии не исчезли и в 2010-е годы. ЛПВ, потерявшая власть в 2010 г., проиграла парламентские выборы 2015 и 2017 гг. СДПГ в 2005 г. вошла на правах младшего партнера в «большую коалицию» с ХДС/ХСС и на всех последующих выборах в бундестаг стабильно показывала низкие результаты (2009 г. — 23% голосов, 2013 г. — 25,7%, 2017 г. — 20,5%). Что касается

ФСП, то, хотя в 2012—2017 гг. президентом Франции был социалист Франсуа Олланд, на президентских и парламентских выборах 2017 г. эта партия потерпела сокрушительное поражение. На президентских выборах в апреле 2017 г. кандидат от ФСП Бенуа Амон занял лишь пятое место, а на парламентских, состоявшихся в июне, ей достался всего 31 депутатский мандат из 577. Разочаровывающими оказались результаты парламентских выборов марта 2018 г. для итальянской Демократической партии. Возглавляемую ею левоцентристскую коалицию поддержало около 23% избирателей — меньше, чем правоцентристскую коалицию (основу которой составляли Лига и «Вперед, Италия») и популистское Движение пяти звезд.

Не слишком удачно выступили социал-демократы и на выборах в Европарламент в мае 2019 г. Если по итогам выборов 2014 г. социалисты и социал-демократы провели в ЕП 191 депутата, то в 2019-м — только 153. Причем серьезные электоральные потери понесли прежде всего ведущие отряды социал-демократического движения. Представительство ЛПВ в Европарламенте сократилось с 20 мест до 10; ФСП — с 12 до пяти; итальянской Демократической партии — с 31 до 19; СДПГ — с 27 до 16. Показательно, что последняя получила на евровыборах лишь 15,8% голосов, заняв третье место — после блока ХДС/ХСС и «Зеленых». Из крупных левоцентристских партий увеличить свое представительство в ЕП удалось только испанским социалистам.

Таким образом, можно говорить о том, что европейская социал-демократия снова находится в кризисе. Каковы его причины?

**Глобализация,
национальная
идентичность
и социал-демократия**

Прежде всего необходимо отметить, что в начале XXI в. в западном обществе возникли новые линии социальных размежеваний, которые социал-демократия своевременно не приняла во внимание. В соответствии с классической концепцией Сеймура Мартина Липсета и Стейна Роккана, партийные системы европейских стран формировались под влиянием четырех решающих структурных размежеваний: между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими¹⁸. Возникновение и развитие левых (социалистических и социал-демократических) партий было обусловлено размежеванием по линии «частные собственники — наемные рабочие».

Однако по мере того как старые линии расколов уходили в прошлое, в Европе XXI в. складывалось новое важное размежевание — между сторонниками глобализации и приверженцами национального государства. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что это раскол между теми, кто смог удачно вписаться в глобальный рынок, и теми, кто проиграл в процессе глобализации. В сущности, в современной Европе «социальное деление проходит не между классами, а внутри классов по линии адаптированности / неадаптированности к глобальным переменам»¹⁹.

¹⁸ Lipset and Rokkan 1967.

¹⁹ Пархалина и др. 2018: 240.

К проглобалистским политическим силам с определенными оговорками можно отнести и европейскую социал-демократию. Ее приверженность глобализму обусловлена не столько верой в эффективность глобальной конкуренции, сколько базовыми интернационалистическими установками левого движения. Что касается чисто экономических последствий глобализации, то их социал-демократы оценивают, как правило, противоречиво. Они полагают, что, хотя глобализация дает человечеству новые шансы и возможности, способствует экономическому, научному и технологическому прогрессу, с ней связаны риски и негативные явления (увеличение социального неравенства, нестабильность финансовых рынков, рост безработицы, экологические угрозы и т.д.). По словам известного деятеля СДПГ Вольфганга Тирзе, финансово-экономический кризис 2008 г. и последовавшая за ним депрессия продемонстрировали «теневую сторону» глобализации²⁰. Поэтому, с точки зрения социал-демократов, на процесс глобализации необходимо влиять с помощью демократической политики. Социал-демократы подчеркивают, что они не против глобализации в принципе, но против неолиберального и неоконсервативного подходов к ней, поскольку сторонники этих подходов пренебрегают социальными правами человека (в том числе на образование и здравоохранение) и высказываются за свертывание регулирующих функций государства в экономике.

²⁰ Thierse 2017.

Социал-демократы настаивают на иной глобализационной модели — «прогрессивной глобализации», управляемой и направляемой в соответствии с социал-демократическими принципами. Они выступают за новый глобальный экономический и финансовый порядок и в общем не имеют ничего против формирования глобального космополитического общества. В связи с этим социал-демократов можно рассматривать в качестве левых глобалистов, в равной степени далеких и от приверженцев неолиберальной глобализации, и от национал-консерваторов, озабоченных сохранением национальных и локальных идентичностей.

Проглобалистская в целом позиция европейской социал-демократии во многом объясняется универсализмом социал-демократического проекта. Рабочее движение в Европе изначально складывалось как международное, а вдохновлявшая его марксистская утопия носила подчеркнуто интернационально-космополитический характер. Как справедливо отмечает Ежи Шацкий, основоположникам марксизма было присуще «универсалистское по концепции видение будущего»²¹.

²¹ Шацкий 1990: 266.

С развитием свободной торговли и всемирного рынка, доказывал Карл Маркс, национальная обособленность народов все более размывается уже в условиях капитализма, а социализм значительно ускорит этот процесс. Общественным классом, который призван уничтожить капитализм и создать бесклассовое коммунистическое общество, в концепции родоначальника «научного коммунизма» предстал индустриальный пролетариат — интернациональный феномен, с которого капитализм стер все национальные черты. Рабочие, в соответствии с известной формулировкой из «Манифеста Коммунистической партии», не имеют отечества²².

²² Маркс и Энгельс 1955: 444.

В любом случае Маркс и марксисты считали процесс постепенного стирания культурного своеобразия этносов и наций (говоря более современным языком, национально-культурных идентичностей) исторически неизбежным. Прогнозировалось также отмирание национальных государств. Так, видный марксистский теоретик начала XX в. Карл Каутский полагал, что после победы социализма национальные государства исчезнут, начнется их превращение в более крупные сообщества — например, Соединенные штаты Европы²³. Неудивительно, что в XX в. социал-демократы рассматривали интернационализацию экономической жизни как прогрессивное явление и активно поддерживали европейскую интеграцию.

²³ *Брайович 1982: 175.*

И хотя в 50—60-е годы прошлого века европейская социал-демократия отказалась от большей части марксистского наследия, интернационализм и глобализм сохранились в ее «коллективном бессознательном». Поэтому, при всех оговорках, она остается проглобалистской силой — при том что значительная часть ее ядерного электората (рабочие, занятые в индустриальном производстве, немалая доля низшего среднего класса) от глобализации скорее проигрывает, прежде всего ввиду сопряженного с ней процесса деиндустриализации. Именно здесь причина падения популярности левоцентристов в соответствующих социально-профессиональных группах и оттока голосов традиционных избирателей социал-демократии к правым и левым популистам и евроскептикам.

Приверженность социал-демократии интернационализму/глобализму обусловила и ее отношение к миграции. Одним из следствий представления о преимущественно социальной сущности человека и маловажности этнокультурных различий между людьми (унаследованного как от марксизма, так и отчасти от философии Просвещения) стала недооценка левоцентристами трудностей интеграции мигрантов из «третьего мира» в европейские общества и их слабую озабоченность проблемой сохранения национально-культурной идентичности европейских стран. Не случайно социал-демократы являются сторонниками либеральной иммиграционной политики и концепции мультикультурализма (философские истоки которой во многом восходят к неомарксистской Франкфуртской школе), полагая, что воплощение ее в жизнь приведет к взаимному обогащению различных культур.

Так, СДПГ инициировала в 2014 г. реформу, облегчающую получение второго гражданства, и в целом «позиционирует себя в качестве адвоката интеграции мигрантов»²⁴. А когда известный деятель СДПГ Тило Саррацин в своей книге «Германия самоликвидируется»²⁵ заявил, что миграция из мусульманских стран представляет угрозу для ФРГ, он был исключен из партии (правда, впоследствии восстановлен). Долгое время недооценивали связанные с наплывом мигрантов проблемы и скандинавские социал-демократы, в результате чего эта тема была отдана на откуп правым популистам и консерваторам. Что касается британских лейбористов, то при всех различиях между Блэром и нынешним лидером ЛПВ «твердым левым» Джереми Корбином оба они

²⁴ *Тимошенкова 2017: 26.*

²⁵ *Sarrazin 2010.*

поддерживают либеральную иммиграционную политику и мультикультурализм, хотя итоги применения этой концепции на практике, мягко говоря, неоднозначны.

После победы ЛПВ на выборах 1997 г. лейбористское правительство заметно либерализовало иммиграционную политику (в том числе в надежде увеличить собственный электорат), а мультикультурализм фактически превратился в официальную доктрину. Результатом этих действий стало обособление этнических общин от коренного населения, размывание британской идентичности, рост ксенофобии и даже беспорядки на этнической почве. Причем значительный приток мигрантов в Великобританию обернулся не ростом, а снижением электоральной поддержки ЛПВ. Показательно, что 45% тех, кто перестал голосовать за лейбористов между 2005 и 2009 гг., упрекали ЛПВ в том, что она «защищает интересы главным образом иммигрантов и небелых британцев»²⁶.

²⁶ Cruddas 2011.

Стоит также упомянуть, что на парламентских выборах 2015 г. часть рабочего класса — важнейшей электоральной базы ЛПВ — проголосовала за националистическую Партию независимости Соединенного Королевства, стоящую на евроскептических позициях. Эти избиратели были обеспокоены массовой иммиграцией в страну и полагали, что лейбористы недооценивают важность сохранения британской идентичности. Промиграционные установки социал-демократов способствовали оттоку их избирателей к национал-популистам и евроскептикам и в других европейских странах. Тем самым левоцентристы могли на практике убедиться, что, вопреки Марксу, рабочие все-таки имеют отечество.

**Левые
традиционалисты
versus
модернизаторы**

Нынешние проблемы социал-демократии связаны, впрочем, не только с ее отношением к глобализации, миграции и сохранению национально-культурного своеобразия европейских стран. Неоднозначные последствия для левоцентристских партий имела и рыночно ориентированная модернизация, активно развивавшаяся на рубеже XX и XXI вв. Провозглашенный элитами этих партий отход от традиционных установок и ценностей демократического социализма на низовом уровне был принят далеко не всеми. Как указывал еще в начале XX в. Роберт Михельс, рядовые члены и активисты социалистической партии обычно придерживаются более радикальных воззрений, нежели ее руководящее ядро²⁷. Процессы, протекавшие в левоцентристских партиях в XXI в., подтвердили вывод немецкого социолога. Ответом на прорыночные и проглобалистские установки социал-демократического истеблишмента стало усиление в этих партиях левых течений и даже выход из них тех, кто не утратил приверженность социалистическим традициям. Многие из них потом вступили в более радикальные организации, сохранявшие верность изначальной социалистической утопии.

²⁷ Michels 1989.

Кризис, связанный с неприятием сдвига в сторону неолиберализма, поразил СДПГ уже вскоре после того, как Шрёдер начал ее

²⁸ Поттхофф
и Миллер 2003: 414.

модернизацию в духе «новой середины». По справедливому замечанию Хайнриха Поттхоффа и Сюзанны Миллер, левые традиционалисты в СДПГ «вместо глобализации и модернизации... хотели больше социальной справедливости, перераспределения и еще большего государственного вмешательства»²⁸. Вследствие упорного сопротивления традиционалистского крыла СДПГ и профсоюзов Шрёдер смог приступить к перестройке социальной модели ФРГ лишь после победы «красно-зеленой» коалиции на выборах 2002 г.

Программа реформ, проводить которые Шрёдер начал в 2003 г., была изложена в документе «Повестка 2010» (2003) и позднее нашла воплощение в пакете законов «Хартц IV» (2005). Суть замыслов Шрёдера сводилась к уменьшению роли государства в экономике ФРГ. Реформы предполагали снижение налогов на бизнес и социальных взносов предпринимателей, де бюрократизацию процесса создания новых предприятий, дерегулирование рынка труда, уменьшение различных субсидий и льгот, сокращение сроков получения пособия по безработице, приватизацию федеральной собственности.

²⁹ Крель 2010: 78.

Необходимые для осуществления этих преобразований законы Шрёдеру удалось провести через бундестаг лишь вопреки активному противодействию левого крыла СДПГ и профсоюзов, и результатом их стало усиление внутривнутрипартийной оппозиции и падение авторитета СДПГ. «Реформы правительства Шрёдера, — констатирует Кристиан Крель, — воспринимались как политика, слишком сильно ориентированная на неолиберальную идеологию»²⁹. С точки зрения многих избирателей, инициированная кабинетом либерализация рынка труда и ограничение социальных расходов означали, что СДПГ перестает быть левой народной партией, в качестве которой она всегда себя позиционировала. Из СДПГ начался отток левоориентированных членов, которые в 2005 г. создали партию «Труд и социальная справедливость — Избирательная альтернатива», позднее объединившуюся с Партией демократического социализма в Левую партию. Стоит отметить, что ее сопредседателем стал экс-лидер левого крыла СДПГ Оскар Лафонтен, вышедший из Социал-демократической партии из-за несогласия с курсом Шрёдера. Левая партия занимает последовательно антикапиталистические и антиглобалистские позиции и сохраняет приверженность изначальной утопии левых — всемирной общности свободных и равных людей³⁰.

³⁰ Лафонтен
2009: 52.

С началом глобального финансово-экономического кризиса СДПГ встала на путь возвращения к социал-демократическим ценностям и более традиционной для нее повестке (борьба против сокращения государственных расходов, защита социального государства, регулирование финансовых рынков, стимулирование экономического роста и занятости и т.д.). Впрочем, сдвиг в этом направлении обозначился еще раньше — после ухода Шрёдера с поста лидера партии в 2004 г. и неудачи на выборах 2005 г. в бундестаг. Определенный отход от идей «нового центра» и частичный возврат на позиции демократического социализма просматривается, в частности, в Гамбургской программе

партии 2007 г. В последующих программно-идеологических документах СДПГ на первый план вновь вышло требование социальной справедливости, которая, правда, теперь связывается не с распределением (как было характерно для «старой» социал-демократии), а прежде всего с инвестициями в человеческий капитал, научные исследования, инфраструктуру, общественные службы и т.д. Однако и в постшрёдеровскую эпоху вопрос о том, является ли СДПГ «по-прежнему „партией маленького человека“», остался для многих избирателей открытым³¹.

³¹ *Krueger 2010: 79.*

ЛПВ после отставки Блэра тоже стала постепенно отходить от «нового лейборизма». Уже преемник Блэра Гордон Браун, возглавивший в 2007 г. британское правительство, использовал для преодоления финансово-экономического кризиса кейнсианские рецепты стимулирования спроса. Еще больше отошел от принципов «третьего пути» Эдвард Милибэнд («красный Эд»), сменивший Брауна на посту лидера лейбористов после их поражения на выборах 2010 г. Он вернул в повестку ЛПВ социал-демократическую критику капитализма, порицал «новых лейбористов» за наивную веру в безграничные возможности свободного рынка и глобализации и доказывал, что правительство должно играть более активную роль в экономике.

В гораздо большей степени, чем «новых лейбористов», волновало «красного Эда» и растущее социальное неравенство. Его стремление сделать Британию более эгалитарной нашло воплощение в выдвинутой им в 2012 г. концепции «лейборизма одной нации» (One Nation Labour), провозглашавшей важнейшей задачей ЛПВ ликвидацию существующих в британском обществе социальных барьеров и создание для всех равных жизненных шансов. Милибэнду также принадлежит концепция «ответственного капитализма», предполагающего разумный баланс между финансовым и реальным секторами экономики, государственное вмешательство в функционирование рынков и проведение активной промышленной политики. «Ответственный капитализм» противопоставлялся им капитализму «хищническому» (predatory) с присущими тому гипертрофией финансового сектора, непомерно высокими доходами банкиров и огромной ролью краткосрочных финансовых спекуляций.

Как отмечает Юнис Гоуз, «предложенная Милибэндом повестка вполне соответствовала этосу Лейбористской партии и ее идеологическим традициям»³². Действительно, при Милибэнде ЛПВ в значительной мере вернулась к социал-демократическим ценностям и установкам. Однако на этом ревизия принципов «нового лейборизма» не остановилась. После неудачной для партии парламентской кампании 2015 г. лидером лейбористов стал демократический социалист Корбин, испытавший заметное влияние марксизма и сохранивший приверженность «старому» лейборизму 1960-х — 1970-х годов, основными требованиями которого были национализация ряда крупных компаний, расширение государственного контроля над экономикой, повышение налогов на корпорации и высокие доходы, увеличение социальных расходов. По своим взглядам Корбин левее не только Блэра, но и значительной

³² *Goes 2016: 50.*

части нынешнего лейбористского истеблишмента. Его победа на выборах лидера ЛПВ объяснялась прежде всего тем, что, согласно принятым в 2014 г. правилам, в голосовании могли участвовать не только члены партии и аффилированных с ней тред-юнионов, но и ее сторонники, значительную часть которых составила неконформистская молодежь, приверженцы социалистических традиций рабочего движения, члены различных левых группировок. Голосуя за Корбина, они протестовали как против социально-экономического курса «новых лейбористов», так и против их внешней политики.

В 2016 г. Корбин был переизбран на пост лидера ЛПВ. Тем самым рядовые члены ЛПВ и ее сторонники высказались за отказ от «нового лейборизма» и возвращение партии к ее социалистическим традициям и более левой повестке.

С большим трудом рыночно ориентированная модернизация протекала в ФСП, имеющей сильные левые традиции. Ведь еще в 70-е — первой половине 80-х годов прошлого века эта партия демонстрировала свою преданность изначальной социалистической утопии, выступала за разрыв с капитализмом и создание социализма самоуправления. По мнению Александра Вершинина, сдвиг ФСП вправо был проблематичен в том числе потому, что «в условиях Франции это предполагает полный пересмотр тех основ, на которых социалистическое движение базировалось с момента его возникновения... И хотя за последние десятилетия оно серьезно трансформировалось, сам левый дискурс, основанный на апелляциях к радикальным лозунгам, остался в значительной степени неизменным»³³.

³³ Вершинин
2014: 52.

В силу этого ФСП никак не могла пойти по «третьему пути» Блэра — Шрёдера, фактически означавшему замену социалистического проекта деидеологизированным прагматизмом. Но даже осторожные шаги по маркетингу идеологии и практической политики партии в начале XXI в. наткнулись на жесткую оппозицию со стороны ее левого крыла. Размежевание между модернизаторским и традиционалистским течениями в ФСП проявилось уже в 2004—2005 гг. в ходе обсуждения конституции ЕС. Европейское руководство партии во главе с Олландом высказалось за ратификацию данного документа, в то время как антиглобалистское и евроскептическое левое крыло, подчеркивавшее его неолиберальный характер, — против. Противники представленного проекта конституции ЕС создали внутривнутрипартийную фракцию «Новая социалистическая партия — За социалистическую альтернативу», лидерами которой стали Анри Эммануэли и Жан-Люк Меланшон. В 2008 г. последний покинул ряды ФСП, полагая, что она дрейфует в сторону социаллиберализма, и выступил инициатором ряда левых политических проектов, таких как Левая партия, а позднее — «Непокоренная Франция».

Как известно, на общенациональном референдуме в мае 2005 г. конституция ЕС была отвергнута большинством французов, в том числе и значительной частью электората ФСП. По данным социологических исследований, евроскептиками оказались 56% избирателей

³⁴ Там же: 48.

Соцпартии; против проекта Европейской конституции проголосовали 79% промышленных рабочих, 67% наемных служащих и 71% безработных, то есть внушительная доля ядерного электората социалистов³⁴. Таким образом, референдум 2005 г. продемонстрировал, что партийное руководство не просто стоит на более правых позициях, чем рядовые партийцы, но и является более проглобалистским и проевропейским, чем избиратели ФСП.

Хотя в ФСП существовало и правое, склоняющееся к социал-либерализму крыло, приверженность значительной части французских социалистов идеям «старой», кейнсианской социал-демократии и традиции партии заметно препятствовали ее модернизации. В целом в 2000-х годах ценностное обновление ФСП носило весьма ограниченный характер. В традиционном социал-демократическом ключе была выдержана и избирательная кампания Олланда на президентских выборах 2012 г. Олланд резко критиковал «мир финансов», предлагал ввести налог на финансовые трансакции и увеличить до 75% налог на доходы, превышающие 1 млн. евро в год. Его программа предусматривала также 75-процентное финансирование государством новых рабочих мест для молодежи, активное строительство государственного жилья, повышение социальных выплат и т.д. Короче говоря, Олланд отстаивал кейнсианскую стратегию стимулирования экономического роста путем увеличения государственных расходов.

В 2012 г. ФСП добилась успеха не только на президентских, но и на парламентских выборах, что позволило ей сформировать правительство. Однако политика этого правительства во многом отличалась от той, что предусматривалась программами. Довольно быстро отошел от идей стимулирования спроса и президент-социалист, взявший курс на поощрение предложения и сокращение государственных расходов для уменьшения дефицита государственного бюджета. С целью повышения конкурентоспособности французской экономики были снижены взносы предпринимателей в систему социального страхования и налог на прибыль, кроме того, была осуществлена либерализация рынка труда. То есть на практике Олланд двигался по пути социал-либерализма, что вызывало неприятие со стороны левого крыла ФСП.

В результате на праймериз, состоявшихся в преддверии президентских выборов 2017 г., кандидатом на пост президента от ФСП был избран левый социалист Амон, постоянно критиковавший Олланда и декларировавший намерение вернуть Социалистическую партию к ее истокам и традиционным ценностям левого движения. Амон выступал за введение «безусловного базового дохода», 35-часовую рабочую неделю, легализацию каннабиса и т.д. Его победа на праймериз ФСП, как и успех Корбина (с которым Амона часто сравнивают) на выборах лидера ЛПВ, наглядно продемонстрировала глубину расхождений во взглядах между умеренным партийным истеблишментом и гораздо более радикально настроенными рядовыми членами. Однако на самих президентских выборах Амон, как уже упоминалось, занял лишь пятое место,

³⁵ *Примечательно, что лидера «Непокоренной Франции» Меланшона, занимающего жесткие антикапиталистические, антиглобалистские и евроскептические позиции, поддержали на этих выборах 19,6% избирателей.*

набрав всего 6,4% голосов³⁵. В июле 2017 г. Амон вышел из ФСП и объявил о создании левого «Движения 1 июля», позднее переименованного в «Génération.s». Внутренние конфликты и расколы в ФСП, а также неясность ее идеологической самоидентификации привели партию к тяжелому поражению и на парламентских выборах 2017 г. — за ее кандидатов во втором туре проголосовали лишь 5,7% избирателей.

Таким образом, хотя рыночно ориентированная модернизация социалистических и социал-демократических партий и является требованием времени, она зачастую сопряжена со значительными трудностями. Маркетизация идеологии и политики нередко обостряет конфликты между рядовыми членами партии и ее руководством, левыми традиционалистами и модернизаторами, может вызвать внутрипартийные кризисы и расколы и даже выход из партии части членов. Важно отметить, что социал-демократический проект, «утопия-надежда» (термин бывшего лидера СДПГ Зигмара Габриеля) выполняют в левоцентристских партиях важную интегративную функцию. Соответственно, далеко идущий отказ от такого проекта, от остатков социалистической утопии угрожает подорвать не только социал-демократическую идентичность, но и сплоченность партии.

Этим, однако, дело не ограничивается. По мере сдвига европейской социал-демократии вправо слева от нее возникают и усиливаются радикальные левые или левопопулистские партии, в идеологическом дискурсе которых доминируют антикапитализм, евроскептицизм и жесткая критика неолиберальной глобализации. К их числу относятся греческая СИРИЗА, испанская «Подemos», германская Левая партия, «Непокоренная Франция» и др. Эти партии все больше становятся серьезными конкурентами социал-демократов. Интересно, что их нередко возглавляют выходцы из социал-демократических и социалистических партий, несогласные с их дрейфом к социал-либерализму (Лафонтен, Меланшон, Амон). А ЛПВ под руководством Корбина, по словам Елены Ананьевой, сама «приобретает черты альтернативного левого популистского движения»³⁶.

³⁶ *Ананьева 2018: 72.*

**Размытая
идентичность
и интеллектуальный
застой**

Начавшийся на рубеже XX—XXI вв. сдвиг социал-демократических партий к центру политического спектра и принятие ими ряда неолиберальных установок привел к размыванию идентичности этого политического течения. Вот как оценивал ситуацию в 2011 г. испанский социалист Максимо Диас-Кано: «Социал-демократия находится на ничейной земле и в критической ситуации... [Она] потеряла компас идеологического дискурса и заблудилась. Она находится на территории, которая не является естественной для левых демократов: проводит политику экономической настройки на основе диктата рынков... проводит фискальную политику, нуждающуюся в улучшении — как в части ее справедливости и сбалансированности, так и эффективности. И все это на фоне недоверия граждан к партиям. Социал-демократия потерялась, и граждане не находят у нее ответов»³⁷.

³⁷ *Цит. по: Орлов 2012: 14.*

Наконец, еще одна причина нынешних трудностей европейской социал-демократии лежит в сфере идей. На наш взгляд, сегодня можно говорить о том, что социал-демократия пребывает в духовном застое. Среди ее теоретиков нет крупных мыслителей (масштаба, скажем, Каутского или Эдуарда Бернштейна). Не просматриваются в ее рядах и харизматические лидеры, подобные Фелипе Гонсалесу или Блэру, которые могли бы подтолкнуть левоцентристские партии к идеологической «смене вех». В результате социал-демократы не способны предложить избирателям каких-либо оригинальных, креативных идей. Их нет даже у СДПГ, которой в свое время принадлежало идеологическое лидерство в Социалистическом интернационале. Руководитель Академии социальной демократии Фонда Фридриха Эберта, например, полагает, что многочисленные конференции, дискуссии и публикации, посвященные выработке ценностно-мировоззренческих установок германской социал-демократии, «являются выражением программно-содержательного вакуума», и говорит об «отсутствии четких программно-содержательных ориентиров СДПГ»³⁸. Наличием «ясной и реалистичной повестки дня, отвечающей на вызовы современности и привлекательной для рядовых граждан», не могут похвастаться и другие социал-демократические партии³⁹.

³⁸ Крель 2010: 78.

³⁹ Арбатова 2018.

* * *

Перспективы преодоления европейской социал-демократией ее нынешнего кризиса зависят прежде всего от того, удастся ли ей адаптироваться к реалиям современного мира и совместить с его императивами свои традиционные ценности и установки. Социал-демократии нужно будет найти разумный баланс между справедливостью и эффективностью, социальной защитой населения и требованиями глобального рынка, универсализмом и отстаиванием национальной идентичности, «утопией-надеждой» и прагматизмом. Вероятно, на этом пути ей придется признать частичную правоту не только либерализма, но и национал-консерватизма и интегрировать в свое мировоззрение некоторые консервативные концепты. Такое социально-консервативное течение уже сложилось в ЛППВ. Речь идет о «синем лейборизме», в самом названии которого (синий — цвет Консервативной партии Великобритании) отражено стремление включить в лейбористскую идеологию ряд установок британских консерваторов. «Синие лейбористы» с уважением относятся к британским традициям, выступают в защиту религии и семейных ценностей, позитивно относятся к патриотизму, стремятся сохранить британскую идентичность, критикуют глобализацию, мультикультурализм, бесконтрольную иммиграцию.

Что касается духовных истоков «синего лейборизма», то к ним относятся идеи раннего лейборизма (в том числе гильдейский социализм), коммунитаризм, христианский социализм. Значительное влияние на него оказали воззрения консервативных романтиков XIX в. Томаса Карлейля и Джона Рёскина, а также консервативно-романтического социалиста Уильяма Морриса. Иначе говоря, одним из источников

вдохновения для «синих лейбористов» послужила та версия британского социализма (отчасти питавшаяся консервативными соками), которая критиковала капиталистическую модернизацию не только за порожденные ею страдания индустриальных рабочих, но и за вытеснение фабричным производством творческого труда и индивидуального мастерства, за разрушение традиционных социокультурных устоев и «органических» социальных связей⁴⁰. Неудивительно, что «синие лейбористы» придают исключительное значение местным сообществам и ассоциациям гражданского общества, считают необходимым сохранение и развитие «органических», коммунитарных связей между людьми, взаимной помощи, солидарности.

⁴⁰ Эта интеллектуальная традиция была впоследствии продолжена гильдейским социализмом (см. Галкина 1988: 24—26).

Другими словами, в рамках «синего лейборизма» осуществлен оригинальный синтез социал-демократических и консервативных ценностей, и сам он многое почерпнул из консервативной интеллектуальной традиции. На наш взгляд, именно такое направление идеологического обновления западной социал-демократии является действительно перспективным. Органическое, творческое соединение социалистических, либеральных и национал-консервативных ценностно-мировоззренческих установок — вот та «королевская дорога», следуя по которой европейская социал-демократия сможет преодолеть тот кризис, в котором она оказалась сегодня.

Библиография

Ананьева Е.В. (2018) «Партия независимости Соединенного Королевства: взлет и падение. Лейбористы как альтернатива?» // Швейцер В.Я., ред. *Партии и движения политической альтернативы в современной Европе*. М.: ИЕ РАН: 67—73. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/357.pdf> (проверено 15.08.2019).

Арбатова Н.К. (2018) «В странах ЕС должна появиться достойная оппозиция» // *НГ-Дипкурьер*, 26.02. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2018-02-26/9_7179_opposition.html (проверено 25.06.2019).

Брайович С.М. (1982) *Карл Каутский — эволюция его воззрений*. М.: Наука.

Вершинин А.А. (2014) «На полпути к социал-демократии: французские социалисты в начале XXI в.» // *Мировая экономика и международные отношения*, № 9: 45—54.

Галкина Л.А. (1988) *Гильдейский социализм: Критический анализ*. М.: Наука.

Крелль К. (2010) «Кризис германской социал-демократии: пять причин и пять способов его преодоления» // *Социал-демократия в современном мире*. М.: Ключ-С: 75—88.

Лафонтен О. (2009) «Свобода через социализм» // *Актуальная социал-демократия в XXI веке*. М.: Ключ-С: 51—60.

Маркс К. и Ф.Энгельс. (1955) «Манифест Коммунистической партии» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 4. М.: Госполитиздат: 419—459.

Орлов А.А. (2012) «Европейская социал-демократия: трудный путь к возрождению» // *Ежегодник ИМИ — 2012*. М.: МГИМО-Университет: 12—32.

Пархалина Т.Г. и др. (2018) «Политические партии перед новыми вызовами: Опыт Западной Европы и России» // *Актуальные проблемы Европы*, № 4: 235—266.

Поттхофф Х. и С.Миллер. (2003) *Краткая история СДПГ: 1848—2002*. М.: Памятники исторической мысли.

Предвыборный манифест Партии европейских социалистов. (2009) М.: Ключ-С.

Тимошенкова Е.П. (2017) «Особенности партийно-политического развития ФРГ и миграционный кризис 2015—2016 гг.» // Гуселетов Б.П., ред. *Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса*. Ч. I. М.: ИЕ РАН: 20—34. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/337.pdf> (проверено 15.08.2019).

Федотова В.Г. (2004) «Вызовы левым взглядам и их трансформация» // *Исторические судьбы социализма*. М.: ИФ РАН: 234—258.

Шацкий Е. (1990) *Утопия и традиция*. М.: Прогресс.

Швейцер В.Я. (2013) «Социал-демократия на качелях политической жизни Западной Европы» // *РСМД*, 15.05. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sotsial-demokratiya-na-kachelyakh-politicheskoy-zhizni-zapad/> (проверено 10.07.2019).

Bailey D., J.-M. de Waele, F.Escalona, and M.Vieira, eds. (2014) *European Social Democracy During the Global Economic Crisis: Renovation or Resignation?* Manchester: Manchester University Press.

Crossman R.H.S. (1953) «Towards a Philosophy of Socialism» // Crossman R.H.S., ed. *New Fabian Essays*. London: Turnstile Press.

Cruddas J. (2011) «Political Context for Change» // *Fear and Hope*. URL: <http://www.fearandhope.org.uk/2011-report/context-for-change> (accessed on 08.07.2019).

Dahrendorf R. (1983) *Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus*. Aufl. 2. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.

Giddens A. (2002) *Where Now for New Labour?* Cambridge: Polity Press.

Goes E. (2016) *The Labour Party under Ed Miliband: Trying but Failing to Renew Social Democracy*. Manchester: Manchester University Press.

Hillebrand E. (2008) «Zwischenruf: die europäische Linke und die Folge des Finanzkrise» // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 11: 16—17. https://www.frankfurter-hefte.de/media/Archiv/2008/Heft_11/NGFH_Nov_08_Archiv_Hillebrand.pdf (accessed on 05.07.2019).

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) «Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction» // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press: 1—64.

Lucke A. von. (2009) «Mehr Mut zur Vision» // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 3: 45—48. URL: <https://www.frankfurter-hefte.de/>

media/Archiv/2009/Heft_03/NGFH_Maerz_09_Lucke_Web.pdf (accessed on 16.07.2019).

Michels R. (1989) *Zur Soziologie des Parteiwesens in der moderner Demokratie*. Aufl. 4. Stuttgart: Kröner.

«Militar aujourd'hui (colloque)» (1989) // *La Nouvelle revue socialiste*, no. 7: 3—111.

Sarrazin Th. (2010) *Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen*. München: DVA.

Thierse W. (2017) «Bundestagswahl 2017 — worum es wirklich geht» // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 9: 5—9. URL: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/bundestagswahl-2017-worum-es-wirklich-geht-2419/> (accessed on 15.07.2019).

Thomson S. (2000) *The Social Democratic Dilemma: Ideology, Governance, and Globalization*. Houndmills, Basingstoke, and London: Palgrave Macmillan.

N.V.Rabotyzhev

WESTERN EUROPEAN SOCIAL DEMOCRACY IN THE 21ST CENTURY: FROM MODERNIZATION TO CRISIS

Nikolai V. Rabotyzhev — Ph.D. in Political Science; Leading Researcher at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: rabotiajev@mail.ru.

Abstract. The response of European social democracy to the crisis of the Keynesian socio-economic model that they created in the 1970s and 1980s was the market-oriented modernization of the social democratic parties. At the end of 20th — early 21st century, social democrats revised a number of principles of democratic socialism, borrowed some neoliberal concepts and almost completely abandoned the utopian elements in their ideology. The most active renewal processes were developed in the Labour Party of the United Kingdom under T.Blair, and in the Social Democratic Party of Germany under G.Schröder. However, the global financial and economic crisis of 2008 showed that social democrats lack a convincing alternative to neoliberalism. As a result, after 2008 social democracy faced new problems and challenges.

From the point of view of the author, at present, European social democracy is in a state of crisis. There are several reasons for that. First of all, social democracy, which is in general a pro-globalist force, underestimates the negative consequences of globalization for its voters. It advocates a liberal

migration policy and turns a blind eye towards the difficulties associated with the integration of immigrants into the European societies. Market-oriented modernization in the social democratic parties provokes resistance of the left-wing traditionalists, which can lead to internal party crises and splits or the success of the “hard left”, such as J. Corbyn. The shift of social democracy towards social liberalism strengthens the left-populist parties (Syriza, Podemos, Unbowed France, etc.), which are becoming serious competitors to social democrats. It also contributes to the erosion of social democratic identity. Last but not least — social democracy is in intellectual stagnation and is not able to offer voters any fresh, original ideas. According to the author, European social democracy can achieve a real renewal only if it chooses the path of a creative synthesis of socialist, liberal and conservative ideas.

Keywords: social democracy, “Third Way”, global financial and economic crisis, globalization, multiculturalism, left traditionalism

References

- Anan'eva E.V. (2018) “Partija nezavisimosti Soedinennogo Korolevstva: vzlet i padenie. Leiboristy kak al'ternativa?” [United Kingdom Independence Party: Rise and Fall. Labour as Alternative?] // Shveytzer V.Ya., ed. *Partii i dvizhenija politicheskoy al'ternativy v sovremennoj Evrope* [Parties and Movements of Political Alternative in Contemporary Europe]. Moscow: IE RAN: 67—73. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/357.pdf> (accessed on 15.08.2019). (In Russ.)
- Arbatova N.K. (2018) “V stranakh ES dolzhna pojavit'sja dostojnaja oppositsija” [In the EU Countries the Deserving Opposition Should Appear] // *NG-Dipkur'er*, 26.02. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2018-02-26/9_7179_opposition.html (accessed on 25.06.2019). (In Russ.)
- Bailey D., J.-M. de Waele, F. Escalona, and M. Vieira, eds. (2014) *European Social Democracy During the Global Economic Crisis: Renovation or Resignation?* Manchester: Manchester University Press.
- Brajovich S.M. (1982) “Karl Kautskij — evolutsija ego vozzrenij” [Karl Kautsky — An Evolution of His Views]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Crossman R.H.S. (1953) “Towards a Philosophy of Socialism” // Crossman R.H.S., ed. *New Fabian Essays*. London: Turnstile Press.
- Cruddas J. (2011) “Political Context for Change” // *Fear and Hope*. URL: <http://www.fearandhope.org.uk/2011-report/context-for-change> (accessed on 08.07.2019).
- Dahrendorf R. (1983) *Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus*. Aufl. 2. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Fedotova V.G. (2004) “Vyzovy levym vzgljadam i ikh transformatsija” [Challenges to Left-wing Opinions and Their Transformation] // *Istoricheskiye sud'by sotsializma* [Historical Destiny of Socialism]. Moscow: IF RAN: 234—258. (In Russ.)
- Galkina L.A. (1988) *Gil'dejskij sotsializm: Kriticheskij analiz* [Guild Socialism: A Critical Analysis]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

- Giddens A. (2002) *Where Now for New Labour?* Cambridge: Polity Press.
- Goes E. (2016) *The Labour Party under Ed Miliband: Trying but Failing to Renew Social Democracy*. Manchester: Manchester University Press.
- Hillebrand E. (2008) “Zwischenruf: die europäische Linke und die Folge des Finanzkrise” // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 11: 16–17. https://www.frankfurter-hefte.de/media/Archiv/2008/Heft_11/NGFH_Nov_08_Archiv_Hillebrand.pdf (accessed on 05.07.2019).
- Krell Ch. (2010) “Krizis germanskoj sotsial-demokratii: pjat’ prichin i pjat’ sposobov ego preodolenija” [The Crisis of German Social Democracy: Five Causes and Five Ways to Overcome It] // *Sotsial-demokratija v sovremennom mire* [Social Democracy in Contemporary World]. Moscow: Kljuch-C: 75–88. (In Russ.)
- Lafontaine O. (2009) “Svoboda cherez sotsializm” [Freedom through Socialism] // *Aktual’naja sotsial-demokratija v XXI veke* [Actual Social Democracy in the 21st Century]. Moscow: Kljuch-C: 51–60. (In Russ.)
- Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) “Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction” // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press: 1–64.
- Lucke A. von. (2009) “Mehr Mut zur Vision” // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 3: 45–48. URL: https://www.frankfurter-hefte.de/media/Archiv/2009/Heft_03/NGFH_Maerz_09_Lucke_Web.pdf (accessed on 16.07.2019).
- Marx K. and F.Engels. (1955) “Manifest Kommunisticheskoy Partii” [Das Manifest der Kommunistischen Partei] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat: 419–459. (In Russ.)
- Michels R. (1989) *Zur Soziologie des Parteiwesens in der moderner Demokratie*. Aufl. 4. Stuttgart: Kröner.
- “Militer aujourd’hui (colloque)” (1989) // *La Nouvelle revue socialiste*, no. 7: 3–111.
- Orlov A.A. (2012) “Evropejskaja sotsial-demokratija: trudnyj put’ k vozrozhdeniju” [European Social Democracy: The Hard Way to Rebirth] // *Ezhegodnik IMI — 2012* [Yearbook of IMI 2012]. Moscow: MGIMO-Universitet: 12–32. (In Russ.)
- Parkhalina T.G. et al. (2018) “Politicheskie partii pered novymi vyzovami: Opyt Zapadnoj Evropy i Rossii” [Political Parties Facing New Challenges: The Experience of Western Europe and Russia] // *Aktual’nye problemy Evropy* [Actual Problems of Europe], no. 4: 235–266. (In Russ.)
- Potthoff H. and S.Miller. (2003) *Kratkaja istorija SDPG: 1848–2002*. [Kleine Geschichte der SPD: 1848–2002]. Moscow: Pamjatniki istoricheskoy mysli. (In Russ.)
- Predvybornyj manifest Partii evropejskikh sotsialistov*. (2009) [Election Manifesto of the Party of European Socialists]. Moscow: Kljuch-C. (In Russ.)
- Sarrazin Th. (2010) *Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen*. München: DVA.

Shveytzer V.Ya. (2013) “Sotsial-demokratija na kacheljakh politicheskoy zhizni Zapadnoj Evropy” [Social Democracy on the Swings of Political Life in Western Europe] // *RSMD* [Russian International Affairs Council], 15.05. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sotsial-demokratiya-na-kachelyakh-politicheskoy-zhizni-zapad/> (accessed on 10.07.2019). (In Russ.)

Szacki J. (1990) *Utopija i traditsija* [Utopia and Tradition]. Moscow: Progress. (In Russ.)

Thierse W. (2017) “Bundestagswahl 2017 — worum es wirklich geht” // *Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte*, no. 9: 5–9. URL: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/bundestagswahl-2017-worum-es-wirklich-geht-2419/> (accessed on 15.07.2019).

Thomson S. (2000) *The Social Democratic Dilemma: Ideology, Governance, and Globalization*. Houndmills, Basingstoke, and London: Palgrave Macmillan.

Timoshenkova E.P. (2017) “Osobennosti partijno-politicheskogo razvitija FRG i migratsionnyj krizis 2015–2016 gg.” [Features of Party and Political Development of Germany in Light of the 2015–2016 Migration Crisis] // Gusletov B.P., ed. *Transformatsija partijno-politicheskogo landshafta v stranakh Evrosojuza v uslovijakh krizisa* [Transformation of the Party and Political Landscape in European Union Countries in the Period of Crisis]. Part 1. Moscow: IE RAN: 20–34. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/337.pdf> (accessed on 15.08.2019). (In Russ.)

Vershinin A.A. (2014) “Na polputi k sotsial-demokratii: frantsuzskie sotsialisty v nachale 21 v.” [Halfway to Social Democracy: French Socialists in the Early 21st Century] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], no. 9: 45–54. (In Russ.)

Ю.А. Остапец

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ И ХАРИБДОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ

Юрий Александрович Остапец — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и государственного управления, декан факультета общественных наук Ужгородского национального университета (Украина). Для связи с автором: yu.ostapец@gmail.com.

Аннотация. В статье анализируется процесс консолидации партийной системы Украины по результатам парламентских выборов 1994—2019 гг. Методологической основой исследования выступает теория национализации партийных систем. Для измерения уровня национализации используются индексы национализации политических партий и партийных систем, разработанные М.Джонсом и С.Мейнуорингом, а также индекс территориального покрытия, предложенный Д.Карамани. Выявление типичных и девиантных электоральных регионов осуществляется путем вычисления евклидова расстояния.

Проведенное автором исследование демонстрирует, что в развитии партийной системы Украины отчетливо выражены две тенденции — к национализации и регионализации. В отдельные периоды на передний план выступает одна из них, что зависит от совокупного влияния целого ряда факторов, таких как особенности посткоммунистического транзита, избирательная система, форма правления, политический режим и др.

Показано, что модели электорального поведения населения Украины, сформированные в ходе учредительных выборов, носят подчеркнуто региональный характер. Исключением являются парламентские выборы 2014 и 2019 гг., по результатам которых индекс национализации оказался довольно высоким. Данный сдвиг автор связывает с исчезновением с электоральной карты Украины базовых для многих партий регионов — Донбасса и Крыма, а также с относительно низкой явкой избирателей в Южной и Восточной Украине. По его оценке, проявившееся на этих выборах усиление электоральной гомогенности отнюдь не гарантирует повышения уровня национализации партийной системы страны. Высокий уровень волатильности при сравнительно невысоких значениях индексов национализации и эффективного числа партий свидетельствует о том, что, несмотря на существенные изменения в акторной структуре партийного пространства, неоднородность (региональность) партийных предпочтений граждан Украины остается весьма значительной.

Ключевые слова: партийная система, национализация партийной системы, региональные политические партии, учредительные выборы, парламентские выборы, Украина

В политической науке есть общепринятый методологический инструментарий, позволяющий анализировать развитие партийных систем в «новых» демократиях. С успешным переходом к демократии связывают в том числе консолидацию партийных систем, а именно уменьшение партийной фрагментации и электоральной волатильности и повышение уровня национализации. Но такая логика характерна для типичных случаев перехода к демократии. Гораздо сложнее, когда речь идет о нестандартном развитии партийных систем, одним из вариантов которого является украинский кейс.

В настоящем исследовании мы сосредоточимся на таком показателе партийной консолидации, как национализация партийной системы, который фиксирует однородность/неоднородность региональных электоральных моделей, то есть структурные параметры партийной конкуренции, воспроизводящиеся на территории всей страны.

Следует отметить, что, согласно данным сравнительных исследований, степень национализации партийной системы Украины намного ниже, чем в других странах¹, в том числе и России². Одна из причин подобного положения вещей — векторная дилеммность развития этой партийной системы. С одной стороны, ее эволюция связана со становлением общенациональных партий, с другой — по результатам местных выборов 2006, 2010 и 2015 гг. можно констатировать появление в Украине мощных региональных партий, несмотря на то что их создание запрещено действующим законодательством³.

¹ Авксентьев 2016.

² Туровский 2012.

³ Закон України 2001.

Методология исследования

Методологической основой нашего исследования выступает теория национализации партийных систем⁴. Через призму этой теории и будет проанализировано развитие партийной системы Украины в контексте ее национализации и регионализации.

⁴ Об этой теории см., напр. Jones and Mainwaring 2003; Caratani 2004; Brancati 2008; Bochler 2010a, 2010b; Golosov 2016a, 2016b; Туровский 2016.

Под национализацией партийной системы понимают территориальную гомогенизацию электоральной поддержки политических партий. Партийная система считается полностью национализированной, если доли голосов, полученных партиями в различных территориальных единицах страны, одинаковы. Если партии получают электоральную поддержку только в отдельных регионах, партийная система квалифицируется как ненационализированная⁵.

⁵ Golosov и Григорьев 2015: 128.

Антитезой национализации партийной системы является ее регионализация: чем выше уровень национализации, тем ниже, соответственно, уровень регионализации, и наоборот. Показателями регионализации партийного влияния служат образование региональных политических партий и региональная поддержка партий общенациональных.

В исследованиях по национализации в качестве региональных рассматриваются партии, принимающие участие в выборах лишь на отдельных территориях, то есть имеющие незначительное территориальное покрытие. Другой важный критерий отнесения партий к категории региональных — наличие у них партикуляристской идеологии. Общенациональные партии, обладающие локальной территориальной поддержкой, иногда трактуются как регионализованные⁶.

⁶ Туровский 2016: 175.

Ввиду отсутствия в политической науке единого подхода к изучению территориальной гомогенности электоральных предпочтений для измерения уровня национализации партийной системы мы задействовали индексы национализации политических партий (Party Nationalization Score, PNS) и партийных систем (Party System Nationalization Score, PSNS), разработанные Марком Джонсом и Скоттом Мейнуорингом и успешно протестированные на больших массивах электоральных данных. Кроме того, нами был использован индекс территориального покрытия (Territorial Coverage Index, TCI), предложенный Даниэле Карамани, который вычисляется как процент округов, где партия выдвинула своих кандидатов, от общего числа округов. Этот индекс хотя и игнорирует уровень электоральной поддержки партий, позволяет делать выводы о имеющихся у партий возможностях быть представленными во всех электоральных округах, а следовательно, о наличии партийных структур в регионах страны.

Поскольку процесс национализации партийной системы есть антитеза процесса регионализации, его анализ обязательно должен включать выявление типичных и девиантных регионов. Сделать это позволяет вычисление евклидова расстояния. Низкое значение этого показателя говорит о типичности региона, высокое — о девиантности. Типичные регионы голосуют как страна в целом, а девиантные демонстрируют серьезные отклонения от общенационального паттерна голосований⁷.

⁷ Туровский 2012: 109.

Косвенным образом на изменения в структуре предпочтений избирателей указывают динамика эффективного числа партий и уровень электоральной волатильности. Для их измерения применялся индекс эффективного числа партий Маркку Лааксо и Рейна Таагаперы, а также индекс волатильности Могенса Педерсена.

**Детерминанты
процесса
национализации/
регионализации
партийной системы
Украины**

Важным для нашего исследования было изучение факторов, влияющих на национализацию партийных систем. От степени проявленности этих факторов, их значимости зависит протекание процесса национализации политических партий и партийных систем в разных странах. Среди таких факторов Григорий Голосов и Алексей Григорьев выделяют особенности посткоммунистического транзита, федерализм, децентрализацию, политический режим, форму правления (президентализм), электоральные правила⁸. В свою очередь, Юрий Гайворонский полагает, что на уровне национализации партийных систем сказываются социетальное разнообразие, федерализм и децентрализация,

⁸ Голосов и Григорьев 2015: 130—135.

⁹ Гайворонский
2018: 47—49.

форма правления, а также деятельность субнациональных элит (например, создание губернаторских политических машин)⁹.

Учитывая украинскую специфику, к детерминантам процесса национализации/регионализации партийной системы страны можно отнести социокультурную неоднородность, особенности посткоммунистического транзита, политический режим, электоральные правила, форму правления, децентрализацию (деволюцию), конституционную волатильность (форма правления в Украине менялась в 2004, 2010, 2014 гг.), деятельность субнациональных (региональных) элит и формирование в отдельных областях Украины региональных политических режимов, нормативно-правовую базу функционирования политических партий и этническую фрагментацию. Рассмотрим наиболее существенные (с нашей точки зрения) из них.

¹⁰ Хантингтон
2003: 255—256.

1. *Социокультурная неоднородность*, связанная с историческим разделением Украины на Западную и Восточную. После президентских выборов 1994 г., когда голосование за Леонида Кучму и Леонида Кравчука совпало с картой распространения русского и украинского языков, возникла метафора «двух Украин». Особую популярность эта метафора получила с выходом знаменитой книги Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций», где Украина была названа расколотым государством, по территории которого проходит линия размежевания между восточной и западной цивилизациями¹⁰. Ключевыми маркерами социокультурных и идейно-политических различий между жителями разных регионов Украины остаются язык, оценка исторического прошлого и отношение к внешнеполитическому курсу страны.

2. *Особенности посткоммунистического транзита*, его прерывистый характер с вкраплением серьезных социально-политических конфликтов. За неполных 30 лет независимости Украина пережила как минимум три масштабных политических потрясения, сопровождавшихся общественным противостоянием, массовыми акциями протеста против власти (кампания «Украина без Кучмы» 2000—2001 гг., Оранжевая революция 2004—2005 гг., Евромайдан 2013—2014 гг.). Все это неизбежно отражалось на акторной структуре и конфигурации партийной системы. В 2014 г. изменения были настолько кардинальными, что применительно к выборам 2014—2015 гг. (парламентским и местным) можно говорить о появлении принципиально новой партийной системы с совершенно иным, чем прежде, набором акторов (единственное исключение — Всеукраинское объединение «Батькивщина»). Существенные изменения в партийной системе произошли и по результатам парламентских выборов 2019 г. Столь резкая смена акторной структуры связана с неукорененностью партийных предпочтений в общественном сознании, что также является одной из черт украинского посткоммунистического транзита.

3. *Политический режим*. Сложившийся в Украине в ходе посткоммунистического транзита политический режим ученые называют по-разному. На наш взгляд, его сущность точнее всего передает термин

«гибридный». Гибридность этого режима проявляется в том, что на разных этапах своего развития он приобретал контуры электорального авторитаризма, неопатримониального или олигархического режима¹¹.

¹¹ *Мацієвський 2016.*

Подобный режим меняет саму сущность демократических институтов, в том числе, а может, и сильнее всего политических партий. Украинские партии представляют собой не часть гражданского общества, отражающую интересы различных его сегментов, а «политические машины», построенные вокруг бизнес-структур или лидеров. Соответственно, главными субъектами политического процесса в стране выступают не партии или общественные организации, а олигархические структуры, которые ведут борьбу за власть с использованием демократических механизмов ее завоевания и легитимации.

4. Электоральные правила. В Украине выборы в Верховную раду (ВР) проводились восемь раз, и при этом практически всегда по разным правилам: если не корректировалась избирательная формула, то менялись условия проведения выборов.

В 1994 г. выборы в ВР проходили по мажоритарной системе абсолютного большинства; в 1998, 2002, 2012, 2014, 2019 гг. — по смешанной несвязанной системе (половина депутатов избиралась по системе относительного большинства в 225 одномандатных округах, половина — по закрытым партийным спискам в едином общенациональном округе с 4-процентным избирательным барьером¹²); в 2006 и 2007 гг. — по пропорциональной системе с 3-процентным избирательным порогом в едином общенациональном избирательном округе¹³. В 2012 г. избирательные блоки лишились права на участие в выборах, а избирательный барьер был повышен до 5%¹⁴.

¹² *Закон України 1998.*

¹³ *Закон України 2004.*

¹⁴ *Закон України 2011.*

Постоянная смена избирательного законодательства и преобладание электоральных формул с выраженным мажоритарным компонентом, не способствующим структурированию партийной системы, оказывали негативное влияние на процесс ее национализации.

5. Нормативно-правовая основа функционирования политических партий. Украина — не единственная страна, где на начальном этапе демократического транзита политические партии не пользовались популярностью. В аналогичном положении находились и другие страны Центрально-Восточной Европы. Для решения этой проблемы там был создан законодательный механизм усиления роли партий в политической жизни, обеспечивший участие партий в избирательном процессе, их государственное финансирование, а также формирование правительства на основании партийного большинства и его политическую ответственность. Тем самым были искусственно сконструированы условия, когда у избирателей не оставалось иной альтернативы, кроме восприятия партий в качестве инструмента, без которого невозможна реализация государственной власти. По оценке Андрея Мелешевича, именно благодаря наличию свободных и справедливых выборов и политической ответственности партии со временем заняли должное место как в сознании политических актеров и избирателей, так и в политической

¹⁵ Meleshevich 2007. системе стран ЦВЕ¹⁵. В Украине, однако, соответствующего законодательного механизма так и не появилось.

Вторая проблема — возможность безнаказанного нарушения законов, регулирующих функционирование политических партий. В частности, не соблюдается закон, предусматривающий приостановку деятельности партий, которые: а) в течение 10 лет не участвовали в избирательных кампаниях; б) не создали ячеек в 2/3 регионов Украины; в) имеют менее 10 тыс. членов; г) не предоставили финансовой отчетности в Национальное агентство по вопросам предупреждения коррупции и др.¹⁶ В итоге по состоянию на 1 января 2018 г. в Украине оказалось зарегистрировано 354 партии — больше, чем в любой другой европейской стране¹⁷.

¹⁶ Закон України 2001

¹⁷ Кармазіна 2018.

Эволюция партийной системы Украины

В развитии партийной системы Украины можно выделить три периода (1991—2004 гг., 2004—2014 гг., с 2014 г.), каждый из которых охватывает несколько больших электоральных циклов. Точкой отсчета таких электоральных циклов, включающих парламентские, президентские и местные выборы, принято считать очередные парламентские выборы. Однако, учитывая статус президента в системе государственной власти Украины, объем его полномочий и уровень влияния на внутреннюю политику, применительно к этой стране отсчет большого электорального цикла целесообразнее вести с президентских выборов. В пользу подобного подхода говорит также тот факт, что по результатам трех президентских выборов (2004, 2010, 2014 гг.) в Украине менялась форма правления и возникали новые партийные структуры, на время занимавшие доминирующее положение в украинском политическом пространстве.

Первый период (1991—2004 гг.). Определяющее воздействие на структурирование партийной системы Украины в рамках первого периода оказали учредительные выборы¹⁸. В качестве таковых выступали президентские выборы 1991 и 1994 гг. и выборы 1994 г. в ВР¹⁹.

¹⁸ Гельман 1996.

¹⁹ В какой-то мере в качестве учредительных можно рассматривать и выборы в Верховный Совет УССР последнего созыва, состоявшиеся в 1990 г.

Проанализировав результаты этих выборов, можно сделать вывод, что их влияние на политические процессы в Украине носило амбивалентный характер. С одной стороны, они успешно выполнили свои функции в условиях демократического транзита: установили институциональный дизайн, давший толчок развитию электоральной конкуренции и эволюции партийной системы, сформировали модели электорального поведения, имевшие четко выраженную региональную окраску, создали основу легитимации будущего политического режима. С другой стороны, вследствие изъянов избирательного законодательства они, на наш взгляд, не обеспечили ротацию политической элиты, и с введением поста президента партийная номенклатура смогла успешно встроиться во вновь образованные властные структуры. В этой ситуации новые институты, в том числе политические партии и выборы, не смогли сыграть критическую роль в обновленной конструкции

государства, будучи интегрированы в несколько измененную систему отношений собственности и власти. Как следствие, в экономической и политической жизни Украины определяющее значение приобрели неформальные институты и практики²¹, что и привело к становлению в ней гибридного политического режима.

На развитие партийной системы в рассматриваемый период существенно повлияли также парламентские выборы 1998 и 2002 гг., которые проводились по смешанной избирательной системе.

В парламентских выборах 1998 г. приняло участие более 40 партий (из 53 зарегистрированных). Результаты выборов приведены в *табл. 1*.

²⁰ Манайло-Приходько 2018.

Таблица 1 Результаты выборов в ВР Украины 29 марта 1998 г.²¹

²¹ Здесь и далее использованы данные официального сайта Центральной избирательной комиссии Украины (<http://www.cvk.gov.ua>).

²² Общенациональный избирательный округ.

Название партии / избирательного блока	ОИО ²² , мандаты	ОИО, % голосов	PNS	TCI
КПУ	84	24,65	0,71	0,77
НРУ	32	9,4	0,56	0,82
СПУ и Крест.ПУ	29	8,55	0,53	0,44
ПЗУ	19	5,43	0,86	0,51
НДП	17	5,01	0,81	0,48
«Громада»	16	4,67	0,52	0,80
ПСПУ	14	4,04	0,55	0,33
СДПУ(о)	14	4,01	0,59	0,57

Выборы 1998 г. отразили несколько тенденций в общенациональной и региональной расстановке политических сил. В связи с резким расслоением в украинском обществе и бедностью большинства населения победу на выборах одержали левые и левоцентристы. При этом избирательный блок Социалистической партии Украины и Крестьянской партии Украины «За правду, за народ, за Украину» (СПУ и Крест.ПУ) получил наибольшую поддержку в Центральном регионе, а Коммунистическая партия Украины (КПУ) — в русскоязычных промышленных районах Восточной и Южной Украины.

Территориальная поддержка национально-демократических сил, к которым прежде всего следует отнести Народный рух Украины (НРУ), избирательный блок «Национальный фронт» и партию «Реформы и порядок» (ПРП), оказалась ограничена преимущественно Западным регионом. И если территориальное покрытие НРУ носило общенациональный характер, то электоральное влияние ПРП и «Национального фронта» было локализовано в областях Западной Украины.

Особенностью выборов 1998 г. стало появление феномена партий одного региона. Такие партии зафиксированы в Закарпатской (Социал-демократическая партия Украины (объединенная) (СДПУ(о))),

Днепропетровской (Всеукраинское объединение «Громада») и Сумской (Прогрессивная социалистическая партия Украины (ПСПУ)) областях. Именно благодаря голосованию в этих областях, где названные партии получили 31,17, 35,34 и 20,89% голосов соответственно, им удалось преодолеть 4-процентный барьер по Украине в целом²³.

²³ Остапець, Шестак и Дудінська 2016: 98.

Парламентские выборы 2002 г. стали точкой бифуркации в развитии украинской партийной системы. Если раньше доминирующее влияние на ее эволюцию оказывало социально-экономическое размежевание, то после 2002 г. — социокультурное. В Западном и Центральном регионах победу одержал оппозиционный блок Виктора Ющенко «Наша Украина», основу которого составляли партии национально-демократического направления, в Южном и Восточном наибольшую поддержку получил провластный блок «За Единую Украину!», куда вошли центристские партии.

Актуализация социокультурного размежевания упростила задачи политических сил в последующих избирательных кампаниях. В своих избирательных месседжах его использовали как национал-демократы, так и их оппоненты (левые и центристские партии). Консолидация собственного электората достигалась через апелляцию к языку, культурным ценностям и внешнеполитическим приоритетам, то есть вопросам, по которым у жителей разных регионов были разные позиции.

Накануне парламентских выборов 2002 г. в Украине было 127 зарегистрированных партий. Участие в кампании приняли 21 партия и девять блоков, объединявших еще 40 партий. Результаты выборов приведены в *табл. 2*.

Таблица 2 Результаты выборов в ВР Украины 31 марта 2002 г.

<i>Название партии / избирательного блока</i>	<i>ОИО, мандаты</i>	<i>ОИО, % голосов</i>	<i>PNS</i>	<i>ТСІ</i>
Блок Виктора Ющенко «Наша Украина»	70	23,57	0,55	0,78
КПУ	59	19,98	0,64	0,90
«За Единую Украину!»	35	11,7	0,68	0,90
Блок Юлии Тимошенко	22	7,26	0,64	0,01
СПУ	20	6,87	0,51	0,71
СДПУ(о)	19	6,27	0,67	0,35

Парламентские выборы 2002 г. в очередной раз подтвердили адекватность метафоры «двух Украин». Вместе с тем спецификой этих выборов было структурирование главных субъектов избирательного процесса в форме именных партийных блоков, что привело к потере узнаваемости партий, растворению их в избирательных блоках, а в конечном итоге — и к забвению.

Второй период (2004—2014 гг.) характеризовался электоральным противостоянием по оси «Восток — Запад». Его особенность — стабильность электоральной карты, которая появилась по результатам президентских выборов 2004 г., а потом воспроизводилась в избирательных кампаниях 2006—2012 гг.

Президентские выборы 2004 г. отчетливо обнаружили существование двух электоральных Украин, волеизъявление которых было абсолютно противоположным: на западе и в центре (17 регионов) победил Ющенко, на востоке и юге (10 регионов) — Виктор Янукович. Серьезное влияние на дальнейшее развитие партийной системы страны оказал принятый 8 декабря 2004 г. под воздействием развернувшейся на этих выборах борьбы пакет законов, предполагавший, в частности, переход к пропорциональной избирательной формуле на парламентских и местных выборах²⁴, что способствовало институциональному усилению роли партий за счет образования парламентского большинства. Следует также отметить, что в ходе президентской кампании подтвердила свою эффективность так называемая «восточная макрорегиональная политико-электоральная машина», апробация которой с успехом прошла еще на парламентских выборах 2002 г. в Донецкой области.

²⁴ Закон України «Про внесення...» 2004.

Таким образом, если до выборов 2004 г. социокультурный раскол хотя и отражался на результатах выборов (парламентских и президентских), был лишь одним из факторов структурирования партийной системы, то теперь он стал определять ее конфигурацию²⁵.

²⁵ Якименко (ред.) 2012.

Электоральное размежевание, четко обозначившееся на президентских выборах 2004 г., осталось актуальным и на парламентских выборах 2006 и 2007 гг. В регионах, где победил Ющенко, первое место заняли поддерживавшие его в избирательной кампании Блок Юлии Тимошенко и «Наша Украина», а в регионах, где победил Янукович, — Партия регионов.

В 2006 г. в избирательный бюллетень были внесены 28 партий и 17 избирательных блоков, объединявших 51 партию. Результаты выборов приведены в *табл. 3*.

Таблица 3 Результаты выборов в ВР Украины 26 марта 2006 г.²⁶

<i>Название партии / избирательного блока</i>	<i>ОИО, мандаты</i>	<i>ОИО, % голосов</i>	<i>PNS</i>
Партия регионов	186	32,14	0,54
Блок Юлии Тимошенко	129	22,29	0,70
«Наша Украина»	81	13,95	0,60
СПУ	33	5,69	0,63
КПУ	21	3,66	0,72

²⁶ Ввиду отсутствия на этих выборах мажоритарной составляющей, ТСИ применительно к ним не рассчитывался.

В рамках рассматриваемого периода заявляют о себе (на местных выборах 2006 и 2010 гг.) региональные партийные образования. Помимо упомянутого выше социокультурного размежевания «Восток — Запад», возникновение подобных образований объяснялось этноязыковым размежеванием с компактным проживанием соответствующих групп на определенной территории, разведением по времени местных и парламентских выборов, особенностями законодательства о партиях, стремлением региональных элит сохранить влияние и контроль над местными ресурсами и рядом других факторов.

Президентские выборы 2010 г., вновь проходившие в условиях противопоставления востока и запада Украины, стали своеобразным продолжением выборов 2004 г. Как и тогда, восточные и южные области проголосовали за Януковича (который и одержал победу), а большинство западных и центральных — за Тимошенко.

В парламентских выборах 2012 г. участвовала 21 партия (из 195 зарегистрированных). Результаты выборов приведены в *табл. 4*.

Таблица 4 Результаты выборов в ВР Украины 28 октября 2012 г.

<i>Название партии</i>	<i>ОИО, мандаты</i>	<i>ОИО, % голосов</i>	<i>PNS</i>	<i>TCI</i>
Партия регионов	72	30	0,67	0,90
«Батькивщина»	62	25,54	0,76	0,67
УДАР	34	13,96	0,83	0,81
КПУ	32	13,18	0,67	0,48
«Свобода»	25	10,44	0,53	0,16

Если говорить о региональном распределении электоральной поддержки, то в девяти областях Восточной и Южной Украины, Крыму и Севастополе победила Партия регионов, а в 15 областях Западной и Центральной Украины и Киеве — «Батькивщина».

Таким образом, хотя по результатам местных выборов 2010 г. в Украине появилась выраженная тенденция к образованию партийной системы с доминирующей партией, итоги парламентских выборов 2012 г. позволяли сделать вывод о движении в направлении двухблоковой конфигурации (Партия регионов и КПУ vs. «Батькивщина», «Свобода» и Украинский демократический альянс за реформы (УДАР)).

Третий период (с 2014 г.) в развитии партийной системы Украины начинается с изменения структуры электорального пространства (победа проевропейских партий в большинстве регионов Украины) и образования новых политических партий.

Внеочередные парламентские выборы 2014 г. кардинально изменили формат партийной системы Украины и ее акторную структуру. По их итогам в Раду прошли пять новых партий: «Народный фронт», Блок Петра Порошенко, Оппозиционный блок, Объединение «Самопомощь» и Радикальная партия Олега Ляшко. Из прежнего состава парламента заградительный барьер преодолела только «Батькивщина». Результаты выборов приведены в *табл. 5*.

Таблица 5 Результаты выборов в ВР Украины 26 октября 2014 г.

<i>Название партии</i>	<i>ОИО, мандаты</i>	<i>ОИО, % голосов</i>	<i>PNS</i>	<i>ТСІ</i>
Народный фронт	64	22,14	0,75	0,53
Блок Петра Порошенко	63	21,81	0,89	0,65
Объединение «Самопомощь»	32	10,97	0,81	0,05
Оппозиционный блок	27	9,43	0,42	0,42
Радикальная партия Олега Ляшко	22	7,44	0,81	0,74
«Батькивщина»	17	5,68	0,846	0,73

В региональном отношении электоральные симпатии распределились следующим образом: Оппозиционный блок одержал победу в пяти областях Восточной Украины, тогда как Юг, Центр и Запад отдали предпочтение Блоку Петра Порошенко и «Народному фронту»²⁷.

²⁷ *Етнополітичні процеси 2011.*

Выборы в местные советы 2015 г. завершили «революционный» электоральный цикл, закрепив сложившуюся конфигурацию партийной системы. Характерная особенность этих выборов — участие в них большого числа региональных и субрегиональных партий, таких как Партия простых людей Сергея Каплина (Полтава), «Черкашане» (Черкасская область), «Доверяй делам» (Одесса), «Единый Центр», Партия венгров Украины, Демократическая партия венгров Украины (Закарпатская область) и др.²⁸

²⁸ *Янішевський 2015.*

Следует отметить, что многие партии, получившие представительство в органах местной власти в 2015 г., использовали новую тактику ведения кампании, сконцентрировав силы на региональном или субрегиональном уровне и выдвигая кандидатов только в некоторые местные советы. Региональная локализация этих партий определялась: а) дееспособностью местных ячеек соответствующей партии; б) предоставлением партийного бренда заинтересованным акторам (политическая франшиза); в) функционированием общенациональных партий в отдельных регионах по принципу «региональных партийно-электоральных машин»; г) политическими интересами местных бизнес-элит.

Внеочередные парламентские выборы 2019 г. снова кардинальным образом изменили акторную структуру и конфигурацию партийной

системы Украины. Выборы проходили под влиянием президентской кампании марта-апреля 2019 г., которая задала формат их проведения и основные векторы политической конкуренции, обозначив при этом рейтинги партий, которые поддерживали кандидатов на пост президента. Важно подчеркнуть, что победивший в электоральной гонке Владимир Зеленский не использовал в своей кампании социокультурные месседжи, разделяющие избирателей на восточных и западных, фокусируя внимание на проблемах, которые являются общими для всех (преодоление коррупции, повышение благосостояния, продолжение реформ). Во втором туре выборов он набрал 73,22% голосов, победив во всех областях Украины, кроме Львовской.

На парламентских выборах заградительный барьер преодолели пять партий — «Слуга народа», «Оппозиционная платформа — За жизнь», «Батькивщина», «Европейская солидарность» и «Голос». При этом партия «Слуга народа» обошла всех своих конкурентов в 21 области и Киеве, уступив им лишь в Луганской, Донецкой и Львовской областях. В первых двух победила «Оппозиционная платформа — За жизнь», в третьей — «Голос». Результаты выборов приведены в *табл. 6*.

Таблица 6 Результаты выборов в ВР Украины 21 июля 2019 г.

<i>Название партии</i>	<i>ОИО, мандаты</i>	<i>ОИО, % голосов</i>	<i>PNS</i>	<i>TCI</i>
«Слуга народа»	124	43,16	0,89	0,84
«Оппозиционная платформа — За жизнь»	37	13,05	0,55	0,61
«Батькивщина»	24	8,18	0,77	0,64
«Европейская солидарность»	23	8,10	0,73	0,57
«Голос»	17	5,82	0,58	0,30

По итогам выборов партийная система Украины вновь приобрела контуры системы с доминирующей партией. В отличие от «Слуги народа», большинство других партий имели в основном региональное влияние, теряя голоса избирателей по мере продвижения с запада на восток («Европейская солидарность», «Голос», «Свобода») либо, наоборот, с востока на запад («Оппозиционная платформа — За жизнь», «Оппозиционный блок», «Партия Шария»).

**Национализация/
регионализация
партийной системы
Украины**

Для выявления уровня национализации/регионализации партийной системы Украины нами был рассчитан ряд эмпирических показателей: индекс электоральной изменчивости (волатильности) Педерсена (IPed), индексы эффективного числа электоральных (ENPV)

и парламентских (ENPS) партий Лааксо и Таагаперы, а также индекс национализации партийной системы (PSNS) (см. *табл. 7*).

Таблица 7 Эмпирические показатели развития партийной системы Украины

<i>Индексы</i>	<i>1998</i>	<i>2002</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2012</i>	<i>2014</i>	<i>2019</i>
ENPS	4,9	4,7	3,4	3,3	4,3	4,8	2,7
ENPV	9,0	6,9	5,2	3,8	4,9	7,5	4,4
IPed	—	46	50	17	36	61	69
PSNS	0,65	0,62	0,66	0,68	0,72	0,76	0,74

Как видно из таблицы, по результатам парламентских выборов 1998—2019 гг. индекс национализации украинской партийной системы колебался в пределах от 0,62 до 0,76. Довольно низкие значения этого индекса по сравнению с партийными системами других стран, скорее всего, объясняются социокультурной неоднородностью Украины, которая и определяла характер голосования. Максимального уровня PSNS достигал в 2014 (консолидация партийной системы после Евромайдана), 2019 (протестное голосование против старых политических элит) и 2012 гг. (появление тенденции к образованию устойчивой двухблоковой системы), минимального — в 2002 г. (актуализация социокультурного размежевания «Восток — Запад»).

Вычисление индекса национализации для отдельных партий (то есть степени гомогенности голосования за них) (см. *табл. 8*) позволяет зафиксировать следующие закономерности.

1. Значения индекса для парламентских партий сравнительно невелики, что обусловлено как региональными особенностями политического развития Украины, так и эксплуатацией партиями социокультурных маркеров в борьбе за симпатии избирателей. Показатели национализации регионализированных партий Восточной (Партия регионов, КПУ, Оппозиционный блок, «Оппозиционная платформа — За жизнь» и др.) и Западной («Свобода, «Наша Украина», «Батькивщина», «Голос» и др.) Украины примерно одинаковы и колеблются пределах от 0,42 до 0,8.
2. Индекс национализации у идеологических партий (НРУ, «Свобода») ниже (от 0,5 до 0,6), чем у партий электорально-прагматических (Партия зеленых Украины, Народно-демократическая партия Украины) (0,7+).
3. Индексы национализации отдельных партий, как и индекс национализации партийной системы, имели наивысшее значение в 2014 и 2019 гг. Это говорит об ослаблении тенденции к регионализации в развитии партийной системы страны.

Таблица 8 Индекс национализации парламентских партий / избирательных блоков по результатам парламентских выборов 1998–2014 гг.

<i>Партии / избирательные блоки</i>	1998	2002	2006	2012	2014	2019
Народный рух Украины	0,56					
Партия зеленых Украины	0,86					
СПУ и Крест.ПУ	0,53					
КПУ	0,71	0,64	0,73	0,67		
«Громада»	0,52					
ПСПУ	0,55					
СДПУ(о)	0,60	0,67				
НДП	0,81					
Национальный фронт	0,28					
Блок Виктора Ющенко «Наша Украина» / «Наша Украина» (2006)		0,55	0,60			
«За Единую Украину!»		0,68				
Блок Юлии Тимошенко / «Батьківщина» (2012, 2014)		0,64	0,71	0,76	0,85	0,77
СПУ		0,514	0,633			
Партия регионов			0,54	0,69		
УДАР				0,83		
«Свобода»				0,53		
Народный фронт					0,75	
Блок Петра Порошенко (2014 г.) / «Европейская солидарность» (2019 г.)					0,89	0,73
Объединение «Самопомощь»					0,80	
Оппозиционный блок					0,42	
Радикальная партия Олега Ляшко					0,81	
«Слуга народа»						0,89
«Оппозиционная платформа — За жизнь»						0,55
«Голос»						0,58

Не исключено, что повышение индекса национализации по результатам парламентских выборов 2014 и 2019 гг. объяснялось (по крайней мере, отчасти) исчезновением с электоральной карты Украины базовых для многих партий регионов — Донбасса и Крыма, а также низкой явкой избирателей в Южной и Восточной Украине.

Сопоставление индексов национализации и индексов территориального покрытия (см. *табл. 1—6*) свидетельствует о несовпадении этих показателей у части политических сил. Высокое территориальное покрытие не всегда влечет за собой высокий уровень национализации (например, на парламентских выборах 1998 г. ТСИ Народного руха Украины составляло 0,82, а PNS — 0,56). Такое расхождение обусловлено тем, что ряд партий, несмотря на наличие структур во всех регионах Украины, базовыми для себя считают лишь некоторые из них. Бывает и обратная ситуация, когда низкий индекс территориального покрытия сочетается с высоким индексом национализации. Это характерно для партий власти (Народно-демократическая партия), популистских партий, а также партий постматериальных ценностей (Партия зеленых Украины).

Для выявления девиантных и типичных в электоральном плане регионов нами было рассчитано евклидово расстояние для всех регионов Украины (см. *табл. 9*). К числу девиантных (евклидово расстояние больше 1) можно отнести Ивано-Франковскую, Львовскую, Тернопольскую, частично Ровенскую, Донецкую и Луганскую области, а также Крым и Севастополь. Следует отметить, что в трех западных областях отклонения от показателей общенационального голосования существенно выше, чем в восточных. Объяснить это можно тем, что в рассматриваемый период электоральная изменчивость на востоке Украины была меньше, чем на западе, и соответствующие регионы стабильно поддерживали так называемые «партии Востока» (КПУ, Партию регионов, «Трудовую Украину» и др.). Значительно сложнее с идентификацией типичных регионов, поскольку отклонения часто выходят за границу типичности (0,5). Тем не менее ряд регионов все же можно квалифицировать как типичные. Это Житомирская, Одесская, Херсонская, Черниговская, Сумская, Черкасская и некоторые другие области. Примечательно, что все они расположены либо в центре, либо на юге Украины.

Показатели евклидова расстояния указывают на некоторые аномальные отклонения по результатам отдельных выборов (Ивано-Франковская и Тернопольская области, 2002 г. — 2,31 и 1,93 соответственно; Донецкая область, 2006 г. — 1,87). Такие отклонения могли объясняться наличием регионализированных (то есть общенациональных с четкой территориальной локацией) партий, вмешательством административного ресурса, а также особенностями расстановки политических сил в регионе на момент выборов.

Стоит также обратить внимание на снижение евклидова расстояния в 2019 г., что, видимо, стало следствием протестного голосования против действующей власти и старой политической элиты вообще.

У большинства областей этот показатель колеблется в диапазоне от 0,36 до 0,52 (типичные регионы), и только у Луганской, Донецкой, Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областей он существенно выше.

Таблица 9 Евклидово расстояние по результатам парламентских выборов 1998–2019 гг.

	1998	2002	2006	2012	2014	2019
Запад						
Ивано-Франковская обл.	1,35	2,31	1,65	1,41	0,78	0,81
Львовская обл.	1,27	1,72	1,47	1,49	0,68	1,3
Тернопольская обл.	1,30	1,93	1,46	1,33	0,71	0,83
Ровенская обл.	1,02	1,29	1,10	0,76	0,51	0,45
Волинская обл.	0,79	1,42	1,34	0,89	0,61	0,49
Черновицкая обл.	0,41	0,99	0,92	0,71	0,51	0,39
Закарпатская обл.	1,24	0,80	0,69	0,39	0,44	0,39
Центр						
Киев	0,56	0,69	0,99	0,96	0,55	0,55
Киевская обл.	0,34	0,43	1,18	0,61	0,40	0,36
Винницкая обл.	0,56	0,75	1,05	0,87	0,71	0,68
Кировоградская обл.	0,42	0,60	0,60	0,32	0,26	0,44
Полтавская обл.	0,52	0,89	0,54	0,89	0,55	0,45
Хмельницкая обл.	0,51	0,55	0,98	0,64	0,39	0,42
Черкасская обл.	0,69	0,60	1,03	0,64	0,35	0,48
Житомирская обл.	0,37	0,19	0,59	0,51	0,34	0,36
Сумская обл.	0,70	0,45	0,92	0,54	0,29	0,39
Черниговская обл.	0,50	0,36	0,81	0,57	0,48	0,42
Юго-Восток						
Днепропетровская обл.	1,18	0,80	0,65	0,45	0,73	0,64
Запорожская обл.	0,43	0,84	0,90	0,68	0,77	0,52
Донецкая обл.	0,74	1,29	1,87	1,59	1,43	1,5
Луганская обл.	0,97	1,08	1,72	1,40	1,39	1,7
Харьковская обл.	0,54	0,83	0,87	0,67	1,13	0,68
Одесская обл.	0,37	0,70	0,79	0,66	0,75	0,56
Николаевская обл.	0,60	0,79	0,84	0,59	0,51	0,52
Херсонская обл.	0,43	0,65	0,37	0,45	0,38	0,39
Крым	0,75	0,87	1,16	1,06	–	–
Севастополь	0,91	1,01	1,46	1,24	–	–

* * *

Итак, в развитии партийной системы Украины отчетливо прослеживаются две тенденции — к национализации и к регионализации. В отдельные периоды более рельефно проявляется одна из них, что зависит от совокупного влияния целого ряда факторов.

Высокий уровень волатильности при сравнительно низких значениях индексов национализации и эффективного числа партий свидетельствует о том, что, несмотря на существенные изменения в акторной структуре партийного пространства, неоднородность (региональность) партийных предпочтений граждан Украины остается весьма значительной. В связи с этим можно утверждать, что усиление электоральной гомогенности по результатам парламентских выборов 2014 и 2019 гг. отнюдь не предопределяет повышение уровня национализации партийной системы страны, поскольку и до, и в течение соответствующих избирательных кампаний по-прежнему сохранялась поляризация идентичностных характеристик социума по линии «Восток — Запад».

Библиография

Авксентьев А. (2016) «Регіональна неоднорідність електорального простору: порівняльний аналіз (на матеріалі 100 національних кейсів)» // *Грані*, № 1: 6—11.

Гайворонский Ю. (2018) «Факторы национализации партийной системы современной России» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 45—61.

Гельман В. (1996) «„Учредительные выборы“ в контексте российской трансформации» // *Общественные науки и современность*, № 6: 46—64.

Голосов Г. и А. Григорьев. (2015) «Национализация партийной системы: российская специфика» // *Политическая наука*, № 1: 128—156. URL: <http://inion.ru/site/assets/files/3647/1.pdf> (проверено 14.05.2019).

Етнополітичні процеси в Україні: регіональні особливості. (2011) Київ: ІПіЕНД НАН України.

Закон України «Про вибори народних депутатів України». (1998) URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/541/97-вр> (проверено 16.04.2019).

Закон України «Про вибори народних депутатів України». (2004) URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1665-15> (проверено 16.04.2019).

Закон України «Про вибори народних депутатів України». (2011) URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4061-17> (проверено 16.04.2019).

Закон України «Про внесення змін до Конституції України». (2004) URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2222-15> (проверено 16.04.2019).

Закон України «Про політичні партії в Україні». (2001) URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2365-14> (проверено 16.04.2019).

Кармазіна М. (2018) *Політичні партії в Україні, 2014—2017 рр.* Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф.Кураса НАН України.

Манайло-Приходько Р. (2018) «Вплив „установчих“ виборів на еволюцію партійної системи України» // *Гілея: науковий вісник*, № 135 (8): 362—367.

Мацієвський Ю. (2016) *У пастиці гібридності: зигзаги трансформації політичного режиму в Україні (1991—2014)*. Чернівці: Книга — XXI.

Остапеч Ю., Н.Шестак і І.Дудінська. (2016) *Еволюція партійної системи України в умовах трансформації соціальних і політичних структур*. Ужгород: ЗПППО.

Туровский Р. (2012) «Электоральное пространство России: от названной национализации к новой регионализации?» // *Полития*, № 3: 100—119. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Turovskiy-2012-3.pdf (переврено 14.05.2019).

Туровский Р. (2016) «Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию» // *Полития*, № 1: 162—180. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1\(80\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1(80).pdf) (переврено 14.05.2019).

Хантингтон С. (2003) *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Якименко Ю., ред. (2017) *Трансформація партійної системи: український досвід у європейському контексті*. Київ: Центр Разумкова.

Янішевський С. (2015) *Локальні політичні проекти: чинники виникнення та перспективи політичної діяльності (за підсумками місцевих виборів-2015)*. URL: http://old2.niss.gov.ua/content/articles/files/lokalni_prosesu-7d35f.pdf (переврено 16.04.2019).

Bochsler D. (2010a) «Measuring Party Nationalisation: A New Gini-Based Indicator That Corrects for the Number of Units» // *Electoral Studies*, vol. 29, no. 1: 155—168.

Bochsler D. (2010b) «The Nationalization of Post-Communist Party Systems» // *Europe-Asia Studies*, vol. 62, no. 5: 807—827.

Brancati D. (2008) «The Origins and Strengths of Regional Parties» // *British Journal of Political Science*, vol. 38, no. 1: 135—159.

Caramani D. (2004) *The Nationalization of Politics: The Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe*. New York: Cambridge University Press.

Jones M. and S.Mainwaring. (2003) «The Nationalization of Parties and Party Systems: An Empirical Measure and an Application of the Americas» // *Party Politics*, vol. 9, no. 2: 139—166.

Meleshevich A. (2007) *Party Systems in Post-Soviet Countries: A Comparative Study of Political Institutionalization in the Baltic States, Russia and Ukraine*. New York: Palgrave Macmillan.

GolosoV G.V. (2016a) «Factors of Party System Nationalization» // *International Political Science Review*, vol. 37, no. 2: 246—260.

GolosoV G.V. (2016b) «Party System Nationalization: The Problems of Measurement with an Application to Federal States» // *Party Politics*, vol. 22, no. 3: 278—288.

Yu.A.Ostapets

BETWEEN SCYLLA OF NATIONALIZATION AND CHARYBDIS OF REGIONALIZATION: FEATURES OF DEVELOPMENT OF PARTY SYSTEM OF UKRAINE

Yurii A. Ostapets — Doctor of Political Science; Professor at the Department of Political Science and Public Administration, Dean of the Faculty of the Social Sciences of Uzhgorod National University (Ukraine). Email: yu.ostapets@gmail.com.

Abstract. The article analyzes the process of consolidation of the party system of Ukraine on the basis of the results of the 1994–2019 parliamentary elections. Methodologically, the article is based on the theory of nationalization of party systems. To measure the level of nationalization, the author employs indices of nationalization of political parties and party systems developed by M.Jones and S.Mainwaring, as well as the index of territorial coverage proposed by D.Caramani. Identification of typical and deviant electoral regions is carried out by calculating the Euclidean distance.

The research study conducted by the author demonstrates that the development of the party system of Ukraine witnesses two clear trends — towards nationalization and regionalization. In certain time periods, one trend starts dominating the scene, which depends on the combined influence of a number of factors, such as the features of the post-communist transition, electoral system, form of government, political regime etc.

The author shows that the models of the electoral behavior of the population of Ukraine, formed during the constituent elections, are inherently regional. The exception is the parliamentary elections of 2014 and 2019, when the nationalization index was quite high. The author explains this change by the fact that Donbass and Crimea — the regions that were crucial for many parties — disappeared from the electoral map of Ukraine, as well as by the relatively low voter turnout in southern and eastern Ukraine. According to him, the increased electoral homogeneity observed during these elections does not guarantee an increase in the level of nationalization of the country's party system. A high level of volatility coupled with relatively low values of both the nationalization index and the index of an effective number of parties indicates that, despite significant changes in the actor structure of the party space, the heterogeneity (regionality) of party preferences of the Ukrainian citizens remains very important.

Keywords: party system, nationalization of party system, regional political parties, constituent elections, parliamentary elections, Ukraine

References

- Avksent'ev A. (2016) "Regional'na neodnorodnist' elektoral'nogo prostoru: porivnjaj'nyj analiz (na materiali 100 natsional'nykh kejsiv)" [Regional Heterogeneity of Electoral Space: Comparative Analysis (on the Material of 100 National Cases)] // *Grani*, no. 1: 6–11. (In Ukr.)
- Bochsler D. (2010a) "Measuring Party Nationalisation: A New Gini-Based Indicator That Corrects for the Number of Units" // *Electoral Studies*, vol. 29, no. 1: 155–168.
- Bochsler D. (2010b) "The Nationalization of Post-Communist Party Systems" // *Europe-Asia Studies*, vol. 62, no. 5: 807–827.
- Brancati D. (2008) "The Origins and Strengths of Regional Parties" // *British Journal of Political Science*, vol. 38, no. 1: 135–159.
- Caramani D. (2004) *The Nationalization of Politics: The Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe*. New York: Cambridge University Press.
- Etnopolitychni protsesy v Ukrajinі: regional'ni osoblyvosti* [Ethnopolitical Processes in Ukraine: Regional Peculiarities]. (2011) Kiev: IPIEND NAN Ukrajinu (In Ukr.)
- Gaivoronsky Yu. (2018) "Faktory natsionalizatsii partijnoj systemy srovenennoj Rossii" [Factors of Party System Nationalization in Contemporary Russia] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 1: 45–61. (In Russ.)
- Gel'man V. (1996) "„Uchreditel'nye vybory“ v kontekste rossijskoj transformatsii" ["Constituent Elections" in the Context of Russian Transformation] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], no. 6: 46–64. (In Russ.)
- GolosoV G.V. (2016a) "Factors of Party System Nationalization" // *International Political Science Review*, vol. 37, no. 2: 246–260.
- GolosoV G.V. (2016b) "Party System Nationalization: The Problems of Measurement with an Application to Federal States" // *Party Politics*, vol. 22, no. 3: 278–288.
- GolosoV G. and A.Grigoriev. (2015) "Natsionalizatsija partijnoj systemy: rossijskaja spetsifika" [Party System Nationalization: The Case of Russia] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 128–156. URL: <http://inion.ru/site/assets/files/3647/1.pdf> (accessed on 14.05.2019). (In Russ.)
- Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsij* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Jones M. and S.Mainwaring. (2003) "The Nationalization of Parties and Party Systems: An Empirical Measure and an Application of the Americas" // *Party Politics*, vol. 9, no. 2: 139–166.
- Karmazina M. (2018) *Politychni partiji v Ukrajinі, 2014–2017 rr.* [Political Parties in Ukraine, 2014–2017]. Kiev: IPIEND im. I.F.Kurasa NAN Ukrajinu. (In Ukr.)
- Manajlo-Prykhod'ko R. (2018) "Vplyv „ustanovchykh“ vyboriv na evoljutsiju partijnoj systemy Ukrajinu" [Influence of "Constituent" Elections on the Evolution of the Party System of Ukraine] // *Hileja: naukovyj visnyk* [Gilea: Scientific Bulletin], no. 135 (8): 362–367. (In Ukr.)

Matsievs'ky Yu. (2016) *U pastsi gibrydnosti: zygzagy transformatsij politychnogo rezhymu v Ukrajinі (1991—2014)* [Trapped in Hybridity: Zigzags of Ukraine's Political Regime Transformations (1991—2014)]. Chernivtsi: Knyga — XXI. (In Ukr.)

Meleshevich A. (2007) *Party Systems in Post-Soviet Countries: A Comparative Study of Political Institutionalization in the Baltic States, Russia and Ukraine*. New York: Palgrave Macmillan.

Ostapets Yu., N.Shestak, and I.Dudins'ka. (2016) *Evoljutsija partijnoj systemy Ukrajinі v umovakh transformatsij sotsial'nykh i politychnykh struktur* [Evolution of the Party System of Ukraine in the Conditions of Transformation of Social and Political Structures]. Uzhgorod: ZIPPO. (In Ukr.)

Turovsky R. (2012) “Elektoral'noe prostranstvo Rossii: ot navjazanoj natsionalizatsii k novej regionalizatsii?” [Electoral Space of Russia: from Imposed Nationalization towards New Regionalization?] // *Politeia*, no. 3: 100—119. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Turovskiy-2012-3.pdf (accessed on 14.05.2019). (In Russ.)

Turovsky R. (2016) “Natsionalizatsija i regionalizatsija partijnykh sistem: podkhody k issledovaniju” [Nationalization and Regionalization of Party Systems: Approaches to Research] // *Politeia*, no. 1: 162—180. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1\(80\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1(80).pdf) (accessed on 14.05.2019). (In Russ.)

Yakymenko Yu., ed. (2017) *Transformatsija partijnoj systemy: ukrajins'kyj dosvid u yevropejs'komu konteksti* [Transformation of the Party System: Ukrainian Experience in the European Context]. Kiev: Tsentr Razumkova. (In Ukr.)

Yanishevs'ky S. (2015) *Lokal'ni politychni proekty: chynnyky vynykennja ta perspektyvy politychnoj dijal'nosti (za pidsumkamy mistsevykh vyboriv-2015)* [Local Political Projects: Factors of the Origin and Prospects of Political Activity (Based on the Results of Local Elections-2015)]. URL: <http://www.niss.gov.ua/catalogue/8> (accessed on 16.04.2019). (In Ukr.)

Zakon Ukrajinі “Pro politychni partiji v Ukrajinі” [The Law of Ukraine “On Political Parties in Ukraine”]. (2001) URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2365-14> (accessed on 16.04.2019). (In Ukr.)

Zakon Ukrajinі “Pro vnesennja zmin do Konstytutsiji Ukrajinі” [The Law of Ukraine “On Amendments to the Constitution of Ukraine”]. (2004) URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2222-15> (accessed on 16.04.2019). (In Ukr.)

Zakon Ukrajinі “Pro vybory narodnykh deputativ Ukrajinі” [The Law of Ukraine “On the Elections of People's Deputies of Ukraine”]. (1998) URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/541/97-bp> (accessed on 16.04.2019). (In Ukr.)

Zakon Ukrajinі “Pro vybory narodnykh deputativ Ukrajinі” [The Law of Ukraine “On the Elections of People's Deputies of Ukraine”]. (2004) URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1665-15> (accessed on 16.04.2019). (In Ukr.)

Zakon Ukrajinі “Pro vybory narodnykh deputativ Ukrajinі” [The Law of Ukraine “On the Elections of People's Deputies of Ukraine”]. (2011) URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4061-17> (accessed on 16.04.2019). (In Ukr.)

Д.Я.Розенберг, А.А.Серова
КАК «ДОСТОЙНОЕ ПРАВЛЕНИЕ»
И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
СНИЖАЮТ
МЛАДЕНЧЕСКУЮ СМЕРТНОСТЬ:
КАУЗАЛЬНАЯ СВЯЗЬ

Дина Яновна Розенберг — доцент департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: drosenberg@hse.ru.

Анна Андреевна Серова — аспирант Школы политических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: annserova15@gmail.com.

Аннотация. Уровень младенческой смертности — один из важнейших показателей здоровья населения. И хотя сегодня он перестал быть «зеркалом» общей социально-экономической ситуации в стране, его значение как индикатора человеческого развития сохраняется. Вместе с тем в последние годы возникла отчетливая тенденция к сужению разрыва между демократическими и авторитарными странами по этому параметру.

В настоящее время многие исследователи склоняются к тому, что межстрановые вариации в уровне младенческой смертности обусловлены не характером политического режима, а качеством управления. Рассмотрев теоретические аргументы в пользу данного заключения, Д.Розенберг и А.Серова тестируют его на обширном эмпирическом материале, развивая и уточняя предшествующие исследования по двум направлениям. Во-первых, они включают в рассмотрение фактор глобализации как дополнительный механизм, потенциально способный оказывать влияние на уровень младенческой смертности, тем самым помогая авторитарным странам догонять демократические. Во-вторых, они ставят и пытаются решить проблему эндогенности, то есть показать каузальную связь между «достойным правлением» и младенческой смертностью. Для оценки влияния «достойного правления» и глобализации на младенческую смертность используется кросс-национальный межвременной регрессионный анализ, для фиксации каузальности — метод инструментальных переменных.

Ключевые слова: младенческая смертность, «достойное правление», демократия, автократия, глобализация

Введение

На протяжении многих лет в политической науке и смежных дисциплинах идет дискуссия о том, какие политические режимы — демократические или же авторитарные — способны обеспечить высокий уровень экономического и человеческого развития. Согласно по этому вопросу так и достигнуто. Лауреат Нобелевской премии по экономике Амартия Сен однажды заметил, что на протяжении всей истории человечества ни в одной функционирующей демократии никогда не было голода (имеется в виду, разумеется, массовый и прямо порожденный политическими причинами голод, как, например, во время «большого скачка» в Китае, унесшего 30 млн жизней)¹. Однако сегодня в авторитарном Китае в возрасте до года умирает примерно семь новорожденных из тысячи, тогда как в Уттар-Прадеше, одном из штатов Индии, крупнейшей демократии в мире, — 30². Более того, хотя по этому показателю (на основе которого вычисляется коэффициент младенческой смертности — КМС) положение в демократических странах в целом лучше, чем в авторитарных, разрыв между ними постепенно сужается. Между тем КМС считается одним из важнейших индикаторов человеческого развития, отражающим не только ситуацию в здравоохранении, но и общее состояние социально-экономической сферы страны.

¹ *Sen 1999: 4.*

² <https://data.worldbank.org/indicator/sp.dyn.imrt.in?view=chart>.

В исследовании 2018 г. одна из авторов этой статьи пришла к выводу, что на показатели здоровья населения, включая КМС, влияет скорее не дихотомия «демократия-автократия», а «достойное правление»³. В настоящей работе мы развиваем и уточняем данное исследование по двум направлениям. Во-первых, мы включаем в рассмотрение дополнительный механизм, теоретически способный оказывать влияние на КМС, помогая авторитарным странам догонять демократические, а именно глобализацию. Во-вторых, мы ставим и пытаемся решить проблему эндогенности, то есть показать каузальную связь между «достойным правлением» и младенческой смертностью.

³ *Rosenberg 2018.*

Теоретическая рамка

Принято считать, что с точки зрения производства общественных благ, их доступности и эффективного распределения демократии превосходят автократии⁴. Они опережают их по уровню развития не только экономики, но и человеческого капитала⁵. В этих условиях, казалось бы, логично предположить, что демократии должны способствовать и снижению младенческой смертности⁶. Тем не менее эмпирические исследования последних лет не обнаруживают статистически значимой связи между политическим режимом и КМС⁷. Одно из объяснений такого положения вещей заключается в том, что с повышением общего уровня экономического развития и появлением новых технологий КМС перестал быть «зеркалом» общей социально-экономической ситуации в стране, превратившись в более узкий, частный показатель, имеющий отношение главным образом к здравоохранению⁸. Так, по мнению Майкла Росса, почти двукратное снижение КМС в мире в период с 1970 по 2000 г. было обусловлено широким распространением низкокзатратных

⁴ См., напр. *Bueno de Mesquita et al. 2001; Baum and Lake 2003.*

⁵ *Baum and Lake 2003; Zweifel and Navia 2003; Besley and Kudamatsu 2006; Vollmer and Ziegler 2009.*

⁶ См., напр. *Besley and Kudamatsu 2006.*

⁷ *Ross 2006; Truex 2017.*

⁸ См. *Rosenberg 2018.*

⁹ Ross 2006: 863. медицинских решений⁹. Однако это объяснение не является исчерпывающим.

¹⁰ Charron and Lapuente 2011: 443.

¹¹ Rothstein 2015.

¹² Dixit 2009.

¹³ McGuire and James 2006.

¹⁴ Ibid.: 10.

¹⁵ Kaufmann, Kraay, and Mastruzzi 2010a; Holmberg and Rothstein 2011; Hallerod et al. 2013.

¹⁶ Kaufmann, Kraay, and Mastruzzi 2010b.

¹⁷ Holmberg and Rothstein 2011; Hallerod et al. 2013; Rothstein 2015.

¹⁸ Jacobsen 2015.

Гораздо лучше объясняет межстрановые вариации в КМС качество управления — эффективность бюрократии и отсутствие коррупции, выступающие важнейшими компонентами того, что называют «достойным правлением»¹⁰. Как показывают Бо Ротштейн и Джан Теорелл, «достойное правление» (под которым они понимают «беспристрастность» институтов) может иметь большее значение для человеческого развития, чем характер политического режима¹¹. Между тем мировой исторический опыт говорит о том, что демократия не является ни панацеей от «недостойного правления», ни решающей предпосылкой правления «достойного»¹². Более того, авторитарные лидеры тоже имеют стимулы вкладываться в развитие человеческого капитала, в том числе в здоровье населения, так как это работает на повышение стабильности режима. О способности автократий проводить эффективную политику по сокращению младенческой смертности наглядно свидетельствует опыт Чили при Аугусто Пиночете, где в течение 1974—1984 гг. КМС снизился с 65 до 20¹³. И хотя это снижение было отчасти связано с резким падением рождаемости, не вызывает сомнений, что немалый вклад в него внесло проведение целевых программ, направленных на поддержку матери и ребенка (в частности, предоставление бесплатного молока и еды беременным женщинам)¹⁴.

В последние годы появилось немало эмпирических исследований, демонстрирующих, что «недостойное правление» негативно влияет на производство и распределение общественных благ, включая здравоохранение¹⁵. Даниэль Кауфманн и его соавторы фиксируют высокую отрицательную корреляцию между различными показателями управления и уровнем младенческой смертности¹⁶. Примечательно, что во многих работах убедительно показано: данный эффект не связан непосредственно с институтами демократии¹⁷.

Несмотря на наличие довольно широкого консенсуса относительно негативного воздействия «недостойного правления» на здоровье населения, вопрос о каузальности и направлении связи еще не решен. Существуют исследования, показывающие, что человеческий капитал влияет на политическое развитие и состояние институтов. Поэтому логично предположить, что более здоровые и богатые люди будут более склонны выступать против коррупции и требовать эффективной бюрократии, то есть «достойного правления». Именно такой точки зрения придерживается, в частности, Джонс Якобсен¹⁸. На основе анализа эмпирических данных он доказывает, что улучшение здоровья и увеличение продолжительности жизни (как один из маркеров социального развития, наряду с такими характеристиками, как профессионализация, урбанизация, уровень образования и доходов) заметно меняют взгляды населения на жизнь. В свою очередь, это порождает запрос на более эффективное управление. Когда людям не надо заботиться о выживании, они начинают задумываться об устройстве общества.

Признавая обоснованность подобных аргументов, мы тем не менее полагаем, что в случае с младенческой смертностью каузальность носит обратный характер. Соответственно, наша первая гипотеза будет выглядеть следующим образом.

Гипотеза 1: при прочих равных условиях «достойное правление» приводит к снижению младенческой смертности; уровень младенческой смертности на качество правления не влияет.

К числу факторов, теоретически способных воздействовать на уровень младенческой смертности, относится и глобализация. Влияние глобализации на здоровье населения может быть как позитивным, так и негативным. С одной стороны, она может приводить к сокращению расходов на социальную сферу¹⁹, «утечке мозгов», широкому распространению инфекционных заболеваний²⁰. С другой стороны, она позволяет нуждающимся странам получать целевую международную помощь, направленную на развитие здравоохранения²¹, а также способствует распространению знаний и технологий, тем самым обеспечивая общий экономический рост²².

Позитивные эффекты глобализации нам кажутся более значимыми, тем более что иностранная помощь в сфере здравоохранения действительно часто приносит свои плоды. Так, в результате реализации в Египте программы борьбы с диареей, на 60% финансировавшейся международными спонсорами, смертность детей от этой болезни в 1982—1987 гг. сократилась там на 82%²³. Существенный эффект дала и реализация Расширенной программы по вакцинации населения, запущенной в 1974 г. Всемирной организацией здравоохранения, и Программы всеобщей вакцинации детей Детского фонда ООН²⁴. В связи с этим наша вторая гипотеза звучит так.

Гипотеза 2: при прочих равных условиях глобализация ведет к снижению младенческой смертности.

Влияние глобализации служит дополнительным объяснением того, почему разница в политических режимах все меньше объясняет вариации в КМС. В последние годы авторитарные государства все чаще проводят открытую внешнюю политику, стремясь использовать в своих интересах соответствующие процессы²⁵.

Для оценки влияния «достойного правления» и глобализации на младенческую смертность мы используем метод кросс-национального межвременного регрессионного анализа, позволяющий фиксировать совокупный эффект независимых переменных с учетом изменений по годам. Стандартные ошибки кластеризованы на уровне стран, что делает модель устойчивой к гетероскедастичности и автокорреляции. Что-

¹⁹ Bergh and Nilsson 2010.

²⁰ Mills 2014.

²¹ Mishra and Newhouse 2009.

²² Dreher 2006.

²³ Martens et al. 2010.

²⁴ Gauri and Khaleghian 2002.

²⁵ Jonsson and Kinnvall 2003; Gu, Humphrey, and Messner 2008.

бы частично решить проблему эндогенности, во всех спецификациях модели независимые переменные лагированы на 1 год. Временной тренд (переменная «год») включен во все модели, чтобы учесть влияние глобального технического прогресса и других экзогенных факторов. Ввиду отсутствия ежегодных данных по некоторым важным переменным различные спецификации модели охватывают разное число стран (от 189 до 68). Все данные почерпнуты из *The Quality of Government Dataset*.

Для проверки гипотезы о каузальности связи между «достойным правлением» и младенческой смертностью мы задействуем инструментальную переменную. Суть этого метода заключается в том, чтобы найти такой фактор, который бы предсказывал «достойное правление» в стране, но напрямую не влиял на уровень младенческой смертности в ней. По аналогии с исследованиями влияния политического режима на экономический рост²⁶ в качестве инструментальной переменной, рассчитываемой для каждой страны, нами используется среднее арифметическое индексов «достойного правления» ее географических соседей. Интуиция проста: высокий уровень «достойного правления» у географических соседей, скажем, Бельгии будет предсказывать уровень «достойного правления» в самой Бельгии (в том числе за счет диффузии лучших управленческих практик)²⁷, но при этом не будет напрямую влиять на уровень младенческой смертности в этой стране (только через повышение в ней уровня «достойного правления»). Логично предположить, что уровень младенческой смертности в Бельгии не будет влиять на «достойное правление» в странах-соседях. Тем самым, вводя соответствующую переменную, мы элиминируем вероятность обратной связи.

²⁶ Miller 2015; Acemoglu et al. 2019.

²⁷ О правомерности такого допущения свидетельствует, в частности, исследование Кристиана Гледича и Майкла Уорда, показывающее, что страны тем более склонны к принятию демократических процедур, чем большее число их соседей являются демократиями (см. Gleditsch and Ward 2006).

Переменные

В качестве зависимой переменной в настоящей работе выступает КМС. В этом случае мы опираемся на базу данных Всемирного банка²⁸, превосходящую другие по широте охвата стран и тщательности отбора²⁹.

Главная независимая переменная в нашем исследовании — индекс глобализации, вычисляемый как среднее экономической, политической и культурной глобализации³⁰. Экономическая глобализация измеряется через движение товаров и инвестиций с учетом существующих ограничений (например, налогов на импорт); политическая — через количество посольств и представительств и членство в международных организациях; культурная — через интенсивность туристических потоков, информационное взаимодействие и т.д. Индекс принимает значения от 0 до 100 (где 100 — максимальный уровень глобализации).

«Достойное правление» (ДП) измеряется с помощью индекса, взятого из Международного справочника о страновых рисках³¹. Индекс представляет собой среднее значение трех показателей: коррупции,

²⁸ <https://data.worldbank.org/indicator/sp.dyn.imrt.in?view=chart>.

²⁹ Gerring, Thacker, and Alfaro 2012.

³⁰ Dreher 2006.

³¹ <https://www.prsgroup.com/explore-our-products/international-country-risk-guide/>.

правопорядка и качества бюрократического аппарата. Индекс доступен примерно для 146 стран с 1984 по 2012 г. и принимает значения от 0 до 1.

Для оценки политического режима используется индекс Polity IV, поскольку, несмотря на множество альтернатив, он охватывает максимальное число стран за самый продолжительный период времени.

Основными контрольными переменными являются экономическое развитие (измеряемое через ВВП на душу населения) и уровень образования женщин (среднее число лет обучения для женщин от 25 лет и старше). Выбор этих переменных обусловлен тем, что уровень экономического развития считается одним из ключевых факторов, определяющих благосостояние и здоровье населения в целом, а уровень образования женщин, по заключению многих исследователей, заметно влияет на уровень младенческой смертности³². Другие важные контрольные переменные, используемые в исследовании, — общая численность населения, расходы на здравоохранение (в процентах от ВВП), уровень недоодеяния (процент населения) и социально-экономическое неравенство (измеряемое через коэффициент Джини).

³² См., напр. Currie and Moretti 2003.

Результаты

В табл. 1 представлены результаты первой и второй стадии регрессионного анализа с использованием инструментальной переменной. Приведенные в ней данные в значительной мере подтверждают гипотезу 1: «достойное правление» уменьшает уровень младенческой смертности, и речь идет именно о причинно-следственной связи.

Итоги первого этапа анализа свидетельствуют о релевантности инструментальной переменной. Во-первых, в моделях 1, 3, 5, 7, 9, в которых мы предсказываем значение «достойного правления» с помощью инструмента («достойного правления» в странах-соседях), она сильно коррелирует с зависимой переменной даже при включении других важных регрессоров. Во всех нечетных моделях коэффициенты положительны и статистически значимы. При прочих равных условиях чем выше уровень «достойного правления» в странах-соседях, тем выше он в рассматриваемой стране. Во-вторых, F-тесты и тест Саргана-Хансена указывают на валидность инструмента: «достойное правление» у соседей влияет на КМС в стране исключительно через повышение в ней качества управления. Значения F варьируют от 29,01 до 1927,78 в зависимости от количества наблюдений.

В моделях 2, 4, 6, 8 и 10 мы рассматриваем влияние «достойного правления» (используя значения, предсказанные с помощью инструментальной переменной, из соответствующих нечетных моделей) уже непосредственно на КМС. Коэффициенты отрицательны и статистически значимы (как и ожидалось). Ceteris paribus повышение уровня «достойного правления» ведет к снижению младенческой смертности. И поскольку мы использовали инструментальную переменную, можно с уверенностью говорить о направленности связи и исключить влияние КМС на «достойное правление».

Таблица 1 Достойное правление, политический режим и КМС

	M 1 1-й этап	M 2 2-й этап	M 3 1-й этап	M 4 2-й этап	M 5 1-й этап	M 6 2-й этап	M 7 1-й этап	M 8 2-й этап	M 9 1-й этап	M 10 2-й этап
	ДП*	КМС (лог)	ДП*	КМС (лог)	ДП*	КМС (лог)	ДП*	КМС (лог)	ДП*	КМС (лог)
Достойное правление (среднее значение в странах-соседях)	0,383*** (-14,1)		0,389*** (-13,74)		0,315*** (-9,23)		0,441*** (-9,36)		0,473*** (-5,39)	
Политический режим	0,00528*** (9,59)	0,00970*** (8,24)	0,00502*** (8,51)	0,0104*** (9,03)	0,00316*** (4,2)	0,00303* (2,23)	0,00288*** (3,54)	0,00216 (1,54)	0,00668*** (3,63)	0,000833 (0,28)
ВВП на душу населения (лог)	0,0950*** (9,38)	-0,141*** (-6,69)	0,0933*** (8,29)	-0,118*** (-5,54)	0,109*** (7,36)	-0,138*** (-4,18)	0,138*** (7,26)	-0,118** (-2,87)	0,163*** (5,09)	-0,0331 (-0,50)
Численность населения (лог)	0,00995 (0,59)	0,380*** (13,09)	0,0131 (0,66)	0,372*** (11,62)	0,0272 (1,41)	0,295*** (9,01)	0,109*** (3,74)	0,326*** (6,44)	-0,0698 (-1,11)	0,508*** (5,98)
Уровень образования у женщин	0,0355*** (5,2)	-0,0563*** (-4,50)	0,0343*** (4,47)	-0,0687*** (-5,30)	0,0129 (1,38)	-0,0970*** (-6,24)	0,0336* (2,47)	-0,0813*** (-3,59)	0,0237 (0,78)	-0,02 (-0,48)
Год	-0,00642*** (-10,88)	-0,0365*** (-26,85)	-0,00681*** (-9,01)	-0,0334*** (-21,50)	-0,00828*** (-9,09)	-0,0316*** (-13,17)	-0,0115*** (-8,49)	-0,0359*** (-10,76)	-0,00896*** (-3,54)	-0,0479*** (-10,15)
Индекс глобализации			0,000653 (1,32)	-0,00399*** (-4,97)	-0,00303*** (-6,07)	-0,00838*** (-7,91)	-0,00242*** (-3,89)	-0,00446*** (-4,00)	-0,00282* (-2,49)	-0,00341 (-1,88)
Расходы на здравоохранение					0,00227 (1,4)	-0,00972*** (-3,56)	0,00305 (1,58)	-0,0143*** (-4,54)	-0,00309 (-0,98)	-0,00689 (-1,63)
Уровень недоплат							0,00083 (1,56)	0,000186 (0,21)		
Неравенство									0,000511 (0,47)	0,00187 (1,28)
Достойное правление (значение, предска- занное с помощью инструментальной переменной)		-0,962*** (-8,00)		-0,937*** (-8,03)		-0,766*** (-4,28)		-0,722*** (-4,21)		-0,559* (-2,24)
N	2865	2865	2655	2655	1669	1669	1067	1067	439	439
F (Pr. 4 w2/F	198,83	1927,78	188,87	1447,97	85,22	950,74	87,64	510,88	29,01	324,36

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$

Индекс глобализации значим в большинстве спецификаций модели и при этом имеет обратную связь с КМС, тем самым подтверждая гипотезу 2: чем выше этот показатель, тем ниже КМС. Примечательно, что демократичность политического режима либо не значима, либо даже увеличивает младенческую смертность. Данный результат тоже косвенно указывает на способность авторитарных стран добиваться снижения КМС. Наряду с повышением качества правления, включенность в процесс глобализации представляет собой тот фактор, который позволяет авторитарным странам успешно бороться с младенческой смертностью.

Основные контрольные переменные статистически значимы во всех моделях, кроме 10-й (что, по-видимому, обусловлено резким падением в ней числа наблюдений), и связаны с зависимой переменной ожидаемым образом: повышение уровня экономического развития и образованности женщин ведет к снижению младенческой смертности. То же относится и к переменной «численность населения»: чем больше численность населения, тем выше КМС. Переменная «расходы на здравоохранение» значима только в моделях 6 и 8, демонстрируя отрицательную связь с КМС. То есть увеличение расходов на здравоохранение до некоторой степени способствует снижению младенческой смертности. Что касается социально-экономического неравенства и недоедания, то они не достигают статистической значимости ни в одной из моделей. Не исключено, что такой результат отчасти объясняется заметным сокращением числа наблюдений в моделях 7–10.

Фактически наши модели показывают, что если, например, в Мексике при прочих равных условиях показатель «достойного правления» вырастет до максимума (с 0,375 до 1), то КМС там снизится по меньшей мере на 36,3% (с 12,7 до 8,13), что сохранит жизни более чем 10,3 тыс. младенцев (при рождаемости на уровне 2015 г.). В случае же полного включения в процесс глобализации (повышение индекса глобализации с 72,12 до 100) Мексика при прочих равных условиях сможет снизить младенческую смертность на 11,7% (то есть уменьшить число умирающих ежегодно младенцев на 3,3 тыс.).

* * *

Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что важнейшим предиктором уровня младенческой смертности в стране является не характер политического режима, а качество управления. Тот факт, что на протяжении долгого времени истоки межстрановых вариаций в КМС искали в дихотомии «демократия-автократия», во многом объясняется тем, что по качеству управления демократические страны в среднем превосходят авторитарные. Однако авторитарные страны отнюдь не обречены на «недостойное правление», а демократия еще не гарантирует правления «достойного». Именно в этом и кроется причина того, что с точки зрения младенческой смертности в некоторых демократиях положение хуже, чем в автократиях.

Что касается фиксируемого в последние годы сужения разрыва между демократическими и авторитарными странами по показателю младенческой смертности, то ключ к объяснению этого феномена дает глобализация. Включение в процесс глобализации позволяет авторитарным странам более эффективно бороться с младенческой смертностью, сближаясь в этом плане с успешными демократиями.

Библиография

- Acemoglu D., S.Naidu, P.Restrepo, and J.Robinson. (2019) «Democracy Does Cause Growth?» // *Journal of Political Economy*, vol. 127, no. 1: 47—100.
- Baum M. and D.Lake. (2003) «The Political Economy of Growth: Democracy and Human Capital» // *American Journal of Political Science*, vol. 47, no. 2: 333—347.
- Bergh A. and T.Nilsson. (2010) «Good for Living? On the Relationship between Globalization and Life Expectancy» // *World Development*, vol. 38, no. 9: 1191—1203.
- Besley T. and M.Kudamatsu. (2006) «Health and Democracy» // *American Economic Review*, vol. 96, no. 2: 313—318.
- Bueno de Mesquita B., J.Morrow, R.Siverson, and A.Smith. (2001) «Political Competition and Economic Growth» // *Journal of Democracy*, vol. 12, no. 1: 58—72.
- Charron N. and V.Lapueute. (2011) «Which Dictators Produce Quality of Government?» // *Studies in Comparative International Development*, vol. 46, no. 4: 397—423.
- Currie J. and E.Moretti. (2003) «Mother's Education and the Intergenerational Transmission of Human Capital: Evidence from College Openings» // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 118, no. 4: 1495—1532.
- Dixit A. (2009) *Democracy, Autocracy and Bureaucracy*. URL: <https://www.princeton.edu/~dixitak/home/DeAuBu04.pdf> (accessed on 15.10.2019).
- Dreher A. (2006) «Does Globalization Affect Growth? Evidence from a New Index of Globalization» // *Applied Economics*, vol. 38, no. 10: 1091—1110.
- Gauri V. and P.Khaleghian. (2002) «Immunization in Developing Countries: Its Organizational and Political Determinants» // *World Development*, vol. 30, no. 12: 2109—2132.
- Gerring J., C.Thacker, and R.Alfaro. (2012) «Democracy and Human Development» // *Journal of Politics*, vol. 74, no. 1: 1—17.
- Gleditsch K.S. and M.D.Ward. (2006) «Diffusion and the International Context of Democratization» // *International Organization*, vol. 60, no. 4: 911—933.
- Gu J., J.Humphrey, and D.Messner. (2008) «Global Governance and Developing Countries: the Implications of the Rise of China» // *World Development*, vol. 36, no. 2: 274—292.
- Hallerod B., B.Rothstein, A.Daoud, and S.Nandy. (2013) «Bad Governance and Poor Children: a Comparative Analysis of Government Efficiency and Severe Child Deprivation in 68 Low- and Middle-income Countries» // *World Development*, no. 48: 19—31.

- Holmberg S. and B.Rothstein. (2011) «Dying of Corruption. Health Economics» // *Policy and Law*, vol. 6, no. 4: 529—547.
- Jacobsen J. (2015) «Revisiting the Modernization Hypothesis: Longevity and Democracy» // *World Development*, no. 67: 174—185.
- Jonsson K. and C.Kinnvall. (2003) «Globalization, Authoritarian Regimes and Political Change» // *Globalization and Democratization in Asia*, no. 1: 125—141.
- Kaufmann D., A.Kraay, and M.Mastruzzi. (2010a) «The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues» // *Hague Journal on the Rule of Law*, vol. 3, no. 2: 220—246.
- Kaufmann D., A.Kraay, and M.Mastruzzi. (2010b) «Response to: What Do the Worldwide Governance Indicators Measure?» // *European Journal of Development Research*, vol. 22, no. 1: 55—58.
- Martens P., S.M.Akin, H.Maud, and R.Mohsin. (2010) «Is Globalization Healthy: a Statistical Indicator Analysis of the Impacts of Globalization on Health» // *Globalization and Health*, vol. 6, no. 1: 16.
- McGuire and W.James. (2006) «Basic Health Care Provision and Under-5 Mortality: A Cross-National Study of Developing Countries» // *World Development*, vol. 34, no. 3: 405—425.
- Miller M.K. (2015) «Electoral Authoritarianism and Human Development» // *Comparative Political Studies*, vol. 48, no. 12: 1526—1562.
- Mills A. (2014) «Health Care Systems in Low- and Middle-income Countries» // *New England Journal of Medicine*, vol. 370, no. 6: 552—557.
- Mishra P. and D.Newhouse. (2009) «Does Health Aid Matter?» // *Journal of Health Economics*, vol. 28, no. 4: 855—872.
- Rosenberg D. (2018) «Political Economy of Infant Mortality Rate: Role of Democracy Versus Good Governance» // *International Journal of Health Services*, vol. 48, no. 3: 1—26.
- Ross M. (2006) «Is Democracy Good for the Poor?» // *American Journal of Political Science*, vol. 50, no. 4: 860—874.
- Rothstein B. (2015) «The Chinese Paradox of High Growth and Low Quality of Government: The Cadre Organization Meets Max Weber» // *Governance*, vol. 28, no. 4: 533—548.
- Sen A. (1999) «Democracy as a Universal Value» // *Journal of Democracy*, vol. 10, no. 3: 3—17.
- Truex R. (2017) «The Myth of the Democratic Advantage» // *Studies in Comparative International Development*, vol. 52, no. 3: 261—277.
- Vollmer S. and M.Ziegler. (2009) *Political Institutions and Human Development — Does Democracy Fulfill Its «Constructive» and «Instrumental» Role? The World Bank Policy Research Working Paper No. 4818.*
- Zweifel T. and P.Navia. (2003) «Democracy, Dictatorship, and Infant Mortality Revisited» // *Journal of Democracy*, vol. 14, no. 3: 90—103.

D.I.Rosenberg, A.A.Serova
**HOW DO “GOOD GOVERNANCE”
 AND GLOBALIZATION
 REDUCE INFANT MORTALITY:
 CAUSAL LINK**

Dina I. Rosenberg — Assistant Professor of Political Science, School of Politics and Governance, National Research University *Higher School of Economics*. Email: drosenberg@hse.ru.

Anna A. Serova — Ph.D. Student at the School of Political Science, National Research University *Higher School of Economics*. Email: annserova15@gmail.com.

Abstract. The infant mortality rate (IMR) is one of the most important indicators of population health. Although today it has ceased to be a “mirror” of the general socio-economic situation in the country, its importance as an indicator of human development remains. At the same time, the recent years have witnessed the increasingly narrowing gap in IMR between democratic and authoritarian countries.

Today, many researchers tend to believe that cross-country variation in the level of infant mortality can be explained by the quality of governance rather than the nature of the political regime. Having examined the theoretical arguments in favor of this conclusion, D.Rosenberg and A.Serova test this hypothesis on the extensive empirical data, developing and refining the previous studies along two directions. First, they include the factor of globalization as an additional mechanism that can potentially influence the level of infant mortality, thereby helping authoritarian countries catch up with democratic states. Second, they attempt to solve the problem of endogeneity i.e., to show the causal link between “good governance” and infant mortality. To assess the impact of “good governance” and globalization on infant mortality, they use a time-series cross-national regression analysis, and in order to prove the existence of causality they turn to an instrumental variable.

Keywords: infant mortality, “good governance”, democracy, autocracy, globalization

References

- Acemoglu D., S.Naidu, P.Restrepo, and J.Robinson. (2019) “Democracy Does Cause Growth?” // *Journal of Political Economy*, vol. 127, no. 1: 47—100.
- Baum M. and D.Lake. (2003) “The Political Economy of Growth: Democracy and Human Capital” // *American Journal of Political Science*, vol. 47, no. 2: 333—347.

Bergh A. and T.Nilsson. (2010) “Good for Living? On the Relationship between Globalization and Life Expectancy” // *World Development*, vol. 38, no. 9: 1191—1203.

Besley T. and M.Kudamatsu. (2006) “Health and Democracy” // *American Economic Review*, vol. 96, no. 2: 313—318.

Bueno de Mesquita B., J.Morrow, R.Siverson, and A.Smith. (2001) “Political Competition and Economic Growth” // *Journal of Democracy*, vol. 12, no. 1: 58—72.

Charron N. and V.Lapueute. (2011) “Which Dictators Produce Quality of Government?” // *Studies in Comparative International Development*, vol. 46, no. 4: 397—423.

Currie J. and E.Moretti. (2003) “Mother’s Education and the Intergenerational Transmission of Human Capital: Evidence from College Openings” // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 118, no. 4: 1495—1532.

Dixit A. (2009) *Democracy, Autocracy and Bureaucracy*. URL: <https://www.princeton.edu/~dixitak/home/DeAuBu04.pdf> (accessed on 15.10.2019).

Dreher A. (2006) “Does Globalization Affect Growth? Evidence from a New Index of Globalization” // *Applied Economics*, vol. 38, no. 10: 1091—1110.

Gauri V. and P.Khaleghian. (2002) “Immunization in Developing Countries: Its Organizational and Political Determinants” // *World Development*, vol. 30, no. 12: 2109—2132.

Gerring J., C.Thacker, and R.Alfaro. (2012) “Democracy and Human Development” // *Journal of Politics*, vol. 74, no. 1: 1—17.

Gleditsch K.S. and M.D.Ward. (2006) “Diffusion and the International Context of Democratization” // *International Organization*, vol. 60, no. 4: 911—933.

Gu J., J.Humphrey, and D.Messner. (2008) “Global Governance and Developing Countries: the Implications of the Rise of China” // *World Development*, vol. 36, no. 2: 274—292.

Hallerod B., B.Rothstein, A.Daoud, and S.Nandy. (2013) “Bad Governance and Poor Children: a Comparative Analysis of Government Efficiency and Severe Child Deprivation in 68 Low- and Middle-income Countries” // *World Development*, no. 48: 19—31.

Holmberg S. and B.Rothstein. (2011) “Dying of Corruption. Health Economics” // *Policy and Law*, vol. 6, no. 4: 529—547.

Jacobsen J. (2015) “Revisiting the Modernization Hypothesis: Longevity and Democracy” // *World Development*, no. 67: 174—185.

Jonsson K. and C.Kinnvall. (2003) “Globalization, Authoritarian Regimes and Political Change” // *Globalization and Democratization in Asia*, no. 1: 125—141.

Kaufmann D., A.Kraay, and M.Mastruzzi. (2010a) “The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues” // *Hague Journal on the Rule of Law*, vol. 3, no. 2: 220—246.

Kaufmann D., A.Kraay, and M.Mastruzzi. (2010b) “Response to: What Do the Worldwide Governance Indicators Measure?” // *European Journal of Development Research*, vol. 22, no. 1: 55—58.

Martens P., S.M.Akin, H.Maud, and R.Mohsin. (2010) “Is Globalization Healthy: a Statistical Indicator Analysis of the Impacts of Globalization on Health” // *Globalization and Health*, vol. 6, no. 1: 16.

McGuire and W.James. (2006) “Basic Health Care Provision and Under-5 Mortality: A Cross-National Study of Developing Countries” // *World Development*, vol. 34, no. 3: 405—425.

Miller M.K. (2015) “Electoral Authoritarianism and Human Development” // *Comparative Political Studies*, vol. 48, no. 12: 1526—1562.

Mills A. (2014) “Health Care Systems in Low- and Middle-income Countries” // *New England Journal of Medicine*, vol. 370, no. 6: 552—557.

Mishra P. and D.Newhouse. (2009) “Does Health Aid Matter?” // *Journal of Health Economics*, vol. 28, no. 4: 855—872.

Rosenberg D. (2018) “Political Economy of Infant Mortality Rate: Role of Democracy Versus Good Governance” // *International Journal of Health Services*, vol. 48, no. 3: 1—26.

Ross M. (2006) “Is Democracy Good for the Poor?” // *American Journal of Political Science*, vol. 50, no. 4: 860—874.

Rothstein B. (2015) “The Chinese Paradox of High Growth and Low Quality of Government: The Cadre Organization Meets Max Weber” // *Governance*, vol. 28, no. 4: 533—548.

Sen A. (1999) “Democracy as a Universal Value” // *Journal of Democracy*, vol. 10, no. 3: 3—17.

Truex R. (2017) “The Myth of the Democratic Advantage” // *Studies in Comparative International Development*, vol. 52, no. 3: 261—277.

Vollmer S. and M.Ziegler. (2009) *Political Institutions and Human Development — Does Democracy Fulfill Its “Constructive” and “Instrumental” Role? The World Bank Policy Research Working Paper No. 4818.*

Zweifel T. and P.Navia. (2003) “Democracy, Dictatorship, and Infant Mortality Revisited” // *Journal of Democracy*, vol. 14, no. 3: 90—103.

Р. В. Пырма

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ И РОССИИ СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31001.

Роман Васильевич Пырма — кандидат политических наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Для связи с автором: pyrma@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию сдвигов в электоральном поведении молодежи на материале США, Великобритании, Франции, Германии и России. Сравнительный анализ показателей участия молодежи в общенациональных выборах в четырех «образцовых» западных демократиях и РФ опровергает расхожее представление об утрате молодым поколением интереса к избирательному процессу, демонстрируя несостоятельность попыток линейного прогнозирования электоральной активности на основании тенденций, характерных для предшествующих избирательных циклов.

Приводимые в статье данные свидетельствуют о том, что, вопреки устоявшимся стереотипам, участие молодежи в выборах сегодня не падает, а растет. По оценке автора, это говорит об ошибочности широко распространенного как в западном, так и в российском научном сообществе тезиса о размывании традиционных форм политического участия в связи со сменой поколений и изменением условий социализации. Растущая популярность в молодежной среде альтернативных форм политической и гражданской активности не означает отторжения электоральных процедур. Более того, электоральный вес молодежи увеличивается, что повышает актуальность изучения ее поведения на выборах, а том числе с использованием многофакторного анализа.

Ключевые слова: политическое поведение, электоральная активность, демократия, молодежь, выборы

На протяжении последних двух десятилетий не утихает интерес исследователей к политическому поведению молодежи. В значительной мере этот интерес продиктован сложившимся представлением о снижении участия молодежи в ключевой демократической процедуре — выборах. При объяснении изменений в электоральной активности молодежи

отчетливо прослеживаются два противостоящих подхода — пессимистический и оптимистический. Пессимисты видят в молодежи аполитичных предвестников кризиса демократии. Оптимисты провозглашают молодых людей творцами новых форм политики в бурно растущей цифровой среде.

Кардинальные изменения в политическом поведении молодых поколений в передовых демократических странах стали фиксироваться исследователями с конца прошлого века. Сопоставление динамики гражданского и политического участия в США, Великобритании и Германии свидетельствовало о том, что молодежь как группа все больше уклоняется от голосования². Исследования показывали, что молодые граждане отстраняются от формального политического процесса и государственных институтов³. Подобные сдвиги в электоральном поведении трактовались как индикатор общей аполитичности молодежи⁴, признак кризисных явлений в обществе, проявление упадка демократических институтов⁵. Падение интереса молодых граждан к выборам служило основанием для постановки вопроса о легитимности власти *per se*.

Причины выключения молодежи из традиционных форм политической жизни (таких, как выборы и членство в политических партиях) порою усматривают в трансформации общественных отношений и реструктуризации социального капитала⁶. Широкое распространение получила точка зрения об апатичности, эгоистичности и материалистическом настрое молодых поколений, их безразличии к общественному благу. Вместе с тем высказывается мнение, что молодежь устранилась не от политики как таковой, а скорее от формальной, нормативной политики, проявляя интерес к иным ее разновидностям⁷.

Некоторые исследователи полагают, что политическое участие европейской молодежи ограничивает не пренебрежение общественным благом, а совокупность контекстуальных и психосоциальных факторов. Молодые поколения не приемлют существующие политические институты, практики и дискурс, которые игнорируют их потребности⁸. Другие исследователи связывают растущий абсентеизм молодых избирателей с усложнением процедуры выборов и упадком партийной системы⁹.

В качестве меры, способной переломить тенденцию к отстранению молодежи от формальной политики, рассматривается целенаправленная социализация молодых граждан¹⁰. В связи с этим в ряде стран проводятся специальные информационные кампании и реализуются образовательные программы, направленные на формирование гражданских установок и выработку ценностей политического, в том числе электорального, участия.

В то же время все большей поддержкой в научном сообществе пользуется концепция диверсификации гражданского участия. Ее сторонники обращают внимание на то, что, несмотря на пренебрежение выборами и кажущуюся аполитичность, молодежь активно включена в политические действия¹¹. Вместо эрозии участия речь идет об изменении и даже расширении форм гражданской активности молодого

² Sloam 2014.

³ Norris 2002.

⁴ Siurala 2002.

⁵ Furlong and Cartmel 2007.

⁶ Putnam 2000.

⁷ Henn, Weinstein, and Wring 2002.

⁸ Cammaerts et al. 2014.

⁹ Wattenberg 2002.

¹⁰ Gordon and Taft 2011.

¹¹ Brooks 2009; Sloam 2016.

¹² Dalton 2008. поколения¹². На смену традиционным формам (членство в партиях, голосование на выборах и др.) приходят альтернативные, такие как подписание онлайн-петиций, участие в демонстрациях, бойкотах и иных протестных выступлениях¹³.

¹³ Ibidem.

На основании анализа электоральной динамики в крупнейших странах ЕС (Германии, Франции и Великобритании) Даниэла Мело и Даниэль Стокмер выявили определенную зависимость между возрастом и тремя типами политических действий — голосованием, участием в демонстрациях и подписанием петиций. Согласно полученным ими данным, молодые люди реже, чем старшие поколения, голосуют, но в два раза чаще участвуют в акциях протеста. Иными словами, в случае молодежи произошло не снижение гражданской активности, а изменение ее форм. Вопреки представлениям пессимистов, молодое поколение политически активно, толерантно и привержено идеям социальной справедливости¹⁴.

¹⁴ Melo and Stockemer 2014.

¹⁵ Малькевич 2007.

Большинство российских исследователей разделяет пессимистический взгляд на молодежь как на пассивную социальную группу с выраженными абсентеистскими настроениями¹⁵. Некоторые авторы прослеживают зависимость электоральной пассивности представителей молодого поколения от политической культуры и политического сознания, а также лежащих в их основе ценностей, мотивов и установок¹⁶, другие связывают ее с особенностями политической социализации¹⁷. При этом иногда утверждается, что именно «дефектная социализация» обуславливает переход российской молодежи на роль отстраненного зрителя (в отличие от включенной молодежи западных стран)¹⁸. Электоральная активность молодого поколения анализируется с точки зрения управления поведением социальных групп, воздействия политических акторов и технологий электоральной мобилизации¹⁹.

¹⁶ Горшков и Шереги 2010а, 2010б; Зубок и Сорокин 2010.

¹⁷ Устинкина 2014.

¹⁸ Гудков, Дубин и Зоркая 2011: 55—76.

¹⁹ Сайганова 2014.

В целом, при всех различиях между пессимистами и оптимистами в оценке политического участия молодежи, в научном сообществе доминирует мнение о растущем отторжении молодым поколением института выборов. Но насколько такое мнение соответствует действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, в настоящей статье мы проанализируем электоральную активность на общенациональных выборах в США, Великобритании, Франции, Германии и России на протяжении последних десятилетий в разрезе ее возрастной структуры, попытавшись зафиксировать соотношение динамики электорального участия среди избирателей в целом и между поколениями. Это позволит нам выявить реальные тренды, тем самым протестировав обоснованность сложившихся стереотипов.

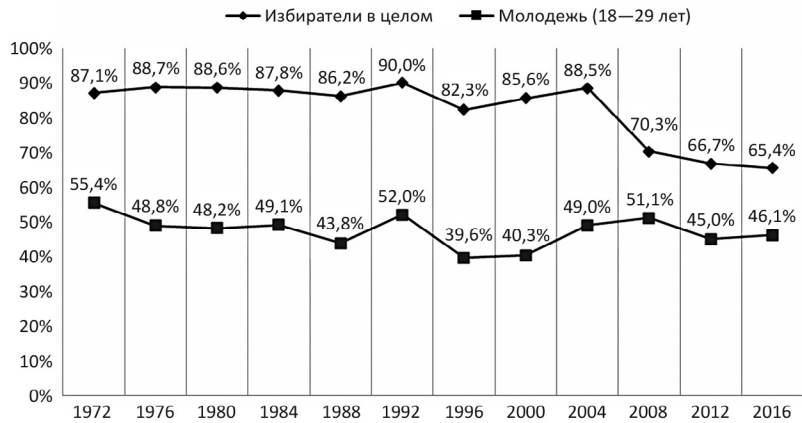
США

В США участие молодежи (в возрасте от 18 до 29 лет) в выборах отслеживается в течение продолжительного времени²⁰, что дает возможность фиксировать электоральные тренды и выявлять тенденции. Как видно из рис. 1, электоральная активность молодежи на президентских

²⁰ Youth Voting s.a.

выборах достигала пиковых значений в 1972, 1992 и 2008 гг. На президентских выборах 1996 и 2000 гг. молодежная явка заметно «провисла», но затем вернулась в коридор колебаний прошлых лет.

Рисунок 1 Электоральная активность на президентских выборах в США (1972–2016 гг.)

На выборах 2008 г. в электоральном поведении американцев произошли ощутимые сдвиги. Если участие молодежи в этих выборах по сравнению с предшествующими даже выросло, то активность избирателей старших возрастов резко снизилась. Очевидное падение электоральной активности старших поколений негативно сказалось на общих показателях явки и на последующих президентских выборах.

По заключению американских исследователей, считавшееся апатичным поколение 1980-х годов в среднем возрасте стало даже более политически активным, чем предыдущие поколения. Миллениалы примерно в той же мере интересуются политикой, что и молодежь предыдущих поколений, и столь же общественно активны вне выборов, участвуя в деятельности местных сообществ и волонтерстве²¹. Более того, в 2015 г. в ходе традиционного обследования, проводимого среди студентов Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе на протяжении 50 лет, его участники обнаружили самый высокий интерес к политической и гражданской активности за все время с начала измерений²².

Тенденция к возрастанию электоральной активности американской молодежи получила подкрепление на промежуточных выборах 2018 г. в Конгресс США. Явка молодежи на эти выборы составила 31% (против 21% в 2014 г.). По оценкам исследователей, это самый высокий показатель участия молодежи в промежуточных выборах за последние четверть века²³. Вместе с тем следует отметить, что в силу напряженной

²¹ Dalton 2016.

²² College Students' Commitment 2016.

²³ Young People s.a.

²⁴ 2018 November
General Election
2018.

политической борьбы явка на промежуточные выборы в 2018 г. в принципе достигла наивысшего за столетие уровня (50,3%)²⁴.

В целом, происходящие сдвиги опровергают широко распространенное представление о неминуемом затухании электоральной активности молодых американцев вследствие смены поколений и изменения условий социализации, в том числе погружения молодежи в цифровую среду. Движение по американским «электоральным горкам» не предопределено некими долгосрочными трендами. Повестка выборов, поляризация политических сил, снижение благосостояния, изменение социальных отношений способствовали подъему электоральной активности молодежи, но обусловили усталость от политики избирателей старшего возраста.

Великобритания

²⁵ *Sloam 2016.*

В конце 1990-х годов участие британской молодежи в выборах резко сократилось, отбросив страну на последнее место в Западной Европе по этому показателю. Уровень явки 18–24-летних на выборы в Великобритании был примерно на 20% ниже, чем во Франции, на 30% ниже, чем в Германии, и более чем на 40% ниже, чем в Швеции²⁵. С начала текущего века тенденция к углублению разрыва в электоральной активности молодых и пожилых избирателей, казалось бы, закрепились, что породило опасения наблюдателей относительно будущего британской демократии *per se*.

²⁶ *How Britain Voted 2015.*

На парламентских выборах 2015 г. явка среди молодежи по-прежнему оставалась очень низкой. Избиратели студенческого возраста почти вдвое реже участвовали в голосовании, чем пожилые избиратели (38% против 74%)²⁶. Однако затем ситуация начала меняться (см. табл. 1).

Таблица 1 Динамика явки британских избирателей по возрастным группам (2015–2017 гг.)

Возраст	Выборы 2015 г.	Референдум 2016 г.	Выборы 2017 г.
18–24	38%	53%	54%
25–34	47%	54%	55%
35–44	58%	64%	56%
45–54	67%	69%	66%
55–64	72%	76%	71%
65 и старше	74%	73%	71%
Всего	66%	72%	69%

Источник: *How the Voters Voted in the 2017 Election.* (2017) URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/2017-06/how-britain-voted-in-the-2017-election_2.pdf.

Проходивший в 2016 г. референдум о членстве Великобритании в ЕС активизировал молодых избирателей. Перспектива Brexit затрагивала жизненные интересы молодежи. Большинство 18–34-летних во всех социальных группах проголосовало против выхода страны из ЕС, в то время как большинство людей старше 55 лет — за. Несмотря на некоторые расхождения в оценках явки на референдум молодежи в возрасте 18–24 лет, все они свидетельствуют о том, что она была существенно выше, чем на парламентских выборах 2015 г.²⁷ По заключению социологов, в 2016 г. электоральное участие молодежи вернулось на уровень начала 1990-х годов²⁸.

²⁷ Bruter and Harrison 2016.

²⁸ Curtice and Simpson 2018.

К парламентским выборам 2017 г. молодые британцы были уже гораздо больше вовлечены в политику, чем двумя годами ранее. Явка молодежи на эти выборы оказалась самой высокой за последние 25 лет. Если среди всех избирателей явка по сравнению с 2015 г. выросла лишь на 3%, то среди 18–24-летних — на 16%, среди 25–34-летних — на 8%, а среди лиц старше 65 лет она даже несколько уменьшилась. И хотя молодые избиратели по-прежнему голосуют заметно реже, чем зрелые и пожилые²⁹, показатели участия в голосовании различных возрастных групп начали сближаться.

²⁹ Помимо приведенных в табл. 1 данных, см. Curtis 2017.

³⁰ Sloam and Henn 2019.

Резкий рост электоральной активности молодежи на референдуме 2016 г. и парламентских выборах 2017 г. некоторые исследователи квалифицируют как «юнотрясение» (youthquake)³⁰, говоря о тектонических сдвигах в поведении молодых избирателей. В 2017 г. обозначилось влияние на электоральную ситуацию миллениалов, повзрослевших уже после мирового финансового кризиса 2008 г. Политические процессы оказали катализирующее воздействие на внутр поколенческое измерение молодежного голосования. «Юнотрясение, — констатируют Джеймс Слоам и Мэтт Хенн, — означает гораздо больше, чем явка избирателей, и его следует рассматривать как многогранное явление, включающее фундаментальные социальные, политические и культурные трансформации»³¹.

³¹ Ibid.: 109.

Выросшее участие британской молодежи в избирательном процессе показывает, что электоральная пассивность молодого поколения не запрограммирована и, когда на повестку дня встают вопросы, входящие в поле его жизненных интересов, она быстро идет на спад.

Франция

Во Франции при исследовании электорального поведения граждан избирателей обычно подразделяют на три категории: постоянные участники выборов, ситуативные участники выборов и абсентеисты, которым и уделяется преимущественное внимание.

На парламентских выборах, проходивших в период с 1978 г. по 2002 г., доля абсентеистов среди французской молодежи в возрасте 18–24 лет менялась мало, оставаясь стабильно высокой. Несколько иная картина наблюдалась на президентских выборах: в 1981 г. и 1988 г. эта доля заметно снизилась, но затем — в 1995 г. и в 2002 г. — опять подскочила. Резкий всплеск участия молодежи в голосовании зафиксирован

³² Tournier 2009.

на президентских выборах 2007 г., что обычно трактуется как аномалия, обусловленная сильной поляризацией политических сил и электората³².

³³ 1er tour
présidentielle 2017.

Социологические исследования позволяют определить возрастную структуру абсентеистов на президентских выборах 2017 г. В первом туре от голосования уклонились 29% 18—24-летних и 28% 25—34-летних. Для сравнения: в возрастной группе 60—69 лет таких было 16%, а в возрастной группе 70+ — 12%³³. Согласно исследованию INSEE, среди зарегистрированных избирателей в возрасте от 18 до 34 лет в двух турах президентских выборов участвовали только трое из десяти. При этом доля голосовавших только в одном туре среди молодых избирателей (от 18 до 29 лет) была самой высокой: 8% из них проголосовали только в первом туре, 5% — только во втором (в возрастной группе 55+ эти показатели составляют 3% и 2% соответственно)³⁴.

³⁴ Buisson et Penant
2017.

На парламентских выборах 2017 г. голосование проигнорировали 56,6% избирателей. В первом туре на участке не явилось 63% молодежи в возрасте 18—24 лет, во втором — 74%. В итоге в обоих турах приняло участие менее 20% избирателей этой группы³⁵.

³⁵ Youth
Participation 2019.

Распределение избирателей разных возрастных групп по степени включенности в избирательный процесс отражено в табл. 2. В качестве «систематического» рассматривалось голосование во всех турах президентских и парламентских выборов; в качестве «прерывистого» — участие в выборах от случая к случаю. Постоянное игнорирование выборов квалифицировалось как «систематический абсентеизм».

Таблица 2 Участие представителей различных возрастных групп в президентских и парламентских выборах 2017 г. во Франции (в %)

	18—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	50—54	55—59	60—64	65—69	70—74	75—79	80+
Систематическое голосование	17,7	16,5	23,0	26,7	35,5	35,1	38,4	42,2	44,2	49,3	51,3	49,8	37,6
Прерывистое голосование	62,1	59,3	58,7	60,5	55,8	56,2	54,3	50,4	48,0	43,0	39,9	38,4	32,1
Систематический абсентеизм	20,2	24,2	18,3	12,8	8,7	8,7	7,3	7,4	7,8	7,7	8,7	11,8	30,3

Источник: INSEE, enquête sur la participation électorale 2017. Elections présidentielle et législatives de 2017: neuf inscrits sur dix ont voté à au moins un tour de scrutin. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3138704>.

Как видно из приведенных в таблице данных, среди молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет во всех турах президентских и парламентских выборов 2017 г. проголосовало менее 20%. В этой возрастной группе преобладает прерывистое голосование. Зарегистрировавшиеся избиратели 30—39 лет реже воздерживаются от участия в выборах и чаще являются постоянными избирателями, хотя 60% из них по-прежнему

голосуют от случая к случаю. Скачок в ответственности голосования происходит после 40 лет и особенно по достижении пенсионного возраста. Примечательно, что при всем том в 2017 г. в списках избирателей зарегистрировалось 85% молодежи, тогда как среди населения избирательного возраста в целом доля таковых лишь немного превышала 89%³⁶.

³⁶ *La participation 2018.*

Хотя последние общенациональные выборы во Франции обозначили тенденцию к росту электорального участия молодежи, возрастные разрывы по-прежнему остаются весьма существенными. Намотившаяся в последние годы радикализация французской молодежи приводит к нарастанию протестной активности, но не гарантирует повышения явки на выборы.

Германия

В Германии максимальная явка избирателей на всеобщие выборы (более 90%) наблюдалась в 70-е годы прошлого века. В 1980—1990-х годах она опустилась до 80%. В начале текущего века падение продолжилось, и в 2009 г. этот показатель уже не превышал 70%, однако затем начал расти, достигнув в 2017 г. 76%³⁷.

³⁷ *Voter Turnout 2019.*

Статистические данные фиксируют различия в уровне активности немецких избирателей на федеральных выборах в зависимости от возраста, но эти различия нельзя назвать кардинальными. В 2002 г. в возрастной группе 18—29 лет явка в среднем составляла 70%, а в 2017 г. — 68%, то есть речь идет о снижении всего на 2 п.п., в то время как среди 30—59-летних она упала примерно на 5 п.п. (см. *табл. 3*). Как и среди избирателей в целом, на федеральных выборах 2009 и 2013 гг. электоральная активность молодежи снизилась, но в 2017 г., по сути, вернулась к уровню 2002 г.

Таблица 3 Динамика явки избирателей на выборы в бундестаг ФРГ по возрастным группам (2002–2017 гг.)

Возраст	2002	2005	2009	2013	2017
18—20	69,9%	69,6%	62,5%	63,7%	69,9%
21—24	67,7%	66,0%	58,6%	59,6%	67,0%
25—29	71,6%	69,5%	60,6%	61,6%	68,6%
30—34	76,2%	73,9%	64,5%	64,8%	72,0%
35—39	79,2%	77,9%	68,5%	68,1%	74,4%
40—44	79,6%	79,2%	71,9%	71,8%	76,3%
45—49	80,6%	79,7%	72,6%	74,0%	78,8%
50—59	83,4%	81,8%	74,1%	74,7%	79,4%
60—69	85,7%	84,2%	79,2%	78,7%	81,0%
70 и старше	77,7%	75,8%	72,0%	73,7%	75,8%
Всего	79,1%	77,7%	70,8%	71,5%	76,2%

Источник: Wahl zum 19. Deutschen Bundestag am 24. September 2017. Heft 4: Wahlbeteiligung und Stimmabgabe der Frauen und Männer nach Altersgruppen. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/en/dam/jcr/e0d2b01f-32ff-40f0-ba9f-50b5f761bb22/btw17_heft4.pdf.

Анализ участия немецкой молодежи в общенациональных выборах говорит об отсутствии устойчивой тенденции к снижению явки. Несмотря на некоторые колебания под влиянием политической конъюнктуры, электоральная активность молодежи в Германии выглядит более высокой и стабильной, чем во всех других рассмотренных выше странах.

Россия

В России систематического наблюдения за электоральной активностью возрастных групп до недавнего времени не велось, поэтому построить выверенные тренды участия российской молодежи в голосовании не представляется возможным. В связи с этим мы сосредоточимся на анализе ситуации, сложившейся на последних по времени общефедеральных выборах, а именно на президентских выборах 2018 г.

Социологические исследования зафиксировали существенные подвижки в электоральном поведении молодежи на мартовских выборах 2018 г. Распределение избирателей по возрастным группам на них соответствовало возрастной структуре граждан (см. *табл. 4*), без очевидного на прошлых выборах провала активности молодежного электората.

Таблица 4 **Возрастные группы избирателей на президентских выборах 2018 г. в России**

<i>Возраст</i>	<i>Доля от числа избирателей</i>	<i>Доля от числа голосовавших</i>
18—34	25,8%	26,5%
35—59	47,2%	46,5%
60 и старше	27,1%	27,0%

Результаты социологических и статистических измерений участия в выборах оказались весьма близки, свидетельствуя о схожей электоральной активности различных возрастных групп (см. *табл. 5*). Более того, согласно данным ВЦИОМ, молодежь даже несколько активнее участвовала в голосовании, чем представители старших поколений³⁸.

³⁸ *Молодежь 2018.*

Повышению электоральной активности молодого поколения, по-видимому, способствовали патриотические настроения, обусловленные внешнеполитическими вызовами и частичным сохранением «крымского консенсуса» и стимулировавшие единение вокруг фигуры «национального лидера». Немалую роль сыграло и применение политических технологий, а также проведение комплекса мероприятий,

ориентированных на молодежную аудиторию и направленных на вовлечение ее в избирательную кампанию. В любом случае прошедшие в марте 2018 г. выборы президента РФ показали, что возможности политической мобилизации избирателей, в том числе молодежи, далеко не исчерпаны.

Таблица 5 Участие избирателей в президентских выборах 2018 г. в России по возрастным группам

<i>Возраст</i>	<i>Оценки экзитпола ВЦИОМ</i>	<i>Официальные данные ЦИК*</i>
18—34	65,6%	69,5%
35—59	62,9%	66,7%
60 и старше	63,4%	67,2%
Всего	63,7%	67,5%

** Распределения возрастных групп пересчитаны на основании данных экзитпола ВЦИОМ*

Выводы

Проведенное исследование опровергает широко распространенное представление об электоральной пассивности молодежи как в странах развитой демократии, так и в России. Вопреки ожиданиям экспертов, участие молодежи в выборах на современном этапе не падает, а растет.

Исследование демонстрирует бесперспективность попыток линейного прогнозирования электоральной активности на основании тенденций, характерных даже для нескольких предшествующих избирательных циклов. Концепции отмирания демократических институтов ввиду падения интереса граждан к выборам и замещения политически активных поколений пассивными не находят подтверждения. Тезис о диверсификации политического участия молодежи и переходе ее от традиционных форм политической деятельности к альтернативным оказывается верным лишь отчасти. Конечно, электоральная активность молодежи подвержена изменениям, но так же обстоит дело и в других возрастных группах.

Увеличение электорального веса молодежи превращает ее в ключевую целевую аудиторию для политических акторов. В связи с этим изучение электорального поведения молодежи с применением многофакторного анализа для прогнозирования его колебаний становится одной из важнейших задач во всех странах, использующих институт выборов для формирования и/или легитимации власти.

Библиография

Горшков М.К. и Ф.Э.Шереги. (2010а) *Молодежь России: социологический портрет*. М.: ЦСПиМ.

Горшков М.К. и Ф.Э.Шереги. (2010b) «Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 1 (95): 5—35.

Гудков Л.Д., Б.В.Дубин и Н.А.Зоркая. (2011) *Молодежь России*. М.: Московская школа политических исследований.

Зубок Ю.А. и О.В.Сорокин. (2010) «Формирование политического сознания российской молодежи и обуславливающие его противоречия» // *Социология власти*, № 4: 6—15.

Малькевич А.А. (2007) «Повышение электоральной активности молодежи современной России: проблемы и пути решения» // *Альманах современной науки и образования*, № 7: 108—112.

«Молодежь ломает стереотипы» (2018) // *Пресс-выпуск ВЦИОМ*, № 3612. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116758> (проверено 20.10.2019).

Сайганова Е.В. (2014) «Специфика электорального поведения молодежи в структуре политической культуры общества» // *Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология*, т. 14, вып. 2: 44—49.

Устинкина К.Г. (2014) «Электоральное поведение российской молодежи» // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*, № 1 (7): 139—145.

1er tour présidentielle 2017: sociologie de l'électorat. (2017) URL: www.ipsos.com/sites/default/files/files-fr-fr/doc_associe/ipsos-sopra-steria_sociologie-des-electorats_23-avril-2017-21h.pdf (accessed on 05.04.2019).

«2018 November General Election Turnout Rates». (2018) // *The United States Elections Project*. URL: <http://www.electproject.org/2018g> (accessed on 20.04.2019).

Brooks R. (2009) «Young People and Political Participation: An Analysis of European Union Policies» // *Sociological Research Online*, vol. 14, no. 1: 1—12. URL: <http://www.socresonline.org.uk/14/1/7.html> (accessed on 05.04.2019).

Bruter M. and S.Harrison. (2016) *Did Young People Bother to Vote in the EU Referendum?* // URL: www.ecrep.org/wp-content/uploads/2015/03/Did-young-people-bother-to-vote-in-the-EU-referendum.docx (accessed on 16.04.2019).

Buisson G. et S.Penant. (2017) «Élections présidentielles et législatives de 2002 à 2017: une participation atypique en 2017» // *Insee Première*, no. 1671. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3140794> (accessed on 29.10.2019).

Cammaerts B., M.Bruter, Sh.Banaji, S.Harrison, and N.Anstead. (2014) «The Myth of Youth Apathy: Young Europeans' Critical Attitudes toward Democratic Life» // *American Behavioral Scientist*, vol. 58, no. 5: 645—664.

College Students' Commitment to Activism, Political and Civic Engagement Reach All-Time Highs. (2016) URL: <http://newsroom.ucla.edu/releases/college-students-commitment-to-activism-political-and-civic-engagement-reach-all-time-highs> (accessed on 21.04.2019).

Curtice J. and I.Simpson. (2018) *Why Turnout Increased in the 2017 General Election.* URL: <http://www.bsa.natcen.ac.uk/media/39222/why-turnout-increased-in-the-2017-general-election.pdf> (accessed on 14.04.2019).

Curtis Ch. (2017) «How Britain Voted in the 2017 General Election» // *General Election. Politics and Current Affairs*, 13.06. URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/06/13/how-britain-voted-2017-general-election/> (accessed on 12.04.2019).

Dalton R. (2008) «Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation» // *Political Studies*, vol. 56, no 1: 76–98. URL: https://www.researchgate.net/publication/4734676_Citizenship_Norms_and_the_Expansion_Of_Political_Participation (accessed on 02.04.2019).

Dalton R. (2016) «Why Don't Millennials Vote?» // *The Washington Post*, 22.03. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/03/22/why-dont-millennials-vote/?noredirect=on&utm_term=.57d981928fdf (accessed on 20.04.2019).

Furlong A. and F.Cartmel. (2007) *Young People and Social Change: New Perspectives.* Berkshire: Open University Press.

Gordon H.R. and J.K.Taft. (2011) «Rethinking Youth Political Socialization: Teenage Activists Talk Back» // *Youth & Society*, vol. 43, no 4: 1499–1527.

Henn M., M.Weinstein, and D.Wring. (2002) «A Generation Apart? Youth and Political Participation in Britain» // *The British Journal of Politics and International Relations*, vol. 4, no. 2: 167–192.

«How Britain Voted». (2015) // *Ipsos MORI*, 26.08. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/how-britain-voted-2015?view=wide.%20accessed%2018%20August%202015> (accessed on 16.04.2019).

How the Voters Voted in the 2017 Election. (2017) URL: www.ipsos.com/sites/default/files/2017-06/how-britain-voted-in-the-2017-election_2.pdf (accessed on 11.04.2019).

INSEE, enquête sur la participation électorale 2017. Élections présidentielle et législatives de 2017: neuf inscrits sur dix ont voté à au moins un tour de scrutin. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3138704> (accessed on 29.10.2019).

«La participation des jeunes aux elections». (2018) // *La Croix*, 11.07. URL: <https://www.la-croix.com/Journal/participation-jeunes-elections-2018-07-11-1100954148> (accessed on 04.04.2019).

Melo D. and D.Stockemer. (2014) «Age and Political Participation in Germany, France and the UK: A Comparative Analysis» // *Comparative European Politics*, vol. 12, no 1: 33–53. URL: https://www.researchgate.net/publication/263326221_Age_and_political_participation_in_Germany_France_and_the_UK_A_comparative_analysis (accessed on 25.05.2019).

Norris P. (2002) *Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism.* Cambridge: Cambridge University Press.

Putnam R.D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.

Siurala L. (2002) *Can Youth Make a Difference? Youth Policy Facing Diversity and Change*. Strasbourg: Council of Europe.

Sloam J. (2014) «New Voice, Less Equal: The Civic and Political Engagement of Young People in the United States and Europe» // *Comparative Political Studies*, vol. 47, no. 5: 663—688.

Sloam J. (2016) «Diversity and Voice: The Political Participation of Young People in the European Union» // *The British Journal of Politics and International Relations*, vol. 18, no. 3: 521—537.

Sloam J. and M.Henn. (2019) «Youthquake: Young People and the 2017 General Election» // Sloam J. and M.Henn. *Youthquake 2017*. London: Palgrave Macmillan: 91—115. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-97469-9_5.pdf (accessed on 25.05.2019).

Tournier V. (2009) «Comment le vote vient aux jeunes: L'apprentissage de la norme électorale» // *Agora débats/jeunesses*, no. 51: 79—96. URL: https://www.cairn.info/article.php?ID_ARTICLE=AGORA_051_0079 (accessed on 23.05.2019).

Voter Turnout at General Elections in Germany from 1949 to 2017. (2019) URL: <https://www.statista.com/statistics/753732/german-elections-voter-turnout/> (accessed on 15.04.2019).

Wahl zum 19. Deutschen Bundestag am 24. September 2017. Heft 4: Wahlbeteiligung und Stimmabgabe der Frauen und Männer nach Altersgruppen. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/en/dam/jcr/e0d2b01f-32ff-40f0-ba9f-50b5f761bb22/btw17_heft4.pdf (accessed on 23.05.2019).

Wattenberg M.P. (2002) *Where Have All the Voters Gone?* Cambridge: Harvard University Press.

«Young People Dramatically Increase Their Turnout to 31%, Shape 2018 Midterm Elections» // *CIRCLE (The Center for Information and Research on Civic Learning and Engagement)*. URL: <https://civicyouth.org/young-people-dramatically-increase-their-turnout-31-percent-shape-2018-midterm-elections/> (accessed on 15.05.2019).

Youth Participation in Representative Democracy. (2019) URL: <https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/en/content/youthwiki/52-youth-participation-representative-democracy-france> (accessed on 01.04.2019).

«Youth Voting» // *CIRCLE (The Center for Information and Research on Civic Learning and Engagement)*. URL: <http://civicyouth.org/quick-facts/youth-voting/> (accessed on 15.05.2019).

R.V.PYRMA

ELECTORAL PARTICIPATION OF YOUTH IN THE USA, GREAT BRITAIN, FRANCE, GERMANY, AND RUSSIA COMPARATIVE STUDY

Roman V. Pyrma — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation. Email: pyrma@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to studying shifts in the electoral behavior of young people in the USA, Great Britain, France, Germany, and Russia. A comparative analysis of the indicators of youth participation in national elections in four “canonical” Western democracies and the Russian Federation refutes the conventional wisdom that the younger generation has lost their interest in the electoral process, demonstrating the failure of linear predictions of electoral participation based on trends of the previous electoral cycles.

The data presented in the article indicate that, contrary to the established stereotypes, today the rate of participation of young people in elections is increasing rather than decreasing. According to the author, this shows the flaw in the statement (which is widespread both in the Western and Russian scientific communities) about the erosion of traditional forms of political participation due to the change of generations and alteration in conditions of socialization. The growing popularity of alternative forms of political and civic activism among youth does not mean rejection of electoral procedures. Moreover, the electoral weight of young people is increasing, which makes it more relevant to study the behavior of youth in elections, in particular, applying the multivariate analysis.

Keywords: political behavior, electoral participation, democracy, youth, elections

References

1er tour présidentielle 2017: sociologie de l'électorat. (2017) URL: www.ipsos.com/sites/default/files/files-fr-fr/doc_associe/ipsos-sopra-steria_sociologie-des-electorats_23-avril-2017-21h.pdf (accessed on 05.04.2019).

“2018 November General Election Turnout Rates”. (2018) // *The United States Elections Project*. URL: <http://www.electproject.org/2018g> (accessed on 20.04.2019).

Brooks R. (2009) “Young People and Political Participation: An Analysis of European Union Policies” // *Sociological Research Online*, vol. 14, no. 1: 1–12. URL: <http://www.socresonline.org.uk/14/1/7.html> (accessed on 05.04.2019).

Bruter M. and S.Harrison. (2016) *Did Young People Bother to Vote in the EU Referendum?* // URL: www.ecrep.org/wp-content/uploads/2015/03/Did-young-people-bother-to-vote-in-the-EU-referendum.docx (accessed on 16.04.2019).

Buisson G. et S.Penant. (2017) “Élections présidentielles et législatives de 2002 à 2017: une participation atypique en 2017” // *Insee Première*, no. 1671. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3140794> (accessed on 29.10.2019).

Cammaerts B., M.Bruter, Sh.Banaji, S.Harrison, and N.Anstead. (2014) “The Myth of Youth Apathy: Young Europeans’ Critical Attitudes toward Democratic Life” // *American Behavioral Scientist*, vol. 58, no. 5: 645–664.

College Students’ Commitment to Activism, Political and Civic Engagement Reach All-Time Highs. (2016) URL: <http://newsroom.ucla.edu/releases/college-students-commitment-to-activism-political-and-civic-engagement-reach-all-time-highs> (accessed on 21.04.2019).

Curtice J. and I.Simpson. (2018) *Why Turnout Increased in the 2017 General Election.* URL: <http://www.bsa.natcen.ac.uk/media/39222/why-turnout-increased-in-the-2017-general-election.pdf> (accessed on 14.04.2019).

Curtis Ch. (2017) “How Britain Voted in the 2017 General Election” // *General Election. Politics and Current Affairs*, 13.06. URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/06/13/how-britain-voted-2017-general-election/> (accessed on 12.04.2019).

Dalton R. (2008) “Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation” // *Political Studies*, vol. 56, no 1: 76–98. URL: https://www.researchgate.net/publication/4734676_Citizenship_Norms_and_the_Expansion_Of_Political_Participation (accessed on 02.04.2019).

Dalton R. (2016) “Why Don’t Millennials Vote?” // *The Washington Post*, 22.03. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/03/22/why-dont-millennials-vote/?noredirect=on&utm_term=.57d981928fdf (accessed on 20.04.2019).

Furlong A. and F.Cartmel. (2007) *Young People and Social Change: New Perspectives.* Berkshire: Open University Press.

Gordon H.R. and J.K.Taft. (2011) “Rethinking Youth Political Socialization: Teenage Activists Talk Back” // *Youth & Society*, vol. 43, no 4: 1499–1527.

Gorshkov M.K. and F.E.Sheregi. (2010a) *Molodezh’ Rossii: sotsiologicheskij portret* [Youth of Russia: a Sociological Portrait]. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)

Gorshkov M.K. and F.E.Sheregi. (2010b) “Tsennostnye orientatsii, нравstvennye ustanovki i grazhdanskaja aktivnost’ molodezhi” [Value Orientations, Moral Attitudes and Civic Engagement of Youth] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], no. 1 (95): 5–35. (In Russ.)

Gudkov L.D., B.V.Dubin, and N.A.Zorkaya. (2011) *Molodezh’ Rossii* [Russian Youth]. Moscow: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij. (In Russ.)

Henn M., M.Weinstein, and D.Wring. (2002) “A Generation Apart? Youth and Political Participation in Britain” // *The British Journal of Politics and International Relations*, vol. 4, no. 2: 167–192.

“How Britain Voted”. (2015) // *Ipsos MORI*, 26.08. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/how-britain-voted-2015?view=wide.%20accessed%2018%20August%202015> (accessed on 16.04.2019).

How the Voters Voted in the 2017 Election. (2017) URL: www.ipsos.com/sites/default/files/2017-06/how-britain-voted-in-the-2017-election_2.pdf (accessed on 11.04.2019).

INSEE, enquête sur la participation électorale 2017. Élections présidentielle et législatives de 2017: neuf inscrits sur dix ont voté à au moins un tour de scrutin. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3138704> (accessed on 29.10.2019).

“La participation des jeunes aux elections”. (2018) // *La Croix*, 11.07. URL: <https://www.la-croix.com/Journal/participation-jeunes-elections-2018-07-11-1100954148> (accessed on 04.04.2019).

Malkevich A.A. (2007) “Povyshenie elektoralnoj aktivnosti molodezhi sovremennoj Rossii: problemy i puti reshenija” [Increasing the Electoral Activity of Modern Russian Youth: Problems and Solutions] // *Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovanija* [Almanac of Modern Science and Education], no. 7: 108–112. (In Russ.)

Melo D. and D.Stockemer. (2014) “Age and Political Participation in Germany, France and the UK: A Comparative Analysis” // *Comparative European Politics*, vol. 12, no 1: 33–53. URL: https://www.researchgate.net/publication/263326221_Age_and_political_participation_in_Germany_France_and_the_UK_A_comparative_analysis (accessed on 25.05.2019).

“Molodezh' lomaet stereotipy” [Youth Breaks Stereotypes]. (2018) // *Press-vypusk VTsIOM* [VCIOM Press Release], no. 3612. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116758> (accessed on 20.10.2019). (In Russ.)

Norris P. (2002) *Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Putnam R.D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.

Sayganova E.V. (2014) “Spetsifika elektoral'nogo povedenija molodezhi v strukture politicheskoy kul'tury obshchestva” [The Specifics of the Young People Electoral Behavior in the Structure of the Political Culture of Society] // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Ser. Sotsiologija. Politologija* [Izvestia of Saratov University: Sociology. Political Science], vol. 14, issue 2: 44–49. (In Russ.)

Siurala L. (2002) *Can Youth Make a Difference? Youth Policy Facing Diversity and Change*. Strasbourg: Council of Europe.

Sloam J. (2014) “New Voice, Less Equal: The Civic and Political Engagement of Young People in the United States and Europe” // *Comparative Political Studies*, vol. 47, no. 5: 663–688.

Sloam J. (2016) “Diversity and Voice: The Political Participation of Young People in the European Union” // *The British Journal of Politics and International Relations*, vol. 18, no. 3: 521–537.

Sloam J. and M.Henn. (2019) “Youthquake: Young People and the 2017 General Election” // Sloam J. and M.Henn. *Youthquake 2017*. London: Palgrave Macmillan: 91—115. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-97469-9_5.pdf (accessed on 25.05.2019).

Tournier V. (2009) “Comment le vote vient aux jeunes: L’apprentissage de la norme électorale” // *Agora débats/jeunesses*, no. 51: 79—96. URL: https://www.cairn.info/article.php?ID_ARTICLE=AGORA_051_0079 (accessed on 23.05.2019).

Ustinkina K.G. (2014) “Elektoral’noe povedenie rossijskoj molodezhi” [Electoral Behavior of Russian Youth] // *Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and State Management Designing], no. 1 (7): 139—145. (In Russ.)

Voter Turnout at General Elections in Germany from 1949 to 2017. (2019) URL: <https://www.statista.com/statistics/753732/german-elections-voter-turnout/> (accessed on 15.04.2019).

Wahl zum 19. Deutschen Bundestag am 24. September 2017. Heft 4: Wahlbeteiligung und Stimmabgabe der Frauen und Männer nach Altersgruppen. URL: https://www.bundeswahlleiter.de/en/dam/jcr/e0d2b01f-32ff-40f0-ba9f-50b5f761bb22/btw17_heft4.pdf (accessed on 23.05.2019).

Wattenberg M.P. (2002) *Where Have All the Voters Gone?* Cambridge: Harvard University Press.

“Young People Dramatically Increase Their Turnout to 31%, Shape 2018 Midterm Elections” // *CIRCLE (The Center for Information and Research on Civic Learning and Engagement)*. URL: <https://civicyouth.org/young-people-dramatically-increase-their-turnout-31-percent-shape-2018-midterm-elections/> (accessed on 15.05.2019).

Youth Participation in Representative Democracy. (2019) URL: <https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/en/content/youthwiki/52-youth-participation-representative-democracy-france> (accessed on 01.04.2019).

“Youth Voting” // *CIRCLE (The Center for Information and Research on Civic Learning and Engagement)*. URL: <http://civicyouth.org/quick-facts/youth-voting/> (accessed on 15.05.2019).

Zubok Yu.A. and O.V.Sorokin. (2010) “Formirovanie politicheskogo soznaniya rossijskoj molodezhi i obuslovlivajushchie ego protivorechija” [Formation of the Russian Youth Political Consciousness and Contradictions It Based on] // *Sotsiologija vlasti* [Sociology of Power], no. 4: 6—15. (In Russ.)

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ПОЛИТИЯ» В 2019 ГОДУ

- Балашов Д.В. Идея справедливости Амартии Сена _____ № 4 (95)
- Бляхер Л.Е. Политическая форма России
и социально-политические структуры Северной Евразии _____ № 1 (92)
- Бондарик Е.В. Основные международные индексы свободы СМИ:
систематизация, критерии оценки и критика _____ № 3 (94)
- Васюков О.Д. Новые меньшинства или непризнанные народы?
(Опыт Центральной и Восточной Европы) _____ № 1 (92)
- Гилев А.В.,
Шевцова И.К. Фундамент «вертикали»: выборы и распределение
межбюджетных трансфертов на местном уровне
(Случаи Новгородской области и Пермского края) _____ № 2 (93)
- Давыдов Д.А. Анархо-локализм и кризис левой политической мысли _____ № 2 (93)
- Задорин И.В.,
Хомякова А.П. Религиозная самоидентификация респондентов
в массовых опросах: что стоит за декларациями _____ № 3 (94)
- Зеленев Е.И.,
Исаев Л.М. Развитие концепции джихада:
минимализм и максимализм в исламе _____ № 4 (95)
- Земцов А.О. «Сильная рука»: авторитарность в политической культуре
современных россиян _____ № 4 (95)
- Иванов Е.А.,
Исаев Л.М.,
Коротяев А.В.,
Шишкина А.Р. Миграционное эхо сирийского конфликта
в регионах юга России
(На примере Карачаево-Черкесской Республики) _____ № 1 (92)
- Коктыш К.Е. Английский концепт свободы: опыт деконструкции _____ № 2 (93)
- Кучеренко С.А. Суверенитет и интеграция в политическом реализме _____ № 4 (95)

- Кынев А.В.** Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации (Опыт 1991—2018 гг.) _____ № 2 (93)
- Макаренко Б.И.** Двадцать семь лет спустя: есть ли посткоммунистические государства? _____ № 1 (92)
- Макаркин А.В.** Православие: как национализм побеждает универсализм _____ № 1 (92)
- Малинова О.Ю.** Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (Анализ российских практик) _____ № 3 (94)
- Марей А.В.** О Боге и его наместниках: христианская концепция власти _____ № 2 (93)
- Медушевский А.Н.** Веймарская Америка: политическая дискуссия о причинах упадка великой демократии _____ № 3 (94)
- Миллер А.И.** Рост значимости институционального фактора в политике памяти — причины и последствия _____ № 3 (94)
- Окунев И.Ю.,
Осколков П.В.** Последствия объединения российских регионов в ходе федеративной реформы 2000-х годов (Сравнительный анализ на основе экспертных интервью) _____ № 1 (92)
- Остапец Ю.А.** Между Сциллой национализации и Харибдой регионализации: особенности развития партийной системы Украины _____ № 4 (95)
- Пожидаева Э.О.** Партийные стратегии как фактор успеха радикально правых популистов в европейском политическом пространстве (Опыт качественного сравнительного анализа) _____ № 2 (93)
- Пырма Р.В.** Электоральная активность молодежи в США, Великобритании, Франции, Германии и России (Сравнительное исследование) _____ № 4 (95)
- Работяжев Н.В.** Западноевропейская социал-демократия в XXI веке: от модернизации к кризису _____ № 4 (95)
- Рожков А.А.** «Интересы» и «идеалы»: переопределяя политический реализм _____ № 4 (95)
- Розенберг Д.Я.,
Серова А.А.** Как «достойное правление» и глобализация снижают младенческую смертность: каузальная связь _____ № 4 (95)
- Розов Н.С.** Эпохи турбулентности и их преодоление _____ № 1 (92)

- Руднева Т.С.** Влияние расширения Евросоюза на процессы европеизации и демократизации в странах-кандидатах (На примере Сербии и Хорватии) _____ № 2 (93)
- Савин Н.Ю.** Политическая теория и понятие политического _____ № 1 (92)
- Скловский К.И.** Политические и юридические аспекты теории дара _____ № 3 (94)
- Тесля А.А.** «Народный роман» в идеологическом контексте
Рецензия на книгу: *Эко У. Superman для масс: Риторика и идеология народного романа / Пер. с ит. Ю.Галатенко. М.: Слово/Slovo, 2018* _____ № 2 (93)
- Третьяк А.Р.,** Политическая логика «multitudo»
Тинус Н.Н. в работах Гоббса и Спинозы _____ № 4 (95)
- Фишман Л.Г.** Коммодификация как фактор морального и политического прогресса _____ № 2 (93)
- Фокин К.В.** Гипотеза сверхъестественного наказания (Критический обзор) _____ №1 (92)
- Фокин К.В.** Эволюция институтов политического авторитета: рамочная основа концепции _____ № 3 (94)
- Чмель К.Ш.** Редуцируя комплексность: революция в современной левой политической мысли _____ № 1 (92)
- Шестопад Е.Б.,** Новые тенденции в восприятии власти
Вагина В.В., российскими гражданами _____ № 4 (95)
Пасс П.С.
- Шмерлина И.А.** «Социальная форма»: контуры концепта _____ № 3 (94)
- Штейнман М.А.** Трансформация метафоры власти в XX — начале XXI столетия (На примере произведений Дж.Р.Р.Толкина и Дж.Мартина) _____ № 2 (93)

XIV КОНКУРС РАБОТ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ НА ПРЕМИЮ А.М.САЛМИНА

Проводится ежегодно

Условия конкурса

1. К участию в конкурсе приглашаются студенты и аспиранты факультетов политологии, научные сотрудники исследовательских институтов и аналитических центров, не достигшие ко времени подачи работы 30 лет.
2. К участию в конкурсе принимаются работы объемом не более 40 тыс. знаков.
3. Приоритетными (для конкурса) направлениями политической науки являются: сравнительный анализ политических культур, политических институтов, межэтнических и церковно-государственных отношений.
4. Работы принимаются до 31 декабря 2019 г., оглашение результатов происходит во второй половине февраля.
5. Принятые к публикации в журнале «Полития» статьи авторов, отвечающих требованиям, изложенным в пункте 1, рассматриваются Жюри автоматически.
6. По итогам конкурса присуждаются первая (30 тыс. рублей), вторая (15 тыс. рублей) и третья (10 тыс. рублей) премии.

Работы с пометкой «на конкурс» присылать на электронный адрес: politeia@politeia.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПОЛИТИЯ»

1. Предлагаемые для публикации статьи направляются на электронный адрес Редакции (politeia@politeia.ru) в формате *.doc или *.docx.

2. Все статьи публикуются на бесплатной основе независимо от научного статуса авторов (в том числе аспирантские).

3. К статье должна прилагаться следующая информация об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью (на русском и английском языках), ученая степень и ученое звание, место работы, должность, контактный телефон, адрес электронной почты. Статьи, поступившие от посреднических контор, к рассмотрению не принимаются.

4. К статье следует приложить аннотацию на русском и английском языках. Аннотация должна представлять собой краткий аналитический текст (1500—2000 знаков с пробелами), раскрывающий основное содержание статьи. В конце аннотации следует указать 5—7 ключевых слов статьи на русском и английском языках.

5. Рекомендуемый объем статьи — 30—40 тыс. знаков с пробелами. Тексты, выходящие за пределы данного объема, рассматриваются Редакцией только в порядке исключения.

6. Статья должна иметь библиографический список на русском и английском языках. В списке указываются все авторы и источники, цитируемые в тексте. На каждую работу из списка обязательна ссылка в тексте. Библиографические и текстовые ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены.

7. В связи с особенностями макета «Политии» просим авторов воздерживаться от обширных подстрочных примечаний.

8. Текст статьи должен быть приведен автором в максимальное соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими и прочими языковыми нормами *до* отправки его в Редакцию. Сокращения слов не допускаются.

9. Таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь название и располагаться по месту их будущего размещения в макете. Числовые данные в таблицах должны быть выверены автором. В тексте должна быть ссылка на каждую таблицу и рисунок (их порядковый номер). Рисунки должны быть выполнены в черно-белом формате. Таблицы и рисунки должны интегрироваться в файл формата *.doc (*.docx) с сохранением возможности их редактирования.

10. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. По заранее оговоренному желанию автора редакционная правка подлежит согласованию с автором.

11. Все статьи, поступившие в Редакцию и отвечающие профилю, концепции и тематике журнала, проходят рецензирование. Принятие первичного решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала. Статьи, не прошедшие экспертизу коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала, к рецензированию не принимаются.

12. Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей, учитывая мнения рецензентов. Рецензирование носит обоюдно анонимный характер: имена авторов не сообщаются рецензентам, имена рецензентов не сообщаются авторам.

Регламент рецензирования подробно описан в «Порядке рассмотрения и рецензирования статей, поступивших в редакцию журнала „Полития“» на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/porjadok-rassmotrenija-i-recenzirovanija/>).

13. Статьи, ранее опубликованные (в том числе в интернете) или сданные в другие издания, в журнале не публикуются. Исключения возможны только для препринтов. Автор обязан проинформировать Редакцию о факте существования препринта предлагаемой к публикации в «Политии» статьи.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПРАВОЧНОГО АППАРАТА

Оформление ссылок

Библиографические ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией и включают фамилии авторов, год издания и (в случае цитат или отсылок к конкретным частям работы) страницы:

Геллнер 1991.

См. Геллнер 1991.

Геллнер 1991: 100—101 — после двоеточия указаны страницы.

Инглхарт и Вельцель 2011.

Spector and Kitsuse 1977.

Слинько, Сальников и Дмитриева 2009.

North, Wallis, and Weingast 2009.

Коротаев и др. 2007— при наличии более чем трех авторов.

Baumgartner et al. 2009 — при наличии более чем трех авторов.

Петров 2003; Сидоров 2005.

Селезнева 2011a: 100; Freedman 2017b — буквы a, b, c... обозначают разные работы данного автора, выпущенные в один и тот же год.

Если авторство в библиографическом описании не указано, в ссылке приводятся фамилии редакторов, а при отсутствии таковых — первое слово (первые слова) названия работы:

Шестопал (ред.) 2012.

Bernhard and Kubik (eds.) 2014.

Понятие 2007.

Радикальная ксенофобия 2004.

Ссылки на классические труды античных авторов, а также на священные тексты включают только их общепринятую пагинацию и рубрикацию (в случае необходимости указывается также переводчик):

Платон, Тимей: 50b—53c (пер. С.С.Аверинцева).

Plato, Timaeus: 50b—53c (transl. by V.Jowett).

Мф. 23:38.

В случае ссылки на периодическое издание в целом в подстрочном примечании указываются его название, год выпуска, том (при наличии) и номер (или день и месяц публикации):

Политическая наука 2000, № 2.
Political Studies 2000, vol. 3, no. 2.
Сегодня 01.08.2001.

При ссылке на интернет-ресурс целиком в подстрочном примечании приводится его URL:
<http://data.uis.unesco.org/>.

Оформление библиографических списков

Базовый библиографический список (Библиография) и References составляются по алфавитному принципу без нумерации. В базовом библиографическом списке сначала в алфавитном порядке приводятся источники на русском языке, затем — на иностранных. Классические труды античных авторов и священные тексты в библиографические списки не включаются.

В *базовом библиографическом списке* при оформлении книг должны быть указаны фамилии и инициалы авторов (редакторов), год издания (в скобках), название книги, место издания, название издательства. При оформлении статей, опубликованных в периодических изданиях, указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, название статьи (в кавычках), название журнала или газеты, том (при наличии), номер и страницы, на которых размещена статья. Для материалов периодических изданий, имеющих как печатную, так и интернет-версию со свободным доступом, помимо информации об издании следует указывать полный URL (конкретной страницы, а не только веб-сайта, на котором она размещена). Для интернет-публикаций, не имеющих печатной версии, приводится только URL конкретной страницы. Не рекомендуется ссылаться на интернет-версии неперiodических печатных изданий, в которых не сохранена оригинальная пагинация. При описании разделов в монографиях и статей в сборниках указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, названия раздела/статьи (в кавычках) и монографии или сборника (с указанием фамилий и инициалов авторов или редакторов), место издания, издательство и страницы, на которых размещены раздел/статья. Название базового источника (книги или того издания, где помещена цитируемая работа) выделяется курсивом. При цитировании нескольких работ какого-либо автора, выпущенных в один и тот же год, после указания года издания добавляются буквы a, b, c...

В *References* вся информация о русскоязычных работах должна быть транслитерирована, а названия самих работ и переведены на английский язык. Транслитерация производится на основе стандарта Library of Congress (LC). Переводу подлежат также названия периодических изданий, сборников и монографий, в которых размещена цитируемая работа. В случае переводных книг и статей следует указывать их оригинальное название. В оригинальном написании должны приводиться и фамилии иностранных авторов. Описания работ на иностранных языках воспроизводятся в *References* без изменений.

Примеры оформления работ в базовом библиографическом списке и References приведены на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/pravila-otformlenija/>).

Table of Contents

	Issue Materials _____	5
Political Theories	A.R.Tretyak, N.N.Tinus Political Logic of "Multitudo" in the Works of Hobbes and Spinoza _____	6
	D.V.Balashov Amartya Sen's Idea of Justice _____	25
	A.A.Rozhkov "Interests" and "Ideals": Redefining Political Realism _____	39
	S.A.Kucherenko Sovereignty and Integration in Political Realism _____	53
	Social Consciousness E.B.Shestopal, V.V.Vagina, P.S.Pass New Trends of Russian Citizens' Perception of Authorities _____	67
	A.O.Zemtsov "Strong Hand": Authoritarianism in the Political Culture of Modern Russians _____	87
Religion and Politics	E.I.Zelenev, L.M.Issaev Development of Jihad Concept: Minimalism and Maximalism in Islam _____	111
Political Parties	N.V.Rabotyzhev Western European Social Democracy in the 21 st Century: from Modernization to Crisis _____	132
	Yu.A.Ostapets Between Scylla of Nationalization and Charybdis of Regionalization: Features of Development of Party System of Ukraine _____	154
	Laboratory D.I.Rosenberg, A.A.Serova How Do "Good Governance" and Globalization Reduce Infant Mortality: Causal Link _____	175
	R.V.Pyrma Electoral Participation of Youth in the USA, Great Britain, France, Germany, and Russia (Comparative Study) _____	188
Appendix	The Journal in 2019 (Index) _____	205
	The 14 th A.M.Salmin's Best Paper Award Contest among Young Political Scientists _____	208
	Guidelines for Submitting Manuscripts for Publishing in Journal <i>Politeia</i> _____	209

ПОЛИТИЯ
Журнал политической философии
и социологии политики

ПИ № ФС 77-48673 от 21 февраля 2012 г.

Издается АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 101000, Москва, Лучников пер., 2.

Дизайн – *Ю.А. Трушин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка – *И.В. Филимонов*

Подписано в печать 25.11.2019. Формат 70×100 1/16.

Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ООО «Место печати».

119049, Москва, ул. Мытная, д. 23, кор. 3.

Ф. СП-1	Министерство связи Российской Федерации										на газету		80454	
	Абонемент										на журнал		(индекс издания)	
	Журнал «Полития»													
	(наименование издания)										Количество комплектов:			
	на 20__ год по месяцам:													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
	Куда						г.							
	(почтовый индекс)						(адрес)							
	ул.													
	дом				корп.				кв.					
	Кому													
	(фамилия, инициалы)										тел.			
	Доставочная карточка													
										на газету		80454		
										на журнал				
пв	место	ли-тер		(Индекс издания)										
Журнал «Полития»														
(наименование издания)														
Стоимость		подписки		__руб__коп		Количество комплектов:								
		пере-адресовки		__руб__коп										
На 20__ год по месяцам:														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда						г.								
(почтовый индекс)						(адрес)								
дом				корп.				кв.						
Кому														
(фамилия, инициалы)										тел.				